
бор. громов
гибель
арктики
огиз молодая гвардия 1932

Библиотека
Экскурсий и
Путешествий

бор. громов

гибель арктики

огиз • молодая гвардия • 1932

Содержание

Редактор В. Катаньян. Техред. Л. Юркевич. Сдано в производство 9/III-32 г. Подписано к печати 22/V-32 г. Уполн. Главлита В 19375. М. Г. № 8183. Инд. Д-2 п. л. 6. Форм. 82×111 1/32 зн. 398000 Тираж 10000. Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18. Н. 281.

предисловие

Советские арктические экспедиции резко отличаются от экспедиций капиталистических стран. Советские экспедиции — часть общей, напряженной, но строго плановой работы по раскрытию и усвоению производительных сил шестой части мира, по строительству социализма.

Мы в Арктике не гонимся за рекордами (хотя попутно их нередко ставим), мы не ищем приключений (хотя переживаем их на каждом шагу); наша цель — изучить Север для его хозяйственного освоения, решить научные задачи Севера для их использования в хозяйстве всего СССР. Это обеспечивает нашим экспедициям величайшее внимание и сочувствие широких масс трудящихся. А это внимание — залог успехов, поставивших СССР впереди всех стран в изучении Арктики за последние годы.

Постоянный контакт с массами, с активом строителей — характерная черта и непременное условие наших советских полярных исследований. Вот почему корреспондент, журналист, писатель—непременный участник и деятельный член всякой нашей экспедиции. Мало выполнить задание, решить научную задачу, — надо довести их до всей страны, до всего нашего актива.

Среди наших полярных корреспондентов Б. В. Громов занимает по праву одно из первых мест. Помимо качеств хорошего журналиста — умение видеть и острое перо, т. Громов оказался неутомимым путешественником, храбрым, надежным, не теряющимся в опас-

ностях товарищем. Вот почему Б. Громов был не только журналистом в экспедиции, но и участником ряда исследовательских работ и других заданий. Тов. Громов действительно знает работу в Арктике и умеет о ней рассказать.

Во время экспедиции каждый день по количеству переживаний равен неделе, а то и месяцу. Всего не опишешь. В книге Б. Громова выбраны главнейшие моменты, удачно связанные с прошлой работой в Арктике, с характеристикой природы Севера, условий жизни и перспектив его хозяйственного освоения.

Всего нельзя требовать от этой небольшой книги, объем которой был заранее ограничен. В ней конечно нет подробных научных результатов. Они публикуются в трудах Арктического института в Ленинграде. В ней мало о самом производстве научных работ, — жаль, об этом Б. Громов сумел бы ярко и понятно рассказать. Нет в ней почти ничего о самой организации экспедиции, о всей трудной и напряженной подготовке, подборе кадров, выборе маршрутов, о трудностях руководства, которое осуществляет план среди поминутно изменяющейся обстановки, о жизни команды ледокола.

И все же книга ярко рисует обстановку и общие результаты работы. Она, несомненно, привлечет к арктической работе новые кадры молодых исследователей и укрепит связь между полярными работниками и неисчерпаемым резервуаром творческой энергии — массами, строящими социализм.

О. Шмидт

от автора

Когда я приступил к работе над книгой об Арктике, о двух блестящих походах ледокола «Седов» — на Землю Франца-Иосифа и Землю Северную, мне хотелось показать без прикрас суровое лицо Арктики, о которой лишь очень немногие имеют правильное понятие и суждение.

Мне хотелось показать те невероятные трудности и самоотверженность, с которыми герои Арктики завоевывали ее беспредельные ледяные просторы.

Мне хотелось рассказать о беспримерной в истории, действительно ударной работе зимовщиков-колонистов и колоссальных достижениях Советского союза в области регулярного и планомерного изучения своих диких окраин.

Людям Арктики посвящена моя книга—энтузиастам, рисковавшим своей жизнью во имя науки.

Не знаю, насколько мне удалось выполнить эту задачу. Об этом пусть судит читатель, но то горение, тот энтузиазм, которым были охвачены все, от начальника экспедиции проф. О. Ю. Шмидта до кочегара, захватил и меня. Если это горение хоть в какой-либо части мне удастся передать читателю, если он хоть в какой-либо степени проникнется тем энтузиазмом, которым были охвачены мы, и по прочтении этой книги станет одним из активистов растущей армии друзей Арктики, то я могу считать свою задачу выполненной.

Я приношу глубокую признательность всем участникам экспедиции — руководящему составу и научным работникам, беседы и труды которых послужили мне материалом при составлении этой книги.

арктика

Страна великого ледяного безмолвия, необъятных, беспредельных просторов, страна жестоких холодов и буранов — она уже многие столетия манит к себе сотни отважных исследователей и путешественников.

Что такое Арктика?

На этот вопрос пытались ответить лучшие мировые ученые, рисковавшие своей жизнью во имя науки. Фритьоф **Нансен,** Роальд **Амундсен, Норденшельд,** Виллем **Баренц,** Георгий **Седов** и др. — вот те славные имена людей-энтузиастов, связавших свою жизнь со страной ледяного безмолвия. Это они пытались заглянуть в тайники далекого Севера, приоткрыть плотный занавес туманов и льда, которые окружают громадную необитаемую область.

Первым путешественником, обогнувшим северную оконечность Европы — мыс Нордкап — и попавшим в Баренцово море, был норманн Оттер. Вслед за ним целые фаланги неустрашимых норвежских викингов проникли туда, открыли Северную Америку, Гренландию и Свальбард, именуемый ныне Шпицбергеном.

Бесстрашные архангельские поморы и новгородские выходцы еще в XIII столетии, в погоне за промысловым зверем, а также в целях торговли, пробирались на крошечных ладьях к Груманту (старинное название Шпицбергена — от Grönland — Гренландия) и к Новой Земле. Итальянец Урбино писал, что еще в XVI веке русским была известна Новая Земля, где они построили несколько поселений. Но Виллем Баренц уже в 1594 году нашел на юго-западном берегу Новой Земли три деревянных дома, сооруженных русскими поморами, разбитый корабль, мешки с мукой и несколько старых могил. И на северо-западном берегу Новой Земли Баренц обнаружил следы пребывания русских поморов. Здесь он нашел огромные деревянные кресты — опознавательные знаки, с вырезанным на них русским текстом. Точно такие же кресты находят и по сие время на Шпицбергене и т. д.

Следовательно, неустрашимые архангельские поморы и новгородцы еще значительно раньше посещали эти пустынные края, но в летописях истории об этих замечательных плаваниях не сохранилось следа.

Таким образом южная часть Баренцова моря издавна была известна мореплавателям, что никак нельзя сказать о северной части. Объясняется это тем, что в большинстве случаев первыми исследователями Арктики были промышленники, рыскавшие по свету в поисках трески. Треска же, как теперь известно, держится большими стаями лишь в южной половине моря. Следовательно, из чисто промышленных соображений рыбакам незачем было пытаться проникнуть на север, рискуя быть затертыми во льдах и погибнуть голодной смертью.

В 1870 году в Русском географическом обществе был поставлен вопрос о необходимости снарядить полярную экспедицию. Общество поручило знаменитому географу, анархисту П. А. Кропоткину, составить проект этой экспедиции и обосновать необходимость ее организации.

В своем замечательном проекте П. А. Кропоткин, между прочим, написал:

«Только вряд ли одна группа островов Шпицбергена была бы в состоянии удержать огромные массы льда, занимающие пространство в несколько тысяч квадратных миль, в постоянно одинаковом положении, между Шпицбергеном и Новой Землей. Не представляет ли нам это обстоятельство, равно как и относительно легкое достижение северной части Шпицбергена, право думать, что МЕЖДУ ЭТИМ ОСТРОВОМ И НОВОЙ ЗЕМЛЕЙ НАХОДИТСЯ ЕЩЕ НЕ ОТКРЫТАЯ ЗЕМЛЯ, которая простирается к северу дальше Шпицбергена и удерживает льды за собою?»

Таким образом наш выдающийся географ еще за три года до официального посещения Земли Франца-Иосифа уже теоретически ее открыл. Предсказание П. А. Кропоткина было основано исключительно на логическом рассуждении.

«Если б к северу от Новой Земли, — мыслил он, — не было бы никакой земли, никакой преграды, то грандиозные ледяные массы, ползущие с полюса, шли бы и дальше к югу, надвигаясь на Европу. Но этого в действительности нет. Значит, им что-то мешает, что-то тормозит их ход. Этим тормозом и должна служить земля или группа, архипелаг, островов».

Несмотря на гениальность замысла, царское правительство не отпустило средств на экспедицию, считая этот проект голым прожектерством.

Но уже через четыре года австрийские ученые **Пайер** и **Вайпрехт,** снарядив на частные средства экспедицию, случайно обнаружили эту землю и назвали ее именем императора Франца-Иосифа, никогда не имевшего никакого отношения к Арктике.

Случилось это так. Полярное судно «Тегетгоф» в середине августа, после десятинедельного плавания, затерло у северо-западных берегов Новой Земли. Отсюда в течение года «Тегетгоф» безвольно дрейфовало (тащило вместе с движущимся по воле течения и ветров льдом) к северу и пригнало к неизвестной гористой, покрытой снегом земле. Таким образом и было подтверждено «предсказание» П. А. Кропоткина.

Вмерзшее в лед судно «Тегетгоф» пришлось покинуть. Поэтому австрийцы двинулись в обратный путь к материку на четырех лодках, поставленных на сани. С огромными трудностями и лишениями, по бесконечным ледяным полям, в течение 96 дней пробирались они к далеким сибирским берегам, и неизвестно, окончилось ли бы это рискованное путешествие благополучно, если бы австрийцев не подобрал у Новой Земли, в районе мыса Бритвина, русский промышленник, помор Федор Воронин, который и доставил их на своей шхуне «Николай» в Вардэ.

В 1880 — 1881 годах Землю Франца-Иосифа два раза посетил шотландский яхтсмен **Ли-Смит,** добравшийся до архипелага на деревянной паровой, специально приспособленной для плавания во льдах яхточке «Эйра».

21 августа у мыса Флоры с ним произошла катастрофа. Внезапно налетевший лед прижал хрупкое судно к береговому припаю и потопил его. К счастью, значительное количество продовольствия и снаряжения удалось во-время выбросить на лед, откуда его и перетащили на берег. Из обшивки разбитой «Эйры», камней и мха была сооружена маленькая хижина, в которой 25 несчастных участников экспедиции провели тяжелую зимовку и долгую полярную ночь, продолжительностью в 128 дней.

На следующий год с большими трудностями Ли-Смит на четырех парусных шлюпках, лавируя между ледяными полями, пробираясь узкими кривыми каналами, достиг чистой воды и подошел к Маточкину Шару, где ожидали давно и тщетно разыскивающие его три судна.

Ли-Смит сумел доказать, что архипелаг Земли Франца-Иосифа тянется на 9 градусов долготы дальше к западу, чем это раньше предполагали.

Большая заслуга в деле изучения архипелага принадлежит англичанину Фредерику **Джексону**, отправившемуся в 1894 году на Землю Франца-Иосифа на судне «Виндворт» в составе девяти человек и пробывшему без смены на Земле в течение трех лет. Джексон ставил себе целью выяснить, как далеко на север простирается Земля Франца-Иосифа и не является ли она самой близкой к северному полюсу и таким образом наиболее целесообразным отправным пунктом для его достижения.

Добравшись до берегов Земли, Джексон на мысе Флора организовал поселок из шести строений, построил бревенчатый дом, предусмотрительно захваченный из Архангельска. Надо сказать, что уже к моменту посещения Земли Франца-Иосифа Джексон был опытным полярником, с солидным стажем. Он уже побывал среди самоедов, в Большеземельской тундре, прекрасно управлял ездовыми собаками и впервые испытал применение в полярных условиях пони, оказавшихся весьма полезными и в условиях Земли Франца-Иосифа.

Из-за затянувшейся разгрузки судна «Виндворт» он не смог выйти в обратный путь и зазимовал на мысе Флора. Благодаря удачной охоте и обилию свежего мяса здоровье членов экспедиции к концу зимы было превосходно.

Хуже обстояло дело на затертом льдами судне. Здесь 52-летний матрос Муатт, единственный из команды «Виндворта» чувствовавший отвращение к медвежьему и моржовому мясу, отказывавшийся принимать его в пищу и предпочитавший солонину, заболел цынгой, скончался и был похоронен на мысе Флора.

Весной 1895 года Джексон с тремя пони и шестью санями отправился в большую экспедицию на север, прошел вдоль Британского канала, расположенного внутри архипелага Земли Франца-Иосифа, и открыл к северу от него большое водное пространство (часть Ледовитого океана), названное им морем королевы Виктории. Тогда же Джексон открыл ряд новых островов (Скотт-Кельти, Кэтлиц, Саллисбюри).

3 июля «Виндворт» покинул мыс Флора, оставив Джексона и его спутников для дальнейшего исследования Земли Франца-Иосифа.

В июне 1896 года на мысе Флора произошла историческая встреча Джексона с величайшим полярным исследователем — **Нансеном** — и его спутником — **Иогансеном.**

Произошло это так. В 1895 году Нансен и Иогансен, с целью достижения северного полюса, дрейфовали на судне

«Фрам» в полярном бассейне и подошли к берегам Земли Франца-Иосифа. Покинув судно и плывя на утлых каяках (лодочках), груженных продовольствием, или таща вязнущие, утопающие в снегу тяжелые сани, они пытались пешком дойти до полюса. Но стальные нервы, закаленные мышцы, колоссальная настойчивость и сила воли храбрецов не смогли преодолеть сопротивления и тех препятствий, которые им ставила Арктика на тяжелом пути.

Измученные, изнуренные постоянной борьбой за каждый шаг, за каждый километр к полюсу, они бросили свою попытку и возвратились обратно на Землю Франца-Иосифа, где на мысе Норвегия острова Джексона из камней, мха и моржовых шкур соорудили хижину, заготовили охотой свежее мясо и всю долгую полярную ночь, как медведи в берлоге, провели вместе, спали в одном спальном мешке, на полу, покрытом толстым слоем льда, с ужасом думая о будущем, тщательно скрывая друг от друга мрачные, тревожные мысли. А между тем рядом, в нескольких сутках ходьбы на лыжах, вторую зиму проводила хорошо снабженная экспедиция Джексона.

Но кто мог знать? Кто мог сообщить эту радостную, спасительную весточку? Кругом — могильная тишина, мрак и ледяной ужас. Лишь через 15 месяцев после ухода «Фрама» отважные полярники, добравшись до мыса Флора, сквозь безумный неутомимый оркестр гигантского птичьего базара (место гнездования прилетных птиц) впервые услышали звуки собачьего лая и — о радость! — человеческий голос.

Грязный, оборванный человек, с перепутанной, давно не чесаной бородой, в рваных сапогах, в засаленной, прокоптелой тужурке, пропахшей острым запахом ворвани, подошел к чисто выбритому, стройному англичанину в опрятном костюме и пожал ему руку.

— Вы не Нансен? — приглядываясь, спросил Джексон.

— Ну конечно, — живо отозвался он. — А вы?

— Я — Джексон.

Радость встретить где-то на далеком севере, среди льдов и торосов, величайшего исследователя, которого весь мир считал погибшим, была велика. Оба полярника молча держали друг друга за руки, не находя от волнения слов для выражения восторга.

Так состоялась историческая встреча двух людей, двух отважных завоевателей безграничных просторов Арктики.

Вскоре к мысу Флора подошло судно «Виндворт», доставившее Джексону новые запасы продовольствия, топлива и

ездовых оленей. На этом судне Нансен и Иогансен покинули Землю Франца-Иосифа, оставив Джексона на третью зимовку.

Третья полярная зимовка в Арктике окончилась для Джексона и его спутников так же благополучно, как и две первые. С наступлением весеннего тепла Джексон опять приступил к исследовательской работе, осмотрел западную часть Земли Франца-Иосифа и открыл ряд новых островов (Армитэдж, Артура, Гармсуорта).

Экспедиция Джексона провела на Земле Франца-Иосифа совершенно не известном науке архипелаге, огромную работу. Представление австрийцев Пайера и Вайпрехта о Земле Франца-Иосифа как об обширной территории суши было теперь разбито. На самом деле Земля оказалась группой небольших островов, пересеченных и изрезанных бесчисленным множеством проливов, заливов и бухт. Помимо чисто географических открытий, экспедиция Джексона провела обширные работы по геофизике, геологии, ботанике, зоологии и гидробиологии, внеся ценный вклад в науку о Земле Франца-Иосифа.

С 1897 года начались беспрерывные «нападения» на Землю Франца-Иосифа. Уже в том же году ее посетил шотландец **Робертсон,** затем американский журналист **Уэльман,** итальянский «высокопоставленный» гость герцог **Абруцкий,** американец **Болдуин,** американский кавалерист **Фиала,** адмирал **Макаров** и наконец экспедиция выдающегося русского исследователя-энтузиаста Георгия Яковлевича **Седова.**

Но об этих экспедициях — впереди. С ними мы еще встретимся не раз, ибо множество островов и заливов, по которым шел, грудью прокладывая себе путь, советский ледокол «Георгий Седов», названный в честь знаменитого исследователя Арктики, связано с этими именами.

Северная Земля была открыта экспедицией **Вилькицкого.** Юго-восточный берег ее впервые был обнаружен с ледоколов «Таймыр» и «Вайгач» в 1913 году.

22 августа экспедиция Вилькицкого высадилась на восточном берегу Северной Земли, где произвела астрономические наблюдения. В результате проделанной работы мы знаем положение южной оконечности восточного берега Северной Земли. Западные же берега этой земли до сих пор остались неисследованными, так как после Вилькицкого на ней никто не был. Представляет ли Северная Земля собою один остров или это есть обширный архипелаг, никому не было известно, равно как и не были известны ни площадь его, ни характер поверхности.

Целый ряд иностранных экспедиций стремился достичь Северной Земли. В 1918—1919 годах в этом районе работала норвежская экспедиция на судне «Мод» под начальством Роальда **Амундсена.** Амундсену не удалось попасть на Северную Землю из-за сплошного льда. В 1928 году над Северной Землей пролетел на дирижабле «Италия» **Нобиле,** но из-за плохой видимости и туманов ее не заметил. Точно так же не достигла своей цели и отправившаяся в том же году американская экспедиция под начальством капитана **Барлетта.**

Что привлекает людей к Арктике? Чем манит отважных исследователей эта неприветливая, угрюмая страна? На эти вопросы хорошо ответил крупнейший мировой полярный ученый — проф. В. Ю. Визе.

— Погода делается на севере, — заявил он. — Зная, какие изменения происходят в атмосфере арктических стран, легко будет предсказать погоду и для СССР, ибо она в значительной степени зависит от состояния погоды на севере.

Проф. В. Ю. Визе рассказывает и другое. Американцы благодаря широкой сети хорошо налаженных метеорологических станций, следящих за погодой, ежегодно экономят двести миллионов рублей. Для Советского союза изучение атмосферы является задачей первой важности. Если мы будем знать, что, например, в этом году лето будет холодное, засушливое, с малым количеством осадков, то мы всегда сможет заблаговременно принять необходимые меры: засеять поля семенами, не поддающимися засухе, и т. д.

До 1926 года Земля Франца-Иосифа никому не принадлежала. Австрия, соотечественники которой первыми побывали там, будучи отдалена от Арктики, никогда не претендовала на эту землю. Декретом Совнаркома от 15 мая 1926 года Земля Франца-Иосифа была объявлена советской территорией.

«Территорией СССР, — гласил декрет, — объявляются все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования этого постановления признанной правительством СССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья СССР до северного полюса, в пределах между зоной СССР, т. е. между меридианом 32° 04′35″ восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-Губе, и меридианом 168° 49′30″ западной долготы от Гринвича».

Таким образом декретом советского правительства Земли Франца-Иосифа была объявлена нашей территорией.

При помощи каких средств можно побороть Арктику, заглянуть в ее неисследованные области? На этот вопрос есть

такой ответ: только при помощи мощного ледокола, самолета, а также организации сети постоянных метеорадиостанций.

В свое время инициатор и строитель ледокола «Ермак», адмирал С. О. Макаров, писал:

«Вопрос о форсировании полярных льдов хотя и не разрешен еще вполне техникой, однако никто не в праве утверждать, что 1—1½-метровый лед, который сейчас не под силу нашим ледоколам, не перестанет быть преградой для тех ледоколов, которые будут созданы в ближайшее, быть может, время. Это вопрос силы и средств, а не вопрос возможностей. Торосы поборимы, — непоборимо лишь людское суеверие».

Людское суеверие побороть удалось. Теперь ледокол — всеми признанное и испытанное средство для передвижения в Арктике. Вопрос о необходимости регулярного, стационарного изучения Арктики путем организации научных станций также разрешен. На очереди — вопрос о применении самолета. Полеты в Арктику летчиков на своих аппаратах совершаются чаще и чаще, и не подлежит никакому сомнению, что окончательная победа человека над воздушным океаном Севера — вопрос только времени, и времени недалекого.

С целью обследования советского полярного сектора, изучения его режима, животного и растительного мира, а также для смены впервые завезенных в 1929 году на Землю Франца-Иосифа колонистов и организации советской радиостанции на Северной Земле постановлением Совнаркома СССР в Архангельске была снаряжена большая правительственная экспедиция на ледоколе «Седов» под руководством уже посетившего в 1929 году Землю Франца-Иосифа начальника экспедиции проф. **О. Ю. Шмидта** и его помощников — бывшего командира «Красина» на поисках группы Нобиле проф. **Р. Л. Самойловича** и бывшего командира «Малыгина» проф. **В. Ю. Визе.** В состав экспедиции были вовлечены виднейшие советские ученые — бактериолог проф. **Исаченко** и ботаник проф. **Савич.**

Последний свисток — и Москва далеко позади. Проводник вагона, молодой малый, узнав, что я отправляюсь в полярную экспедицию, заботливо расстанавливает большие, чрезмерно набитые чемоданы. Обложенный со всех сторон свертками, пакетами, вооруженный новеньким фотоаппаратом «лейкой» и австрийским карабином «штейером», который впоследствии, на охоте, мне сослужил большую службу, вздра-

гивая и мотаясь от толчков вагона, я стараюсь сосредоточиться, успокоить разбухшую от переживаний голову.

Мимо окон вагона тянутся болота, тяжелые шапки столетних елей, мачтовых сосен, полустанки, ярко освещенные станции, крошечные деревушки, города и тяжелая стальная паутина мостов.

В навязчивых мыслях, в поездной качке, как сон, промелькнули первые сутки пути. В окна уже заглянула прохлада северной ночи и мшистые кочки архангельской тундры. В вагоне—нервное движение. Мы подъезжаем к столице Северного края — к городу, откуда мне предстояло отправиться в тяжелый рейс в Арктику.

Широкая гладь красавицы Северной Двины сильно взволнована под напором резкого ветра, дующего со страшной силой из открытого моря. Тяжелые волны перекатываются на берег, обдавая набережную фонтаном холодных брызг. По реке, захлебываясь в волнах, взлетая с легкостью щепок, на гребнях, зарываясь носом в пену, шныряют крошечные портовые моторки и катера. По ту сторону реки, вытянувшись длинной лентой вдоль берега, раскинулся город.

В годы гражданской войны Архангельск стал кровавой ареной борьбы пролетариата с иностранным империализмом. Я был в Архангельске тотчас после занятия его революционной армией. Я видел темные бреши взорванных мостов, разрушенные водонапорные башни единственной железной дороги, видел полузатопленные скелеты мощных лесовозов, разбитый бомбардировкой порт, варварски разграбленные «культуртрегерами» рабочие домишки и полуголодных, обтрепанных моряков. Порт замер — замерла жизнь.

В жестокие февральские морозы, в дикую пургу, плотным занавесом закрывшую весь горизонт и спрятавшую в белой мгле притаившиеся в снегу соломбальские рабочие домишки, из Архангельска спешно удирал на ледоколе «Минин» выкинутый на штыках голодной, рваной, но героической Красной армией старый кровавый пес — генерал Миллер. Озади «Минина» нехотя плелись ледоколы «Ярославна», «Полярный» и «Таймыр», капитанам которых, под страхом расстрела, был дан строжайший приказ взять курс на горло Белого моря и дальше — на Великобританию.

Ломая крепкий двинский лед, под обстрелом красных партизан, трусливо спасало свою шкуру последнее отребье белогвардейщины. На вышках огромных лесозаводов Маймаксы, Кузнечихи и Соломбалы уже развевались красные знамена.

У выхода в Белое море обстрел прекратился. На палубу

вышел плотный, в генеральской шинели, человек. На толстом, заплывшем от долгих бессонных ночей лице, была пьяная растерянность. Мутным, едва протрезвившимся от неожиданного свинцового душа взглядом жадно вцепился глазами продажный политикан и наемный солдат в последний клочок далекой, навсегда потерянной родины.

Генерал молчал. В клубах густого дыма, вытянувшись в длинную ленту, дробя и ломая беломорский лед, неслись ледоколы к выходу в океан.

— Господа, — неожиданно обратился генерал к своим спутникам, — жаль... — Указательный палец протянулся к дыму и зареву пожарищ, осветивших вдали пепельное небо.— Архангельск — жемчужину севера — вот что жаль оставлять варварам. Но бог даст, будет время, и мы отомстим за поруганный крест и отечество. Я еще приду... — кому-то пригрозил генерал.

С тех пор прошло много долгих тяжелых лет упорной борьбы рабочего класса, великой героической работы по восстановлению края.

Единственная связь с культурным центром — одноколейная железная дорога — была полуразрушена. Взорванные фермы железных мостов валялись на дне полноводных северных рек. От станционных зданий и водонапорных башен остались мрачные развалины. Паровозы стояли — не было топлива и запасных частей.

Сыпняк в Архангельске сменялся эпидемией гриппа, брюшняк приходил на смену сыпняку.

В затонах Северной Двины уныло смотрели в небо темные пропасти труб, захлебнувшихся лесовозов, потопленных белогвардейцами. Все, что можно было уничтожить, сжечь, разграбить, все это сделала убегавшая белая банда.

Рабочий, крестьянин и моряк, защищая республику от врагов, отдали все свои силы на восстановление разрушенного хозяйства.

Бросившие своего «благодетеля» — Миллера — уже в Белом море ледоколы «Ярославна», «Таймыр» и «Полярный» оказались едва ли не единственными работоспособными пароходами из всего северного торгового флота.

День за днем реставрировались заводы.

В доках уже блестели яркой окраской поднятые со дна пароходы. Порт медленно оживал. Строились новые лесозаводы, вырастали многотоннажные пароходы и буксиры. В устье Северной Двины сначала в одиночку, как бы с опаской, а затем целыми пачками появляются иностранные пароходы. Лес,

ценнейший советский лес, лучший «дипломат», раньше многих заставил Европу признать СССР де-факто.

Кто видал Архангельск двадцатого года, тот не узнает теперешнего индустриального Архангельска — мирового лесного порта. Архангельск сегодня — весь в темпе бурной работы. Новые лесогиганты, целлюлозные фабрики, электростанции, пароходы — вот чем дышит Архангельск сегодня.

Пятилетка в действии. Цифры рапортуют о ней. В **1931 г.** экспортируется леса **4 059 000** тонн, в **1932 г.** — **5 762 000** тонн, а в **1933 г.** — **7 608 000** тонн. В строительство архангельского порта за три года вкладывается **72,5** млн. рублей. За это же время флот увеличивается на **139** единиц, из которых большая часть — лесовозы дальнего плавания для рейсов в иностранные порты.

Уже сейчас грузооборот порта увеличился по сравнению с предыдущими годами в несколько раз. Мы давно перешагнули довоенный уровень. Это мерило уже устарело.

В **1912 г.** на одну тонну чистой грузоподъемности было перевезено **6** тонн, а в **1929 г.** — **14,3** тонны **(238%)**. И это при общей грузоподъемности всего флота в **1912 г.** в **11 140** тонн, а в **1929 г.** — всего **4 983** тонны. Другими словами, при значительно меньшем (в три раза) тоннаже уцелевшего от варварства белых флота, мы выполняем план перевозок значительно больший, чем в довоенное время.

Центр тяжести пятилетнего плана в развитии хозяйства Северного края лежит в организации лесного дела, от которого будет зависеть и рост промышленности. **58** млн. гектаров леса Северного края ежегодно дают прирост древесины в количестве около **46,4** млн. кубометров. До настоящего времени этот годичный прирост используется в количестве менее 50%, в то время как в среднем по РСФСР (Сибирь, Сев. Кавказ, Дальний Восток) прирост используется свыше 60%, а в некоторых районах даже свыше 100%.

Надо сказать, что ежегодное мировое потребление леса превышает прирост его. Поэтому мировой лесной рынок, несомненно, будет предъявлять все большие требования к слабо используемым районам. В первую очередь таким районом может и должен явиться Северный край, при его удобных путях сообщения с европейскими лесными рынками.

Северное побережье СССР, протяжением более 20 тыс. километров, а также острова и земли, находящиеся в нашем полярном секторе, представляют для всего народного хозяйства вполне реальный интерес, и эти далекие от центра области являются не только мрачной ледяной пустыней, но бла-

Команда ледокола „Седова"

Научный состав экспедиции.
внизу, слева—проф. О. Ю. Шмидт, проф. Иоаченко, капитан В. И. Воронин; в середине—проф. Р. Л. Самойлович, проф. В. Ю. Визе; наверху—проф. Савич

Начинает штормить

Новая Земля
Белушья губа

Самоедские
дети

О. Ю Шмидт
беседует с самоедами.
Налево—
в меховой шапке
председатель
исполкома Новой Земли
Илья Вылка

годаря своему географическому положению и колоссальным природным богатствам должны сыграть выдающуюся роль в экономике всей страны.

На примере Аляски мы убедились, какое огромное значение может иметь для нас советский Север.

В 1876 году Североамериканские соединенные штаты за бесценок (7,2 млн. долларов) купили у царского правительства огромную территорию Аляски. Через два года там были открыты богатейшие месторождения золота, затем обнаружены медные залежи и наконец уголь.

Благодаря вложениям в строительство дорог и других путей сообщения американцам удалось выгодно эксплоатировать лес и только на одном экспорте семги, которая водится в тамошних реках, в 1918 году они заработали 22 млн. долларов, т. е. втрое больше той суммы, за которую купили Аляску.

Несколько десятков лет тому назад в Аляску были вывезены из Сибири олени. В настоящее время там насчитываются стада в сотни тысяч голов, а по подсчетам американского министерства земледелия из Аляски через 15—20 лет будет вывозиться оленье мясо на сумму 45—60 млн. долларов. Теперь понятно, что может нам дать только одно оленеводство, для процветания которого на советском Севере и в Сибири имеются неиссякаемые возможности.

Недра Северного края таят в себе богатейшие ископаемые. Уже при поверхностном исследовании обнаружена нефть на р. Ухте, каменный уголь на р. Усе, железные, свинцовые и медные руды на острове Вайгаче, гипсы и алебастры на рр. Пинеге и Сев. Двине, шиферный камень на Мезенской Пижме, графит на р. Курейке, россыпи полиметаллических руд на полуострове Таймыр, серный колчедан и апатиты на Кольском полуострове и т. д. Подчеркиваем, эти колоссальные богатства обнаружены лишь при самом поверхностном исследовании, ибо детальных, глубоких разведок наш советский Север — край неисчерпанных богатств — еще не знает.

Советский Север переживает эпоху бурного строительства, индустриализации и научных исследований.

перед походом

Маленький пузатый пароходик «Москва», вращая огромными колесами, не спеша перевозит пассажиров через Северную Двину на тот берег, где в сизой дымке тумана утопает столица Севера.

Тощий, щуплый штурман, лихо заломив засаленную фуражку с блестящим значком Совторгфлота на затылок, озабоченно носится по палубе. У него такой вид, точно он ведет не старую, дырявую калошу, какой на самом деле является «Москва», а огромный океанский пароход, притом не в спокойный штиль, а в шторм баллов на десять.

Благодаря ли стараниям и беготне щуплого штурмана или же, что вернее всего, спокойствию Северной Двины и полной безопасности навигации в порту наше двухколесное корыто, издав жуткий радостный крик, спокойно пришвартовалось к пристани.

Маленькие деревянные домики растянулись вдоль берега реки, образуя первую и последнюю в городе улицу, по которой, стуча и громыхая, катился трамвай.

Надо спешить на ледокол, надо успеть уже сегодня дать первую телеграмму о подготовке его к экспедиции.

Где грузится «Седов», у какой пристани пришвартован, об этом знает каждый мальчишка. «Седов», его капитан и команда — это гордость всего города; имя «Седова» на языке всех архангельцев. О нем говорят дома, в трамвае, на улице, яростно спорят в клубах, на лесозаводах, в учреждениях.

— Дойдет ли в этом году до Земли Франца-Иосифа и Земли Северной? Выполнит ли задание партии и правительства?

У Красной пристани, перекинув трапы, стоит «Седов». Вот уже целую неделю, как широкие ненасытные пасти трюмов с жадностью глотают бесчисленное множество ящиков с консервами, продовольствием, мешки с мукой, бочки с керосином и чистенькие, терпко пахнущие доски и бревна.

Наш ледокол построен в Англии. До мировой войны плавал во льдах Канады и назывался «Беотик». Во время империалистической войны был запродан царской России и нес службу в Белом море, снабжая армию снарядами и снаряжением, которые шли от союзников.

После революции ледокол, переименованный в «Георгия Седова», участвовал в Карской экспедиции, проводя во льдах лесовозы и другие коммерческие суда. С 1926 года «Седов» в зимнее время стал ходить в Белое море на промысел гренландского тюленя. В 1928 году ледокол, будучи в море, получил приказ итти на розыски остатков дирижабля «Италия». Преодолевая тяжелые льды, он добрался до берегов Земли Франца-Иосифа и, не найдя пострадавших, дошел до восточного берега Новой Земли и Карскими Воротами прошел в Баренцово море.

Ледокол великолепно приспособлен к борьбе с тяжелыми льдами. У него поставлена дюймовая стальная обшивка и так называемый «ледяной пояс», который должен защищать всю нижнюю часть судна.

Приступили к погрузке угля. Плотным жирным слоем отборного кардифа покрывается весь ледокол, все снасти. Матросов, так тех не узнать. Они мгновенно превратились в негров с блестящими белками глаз и яркокрасными толстыми губами.

Трюм ледокола и расположенный над ним твиндек — это огромный, многоэтажный дом с обширными помещениями для продуктов, лесных материалов, угля, помещениями для команд, банями и уборными. В трюме же, обливаясь потом у топок, выполняют свою тяжелую работу кочегары.

На пристани, карабкаясь по горам нагроможденных друг на друга ящиков и бочек, с банкой краски и кистью в руках носится озабоченный, ничего не замечающий вокруг себя любимец всего экипажа — Павел Иванович Румянцев.

Он уже давно не брился; на лице бледная печать утомления от бессонных ночей. Быть заведующим хозяйством экспедиции — это значит взять на себя огромнейшую ответственность по обеспечению всего ее многолюдного состава да еще будущих колонистов Земли Франца-Иосифа и Земли Северной всем необходимым. Нужно подумать обо всем, начиная от муки, кончая табаком, зубной щеткой, клюквенным экстрактом и чесноком, столь необходимым средством для борьбы с северным бичом — цынгой. Забыть ничего нельзя: ведь малейшая оплошность, неточный расчет запасов продовольствия и обмундирования могут поставить экспедицию в тяжелое положение в случае вынужденной зимовки, на которую мы имеем солидные шансы.

В истории арктических экспедиций было много случаев, когда при снаряжении их поставлялось плохое, недоброкачественное продовольствие. В 1845 году знаменитому полярному исследователю **Франклину** были поставлены тухлые мясные консервы, что обнаружилось лишь во время нахождения его в Арктике. В результате все консервы пришлось выбросить и тем самым поставить экспедицию в тяжелое положение. Во время зимовки Франклина на почве недоедания от цынги умер 21 человек. Амундсен, уже будучи во льдах, обнаружил в ящиках из-под консервов кирпичи. Наконец в 1912 году экспедиции Г. Я. Седова также были поста-

влены низкосортные продукты, из-за чего во время зимовки вспыхнула цынга.

Поэтому на нашем завходе лежала тяжелая задача — проверить качество заготовленных продуктов и, руководствуясь основным требованием каждой арктической экспедиции, закупить наиболее разнообразные продукты питания, притом богатые витаминами «С».

Беспрерывным потоком плывут ящики и бочки в бездонные трюмы. Все это нужно уложить по местам, укрепить так, чтобы во время шторма ничего не перебилось.

У бака отчаянная возня: там грузят матросы свежее мясо для колонистов — коров. Ошалелые, с тупыми, ничего не понимающими глазами, растопырив во все стороны ноги, коровы беспомощно болтаются на канате лебедки, перебрасывающей их с соседней баржи на «Седова».

К вечеру на ледокол доставили огромную стаю ездовых камчатских собак, предназначенных для колонистов Земли Северной. По обнаженному булыжнику архангельских мостовых они со скоростью беговых лошадей примчали самоедские нарты (сани) к пристани и, то ли от радости свободы, то ли при виде «Седова», задрав головы кверху, настойчиво и заунывно завыли.

Пушистые, остроносые, с торчащими кверху ушами, бесцветными, как у слепых, глазами, собаки радостно помахивали обрывками хвостов, чувствуя какие-то не известные им, назревающие события.

Камчатским псам уже пришлось познакомиться с пароходом. Это тогда, когда они совершали длинный путь из устья реки Колымы по Беринговому морю, Тихому океану, мимо Чукотского побережья, Камчатки и Японии.

Первое время они старательно знакомились: обнюхивали друг друга и лишь изредка злобно рычали. Но уже вскоре начались отчаянные, жестокие драки. Грязная шерсть кусками летела по ветру. Дрались свирепо, не на живот, а на смерть.

Мы часто удивлялись, почему собак не посадят по разным углам на цепи.

— Нельзя, — говорили матросы, — подраться собакам необходимо. Ведь сейчас они выясняют самый важный для них вопрос — кто самый сильный. Сейчас должен определиться будущий вожак всей стаи. А вожак — это первый и самый надежный помощник человека, так сказать, его заместитель по собачьей команде. Без вожака ездовые собаки не представляют собою никакой ценности. Их никакими силами

нельзя заставить работать. Они ленивы, плохо тянут сани, дерзко крадут мясо и беспрерывно спят. Вожак же во время езды сам будет следить за тем, чтобы все собаки до одной тянули сани, чтобы не было бездельников, не работающих, а только делающих вид, что работают, и горе тому псу, кто будет лентяем: во-первых, его во время самой езды тяпнет за бок или за шею вожак, а потом, когда собак распрягут, вся стая на него набросится и задаст хорошую взбучку.

Часто можно было видеть такую картину. В дикой, жестокой схватке сцепились два пса. Взъерошив облезлую шерсть, оскалив белые, сверкающие зубы, напрягая все тело в гибкую стальную пружину, смешались они в общий пушистый клубок. А в это время вся остальная стая рассаживается вокруг, образуя арену, на которой идет кровавый смертный бой, и, одобрительно виляя обрубками хвостов, молча, но с неослабеваемым интересом наблюдает за исходом поединка. Но лишь только определится сильнейший — а это происходит в какой-то неуловимый для человека момент, — лишь только один из борющихся чуть-чуть ослабеет, как вся стая по чьему-то негласному приказу бросается на побежденного. И если в этот момент следящие за дракой матросы не придут на помощь со своими огромными тяжелыми сапожищами, которыми они безжалостно расталкивают озверевших, опьяневших при виде крови, полудиких собак, то побежденный мгновенно будет разорван на части.

В грохоте подъемных кранов, в скрипе лебедки и криках осипших грузчиков, с высокого капитанского мостика еле слышен голос «хозяина» ледокола — капитана дальнего плавания Владимира Ивановича **Воронина.**

С Владимиром Ивановичем я уже был знаком по экспедиции «Седова» на Землю Франца-Иосифа в 1929 году. Уже тогда я смог убедиться в исключительных навигационных способностях, изумительном чутье и знании Арктики этого ледового капитана. Сын беломорского помора, В. И. Воронин еще крохотным мальчишкой, с шести лет, работал на рыболовных судах. Свою мореходную карьеру он начал с зуйка, т. е. мальчишки, нацепляющего наживу при ловле трески в Белом море. Много лет рыбачил на меленьких деревянных ботах, ежедневно подвергая свою жизнь опасности и капризам разъярившихся волн. Через некоторое время он получил повышение — стал коком — поваренком, приготовляющим пищу для остальной команды рыбаков, а потом, окончив

морские классы, перешел на паровые суда и благодаря огромному опыту и, главное, знанию Белого моря быстро достиг звания капитана дальнего плавания. В. И. Воронин — один из немногих уцелевших при гибели парохода «Федор Чижов», потопленного во время империалистической войны в Ледовитом океане германской подводной лодкой.

Мягкий, добродушный, неунывающий и всегда веселый, Владимир Иванович в минуты опасности совершенно преображался. Куда исчезали его чарующая улыбка и бесконечная вереница рассказов о морских приключениях и о жизни беломорских поморов?

В дни, когда на «Седова» напирали многотонные глыбы льда, Владимира Ивановича круглые сутки, бессменно, можно было видеть на капитанском мостике, у огромной 40-кратной цейсовской пушки (бинокля), или нервно расхаживающим вдоль борта судна. Тогда с разговорами и расспросами никто не смел к нему подступить.

Бывало выскочит чумазый кочегар из своего пекла дохнуть свежего воздуха, глянет наверх, на капитанский мостик, и, вернувшись вниз, многозначительно скажет:

— Все ходит...

И вся команда, как один, понимала, что «ходит» не даром, что положение судна, значит, тяжелое и что нужно напрячь все силы, все умение и находчивость, чтобы преодолеть ледяной барьер. И с утроенной энергией летел в прожорливые пасти топок жирный кардифский уголь, еще с большей силой надрывались машины, а по палубе быстро и бесшумно скользили матросы, выполняя малейшее распоряжение капитана.

— Капитан приказал...

И не было случая, чтобы команда не только не выполнила, но усумнилась в правильности его распоряжения — до такой степени был высок авторитет одного из лучших ледовых капитанов советского Севера.

Когда ветер разносил льды или «Седов», напрягая всю свою мощь — 2 600 лош. сил, кроша и разламывая огромные ледяные глыбы, выходил на чистую воду, тогда капитан спускался вниз, в кают-компанию, перекусить чем-нибудь, уже давно остывшим.

И тогда в этом своеобразном судовом клубе собирался весь состав экспедиции, ибо знали, что настроение у Владимира Ивановича изменилось, что сейчас он весел и начнет свои бесконечные рассказы.

Из маленькой засаленной тетрадки вытаскивает он стихи старых капитанов для запоминания погоды.

— Наивные стишки, — смущенно говорит он, — но уж очень правдивые...

Если небо красно с вечера —
Моряку бояться нечего.
Если ж красно поутру —
Моряку не по нутру.

●

Коль резок контур облаков,
Ко встрече с ветром будь готов!
Когда ж их контуры мягки,
Тогда все ветры далеки.

●

Если солнце село в тучу —
Берегись: получишь бучу.
Если ж солнце село в воду —
Жди хорошую погоду.

●

Ходят чайки по песку,
Моряку сулят тоску;
И, пока не влезут в воду,
Жди штормовую погоду.

●

Скачет стрелка вверх и вниз,
То погода — лишь каприз.
Ну, а если постепенно
Стрелка вниз иль вверх идет, —
Будет ветер непременно,
И не скоро он пройдет.

●

При низком барометре,
Стрелки падении
Требует море
Внимания и бдения.

●

Шкипер разумный
Тогда лишь заснет,
Как только стрелка
Высоко пойдет.

●

Вот на этих простых стишках, на парусных ботах и судах и воспитывался, прошел первую суровую школу мореплавания наш капитан. В те далекие дни метеорология еще не была признана сотрудничать с кораблем, да и не смогла бы сотрудничать, ибо в области предсказаний была неточна. И корабли плыли буквально «по воле волн», ставя капитанам труднейшую задачу — делать прогноз погоды не на научном основании, а на основании личного опыта, интуиции и сохранившихся дедовских примет и поверий.

Завтра выходим в море

Коротко, как бы мимоходом, бросил начальник экспедиции О. Ю. Шмидт:

— К этому времени всему экипажу судна и членам экспедиции предлагаю быть на местах.

На местах мы, собственно говоря, уже давно. Перегороженный деревянными стенками мрачный трюм разбит на крошечные клетки кают — будущие места ночлега большей части экспедиционного состава. Разбухшие чемоданы, приборы, сотни мелких баночек, склянок и бутылок, приготовленных для научных работ, снесены вниз и распределены по местам.

Знакомимся, приглядываемся друг к другу. Ведь кто знает: возможно, нам придется провести вместе долгий полярный год, — это в случае вынужденной зимовки. Поэтому подбор состава экспедиции — это один из важнейших организационных вопросов.

Арктика — хорошая школа и вместе с тем прекрасная лаборатория для испытания характера человека.

Захожу в свою каюту и обалдеваю от адской жары. Рядом с нашим помещением, в машинном отделении, пробуют котлы, нагревая их до предела. Тусклый свет круглого иллюминатора падает на две койки, приделанные к стене, плотно прибитый к полу стол и на что-то смутно напоминающее нето диван, нето мягкий стул.

Мой компаньон по каюте — секретарь экспедиции, он же корреспондент «Комсомольской правды» — Леонид **Муханов** делает «уют»: грязными от угольной пыли руками разворачивает белоснежные, заботливо приготовленные дома простыни на постели.

Я залезаю на койку, вытягиваюсь во весь рост и примериваюсь — ноги остаются в согнутом положении. Значит, минимум два месяца мне не придется во сне выпрямляться. Ну, а

если вынужденная зимовка, тогда сколько времени я буду лежать в таком положении?

Из соседней каюты слышен нежный звон склянок: это бактериолог проф. Исаченко приготовляет свою походную лабораторию.

Чистый, вымытый, блестя на ярком солнце свежей окраской, стоит красавец-ледокол. Вся черновая погрузка уже закончена, остались мелочи: разместить оглушительно воющих от скуки и нетерпения собак по узким ящикам-клеткам, специально сооруженным на палубе, и накрепко задраить (закрыть) трюмы, ибо метеосводки настойчиво твердят о поджидающих нас в Белом море штормах.

В матросском и кочегарском кубриках уже провели первое собрание, распределили вахты и вынесли решение четко и полностью выполнить задание партии и правительства — довести ледокол до Земли Франца-Иосифа и неведомых берегов Земли Северной.

Итак, завтра окончательно порываем с Большой Землей. Впереди штормы, льды, неизвестность. В голове шум, тысячи мыслей и в общем полнейший хаос. Все участники экспедиции, а в особенности новички, впервые отправляющиеся в Арктику, сильно возбуждены, неестественно громко смеются, без толку и без дела носятся из трюма на палубу и обратно, пристают к «бывалым» матросам с невероятно глупыми вопросами, например:

— А что, может расшибить ледокол айсбергом?

Пользуясь неопытностью и наивностью собеседников, матросы добродушно разыгрывают их, неся несусветную чепуху.

Старший помощник капитана **Ю. Н. Хлебников**, надвинув морскую фуражку на затылок, в белоснежной сорочке, в галстуке и воротничке, важно прохаживается по палубе. Завтра же он эти бесполезные аксессуары положит на дно чемодана и не прикоснется до возвращения в Архангельск.

В маленький иллюминатор капитанской каюты видно, как вот уже два часа склонились над разостланным на столе полотном карты руководители экспедиции — О. Ю. Шмидт, В. И. Воронин, В. Ю. Визе и Р. Л. Самойлович. Указывая карандашом на южную конечность Земли Франца-Иосифа, капитан что-то с жаром доказывает, и, повидимому, с ним соглашаются, ибо все трое одобрительно кивают головами.

Наутро пришли последние туристы — москвичи, ленинградцы, местные школьники и рабочие лесозаводов. На пристани стало тихо. Не слышно обычных окриков грузчиков, скрипа лебедки и грохота подъемного крана. Лишь втиснутые

в узкие клетки собаки истерическим воем. стараются напомнить о своем существовании да расположившиеся на палубе под брезентовым навесом коровы издают жалобный рев.

В последний раз штурман **Б. Е. Ушаков** скомандовал:

— Вира, по-малу...

И стоп. Темные трюмы, набрав в себя невероятное количество груза, наглухо задраены брезентами.

Просмоленные поморские лодки с полозьями, на случай вынужденного путешествия по льдам, огромные бревна для мачты будущей радиостанции на Северной Земле — все укреплено, крепко привязано на случай встречи со штормом.

Проводы ледокола в новую, тяжелую экспедицию превратились в огромное торжество. Тысячи пролетариев Архангельска пришли сказать «прости» ветерану «Седову», отправляющемуся в труднейший поход на север.

Пристань, вся набережная, крыши близлежащих домов и пакгаузов, палубы соседних пароходов переполнены толпами провожающих, приветствующих завоевателей бесконечных просторов суровой Арктики.

В семь часов вечера открывается торжественный митинг. В теплых, искренних словах пожелали архангельцы экспедиции новых побед, успехов и заверили, что с неослабеваемым вниманием будут следить за ее результатами.

— Этой экспедицией мы вступили,—говорит О. Ю. Шмидт,— в последний год арктической пятилетки. Ленинградский институт Севера, ведущий огромную работу по освоению Арктики, уже провел более 170 экспедиций. Единственным белым пятном на карте является Северная Земля. Если метеорологические и ледовые условия в этом году будут благоприятны, если мы сможем достигнуть этого совершенно неизвестного науке, далекого отрезка материка и оставить там для детального обследования изыскательную партию, то карта и границы гигантской территории Советского союза будут точно известны.

Последние слова О. Ю. Шмидта тонут в криках «ура», звуках «Интернационала» и грохоте поднимаемого из воды якоря.

Митинг окончен. Последняя связь с берегом—трапы подняты на палубу. Наступает гробовая тишина. На верхнем мостике появляется капитан.

— Якорь чист! — несется звонкий голос боцмана **Янцева.**

— Тихий, вперед! — передает в слуховую трубку, соединяющую капитанский мостик с машинным отделением, В. И. Воронин.

— Есть тихий вперед, — приглушенно доносится снизу, где старший механик **Матвеев**, уже вторично отправляющийся в экспедицию на Землю Франца-Иосифа, как хороший дирижер, командует целым оркестром хлопающих, чавкающих и стонущих рычагов, шатунов, на слух определяя фальшивую ноту, т. е. неполадки в сложном организме машины.

— Счастливый путь!..

— Бросьте якоря у Северной!.. — несется с пристани.

Под громкие крики «ура» и овации «Седов» делает круг по Двине и разворачивает свой крепкий форштевень (нос) к выходу в Белое море.

Прибавив ходу, сопровождаемый флотилией парусников, моторок и катеров, вылощенный, очищенный от ржавчины, ярко блестя медными частями, расцвеченный флагами, гордо проходит «Седов» по кривой, извилистой улице полноводной реки.

На всем длинном пути мимо рабочих районов Архангельска нас провожают оркестрами музыки, алыми стягами знамен и криками «ура» собравшиеся в огромном количестве на берегу рабочие лесозаводов.

— Ребята, неужели пошли?!. — в каком-то экстазе, не обращаясь ни к тому, кричит радостно возбужденный Муханов.

— Да, пошли...

Итак, прощай Большая Земля, прощай жемчужина Севера — Архангельск. Нервно вздрагивая от ударов винта, вспенивая воду, тихо пробирается «Седов» к устью Белого моря.

Мимо проходит несколько крупных лесозаводов, последние строеньица, яркозеленые островки и наконец — Чижовка. Последняя остановка на таможенном пункте.

Мы идем вдоль восточного берега Белого моря, вдоль зеленой ленты хвойных лесов, мимо небольших поморских рыбачьих деревушек, но уже вскоре меняем направление и отходим к противоположному берегу — к Кольскому полуострову.

— Завтра должно маленько качнуть, — поглаживая усы, задумчиво произносит В. И. Воронин, — барометр идет книзу, да и в воздухе пахнет штормом.

С первого же дня выхода в море жизнь на ледоколе стала входить в свою колею. Регулярно, по склянкам, менялись вахты штурманов и матросов. В одни и те же часы на палубу вылезали, с наслаждением подставляя холодному ветру грязные потные лица, окончившие дежурство кочегары. И два раза в день настойчиво звал к гостеприимному столу кают-компании резкий звонок буфетчика или, как его называют на судах,

стюарта, Ивана Васильевича **Екимова,** работающего чуть ли не двадцать лет на ледоколе, связавшего свою судьбу с ветераном «Седовым».

первый шторм

16 июля из клюза «Седова» с грохотом вылетел и тяжело плюхнулся в воду якорь. Первая и последняя остановка в преддверье Арктики — остров Сосновец.

Невзрачный, плоский, как лепешка, остров сглажен прибоями и беспрерывными, дующими из открытой форточки Белого моря северными ветрами — морянами и полдниками, как их называют поморы. Темные, покрытые рыжим мхом скалы придают острову какой-то ржавый оттенок. На западной стороне его — несколько небольших домишек, башня маяка и острая стрела радиоантенны.

Холодно. Ледокол покачивает. Сильный нордовый ветер пенит волну. Белоснежные барашки бороздят горизонт, словно предупреждая о том, что где-то впереди нас поджидает сильный штормяга. Спасаясь от ветра и мертвой зыби за прикрытием острова, покачиваются два мрачных рыбацких парусника: они только что у Святого Носа выдержали девятибальный шторм и теперь, пользуясь передышкой, залечивают нанесенные океаном ранения.

Отделившись от берега, с легкостью щепки взлетая на вздыбленных волнах, ловко лавируя, к «Седову» несется крошечная весельная шлюпка. Единственный гребец — и он же начальник острова Сосновца — прибыл сообщить о том, что у него есть для «Седова» моторный катер. Пользуясь случаем, мы передаем ему последнюю почту, которую когда-нибудь заберет в Архангельск забредшее судно.

Огромный баркас, который мы погрузили, называется древним именем Шпицбергена — «Грумант».

Скрипя на шлюпбалках, медленно ползет к воде спасательный вельбот. Четверо здоровяков-матросов уже на веслах. О. Ю. Шмидт, Р. Л. Самойлович и неугомонный ботаник проф. Савич отправляются к острову. Ныряя в волнах, захлебываясь носом в туче соленых холодных брызг, мчится вельбот к пустынным берегам.

Через несколько часов возвратившийся на ледокол проф. Савич восторженно демонстрировал какой-то облезлый, уродливый мох, стараясь передать непонимающим, равнодушным слушателям хоть частичку своего энтузиазма. Он нашел какой-то редчайший экземпляр, который там, далеко, в Москве,

Ленинграде и за границей, должен произвести настоящий фурор.

Небо заволокло тяжелыми свинцовыми тучами. В предчувствии чего-то недоброго все притихли. Не слышно больше звонких взрывов смеха, несущихся из кочегарского кубрика, да и голос капитана стал как-то суровее.

Только из узких загонов время от времени раздаются дикие, нечеловеческие вопли и страшное, озлобленное рычание. Бедным псам так тесно в своих клетках, что нельзя даже пошевельнуться. Как бросила неловкая рука матроса, как попал на кусочек свободного пола, так и лежи, замри, не думая двинуть онемевшей ногой. Малейшее движение вызывает дикую, кровопролитную грызню, участие в которой принимают все собаки. Некоторые, наиболее нетерпеливые, видимо отчаявшись очутиться когда-либо на свободе, с ловкостью акробатов пытаются просунуть свое гибкое тело в узкую прорезь щели, оставленной для кормежки. Отряхиваясь и радостно потягиваясь, с виноватым видом, скрываются беглецы под днищем опрокинутых на палубе лодок, боясь показаться на глаза матросов.

— Сейчас перейдем полярный круг, — говорит боцман Янцев, — а там уже скоро и океан...

Исчезла неприветливая тундра безлюдного полуострова, белые пятна нерастаявшего прошлогоднего снега. Земли больше нет. Кругом вода, вода...

Два раза тускло звякнули склянки, два раза сменилась вахта штурманов, рулевых, матросов, кочегаров, и в мрачную полночь полярный круг стал нам югом. У Орловского маяка, в горле Белого моря, вдали показался шедший навстречу товаро-пассажирский пароход с Печоры. Облако белого пара рванулось вверх над его трубой, и сильный порыв ветра принес рев морской сирены — последнее приветствие уходящему во льды «Седову».

Капитан трижды рвет шнур гудка. Хриплый, простуженный бас ледокола приветствует последнее виденное нами судно. Утром, на рассвете, стальной форштевень «Седова» уже рассекал изумрудные воды Полярного моря.

Хорошая погода не балует нас ласковым вниманием. Уже на вторые сутки по выходе из Архангельска широкая гладь океана расчертилась суровыми седыми морщинами волн. Резкие шквалистые порывы нордового ветра поднимают целые горы пенистой воды. Ледокол зашатало — началась килевая

качка. Баренцово море раскидывал пришедший из Гренландии шторм.

«Проклятое море» — звали викинги Баренцово море, и оно действительно оправдывало свою кличку. Тысячи жертв приняло «проклятое море» в свои ледяные объятия. Целые флотилии лодок викингов нашли свой вечный причал на дне.

Мы летим в открытом бурном океане. Тяжелые, налитые облака свесились с неба. Широкие валы, огромные водяные горы неожиданно вырастают перед носом ледокола. Он то зарывается в белоснежную пену, то, тяжело скрипя такелажем и снастями, взлетает высоко, задирая вверх бак (переднюю часть судна).

Весь горизонт заполнен отвесными грядами волн с блестящими барашками на гребнях.

Незабываемое впечатление производит океанский девятибальный шторм, впечатление беспомощности и покорности перед разбушевавшимися, неукротимыми силами стихии. Прежде всего вы убеждаетесь, что бороться нет сил и что самое лучшее — безропотно ждать перемены погоды.

Шатаясь, ударяясь о перегородки, теряя равновесие, нескладно ковыляя ногами, которые вдруг, неожиданно, одеревянели, пробираетесь по длинным полутемным коридорам трюма к каюте, чтобы немедленно лечь на койку, обвязать себя для крепости веревкой и попробовать задремать.

Но ваша хитрость напрасна. С тяжелым вздохом валится ледокол вдруг набок, маленький, накрепко задраенный иллюминатор оказывается погруженным в бледный изумруд воды, и вы с ужасом наблюдаете бешеный танец чемоданов, тарелок, ваших сапог, с остервенением летающих по грязному, мокрому полу.

Даже привыкнув к долгому шторму и неожиданным пируэтам судна, спать все равно нельзя, ибо вас, словно мячик, кидает по койке, прижимая всей тяжестью тела к ногам или, наоборот, перекидывая к бьющейся в стену голове.

С дикой злобой налетают разъярившиеся волны, осыпая каскадом холодных соленых брызг всех и все, вплоть до высокого капитанского мостика. С тяжелым стоном валится «Седов», и с ужасом слышишь, как там, наверху, палубу с грохотом начисто подметают взбесившиеся волны. Точно залпы орудий, бьют волны в железные борта судна. От грохота закладывают уши, рев атрофирует слух.

Из узких деревянных клеток, куда запихали 70 ездовых лаек, несется оглушительный, нестройный концерт: бедных псов заливают студеные волны.

В стороне от всей стаи, без движения, лежит черная сука Милька, на-днях ожидающая богатого потомства. Ее карие глаза беспомощно скользят по мокрой палубе в надежде увидеть хоть клочок сухого пола.

Наши собаки — прекрасные ездовые лайки, долгое время перевозившие почту на острове Сахалине, видавшие непогоду, снежные бураны, вьюги и дикие штормы, — на сей раз не выдержали качки. Ночью, когда большинство членов экспедиции мучилось приступами гнусной морской болезни, они с бесшумной ловкостью просунули свои стройные туловища сквозь узкий отсек клетки и выпрыгнули на мокрую палубу. Ежась от холодных порывов ветра, тонким нюхом хороших охотников они быстро учуяли место, где на вантах были развешаны копченые окорока. Началась охота за мясом. Резко отпрыгнув от шатающейся палубы, вытянувшись в упругую пружину, хватались они крепкими челюстями за окорок и, не желая расставаться с ним, висели, дрыгая ногами, в воздухе до тех пор, пока не отрывался кусок.

Всем было плохо. Трещала, кружилась налитая свинцом голова. Хотелось спать, спать...

Только спокойные, видавшие виды матросы, ловко лавируя меж закрепленных ящиков и бочек, неслышно скользили по палубе, с обезьяньей ловкостью карабкались в паутине снастей да неугомонный кинооператор Новицкий, лихо повернув кепку козырьком назад, растопырившись, в исступлении вертел ручку киноаппарата.

— Смотри! Совершенно исключительные кадры! — радостно кричал он. — В Москве на просмотре вся публика заболеет морской болезнью.

Тройка крестьянских лошадей, волею событий оторванная от сохи и попавшая на ледокол, с перекосившимися от ужаса, безумными глазами, глядела на гигантские водяные горы, врывавшиеся на палубу. Только 11 коров были глупы, совершенно равнодушны к качке и с каким-то тупым безразличием продолжали пережевывать жвачку, да голосистый петух, презирая погоду, считал своей прямой обязанностью время от времени информировать экспедицию о движении суток.

Наконец судовой врач Лимчер не вытерпел: его каюту, расположенную на корме, особенно сильно качало. Забрав матрац, подушку и теплую авиационную шубу, он перекочевал на открытый воздух. Вскоре к нему присоединилось еще несколько человек, потерявших надежду на перемену погоды, и

капитанский мостик неожиданно превратился в своеобразный санаторий — приют «обиженных и оскорбленных» морской болезнью.

„Холодная матка"

Так прозвали поморы Новую Землю, растянувшуюся во всю длину своих 1000 километров и разделенную проливом Маточкин Шар на два острова. И на такой огромной территории, и то лишь в южной ее части, живут двести самоедов (ненцев) и русских промышленников-зверобоев с семьями.

Новая Земля, так же как и Шпицберген, много столетий тому назад была открыта беломорскими поморами. Доказательством этому служат обнаруживаемые на берегах гурии (знаки, сложенные из камней), поморские кресты и остатки древних становищ.

Еще в 1596 году неустрашимый голландец Виллем Баренц, первым положивший на карту изрезанные морем берега Новой Земли и окончивший свою бурную, полную исканий жизнь у мыса Ледяного, на крайнем севере этого безлюдного острова, во время своей зимовки видел старинные поморские кресты.

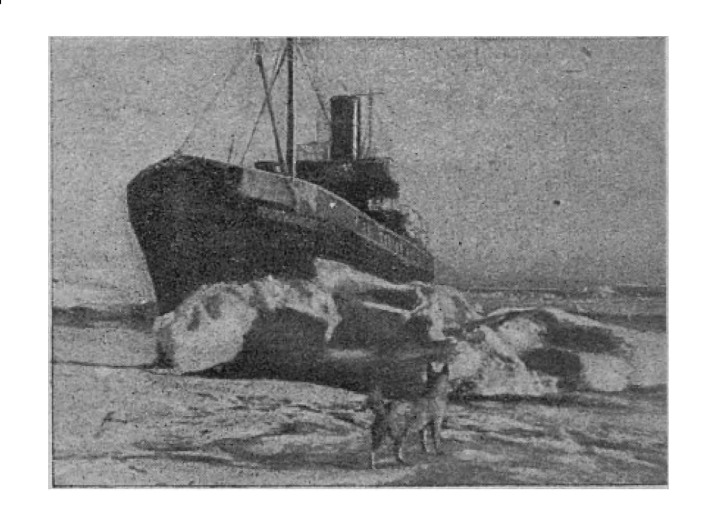
В начале XIX столетия были произведены первые попытки изучить Новую Землю в научном отношении. Главной причиной этому был разнесшийся по России слух, что недра островов таят в себе неисчерпаемые богатства серебра. Была даже организована специальная экспедиция, участник которой, горный штейгер **Лудлов**, в результате, правда, очень поверхностного обследования, дал отрицательный отзыв о берегов, обследовал Новую Землю.

Четырехкратная экспедиция Русского географического общества познакомила с гидрографическим описанием земли, а академик **Бер** опубликовал первый естественно-исторический анализ. После него ряд гидрографов, с целью описи берегов, обследовал Новую Землю.

Наконец после революции интенсивное обследование Новой Земли производилось Институтом по изучению Севера. Под руководством проф. Р. Л. Самойловича было организовано шесть экспедиций, имевших целью всестороннее изучение этого двойного острова. Вначале за неимением средств Р. Л. Самойлович путешествовал на простой шлюпке, потом на пятисильном катерочке «Грумант» и затем на небольшом судне «Зарница» с мотором в 50 л. с.

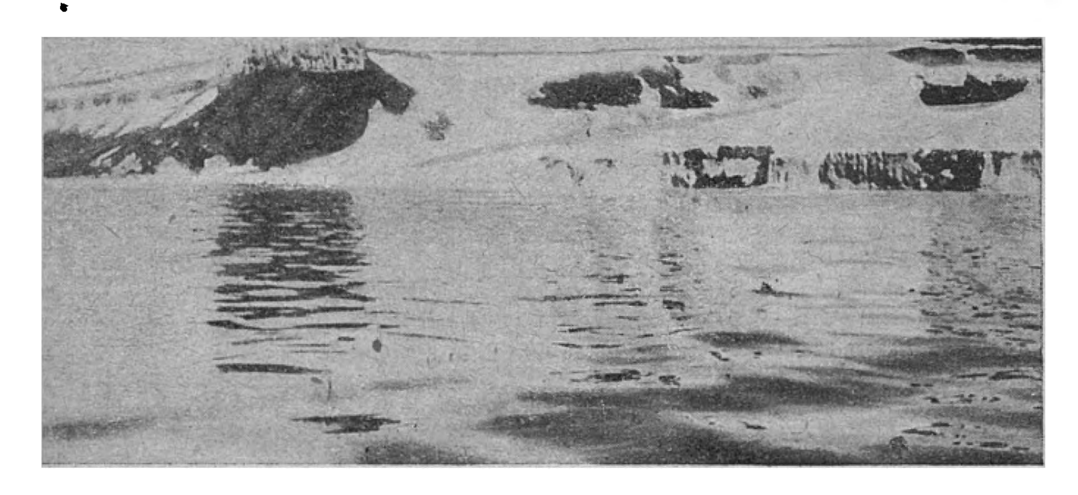
Общежитие артели
зверобоев
в кармакульском становище

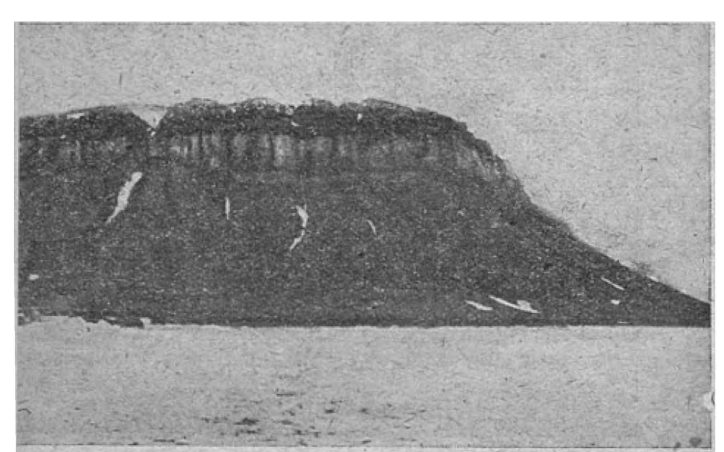
„Георгий Седов“
в тяжелых льдах

Колонист
Земли Северной
С. Журавлев
кормит
ездовых собак

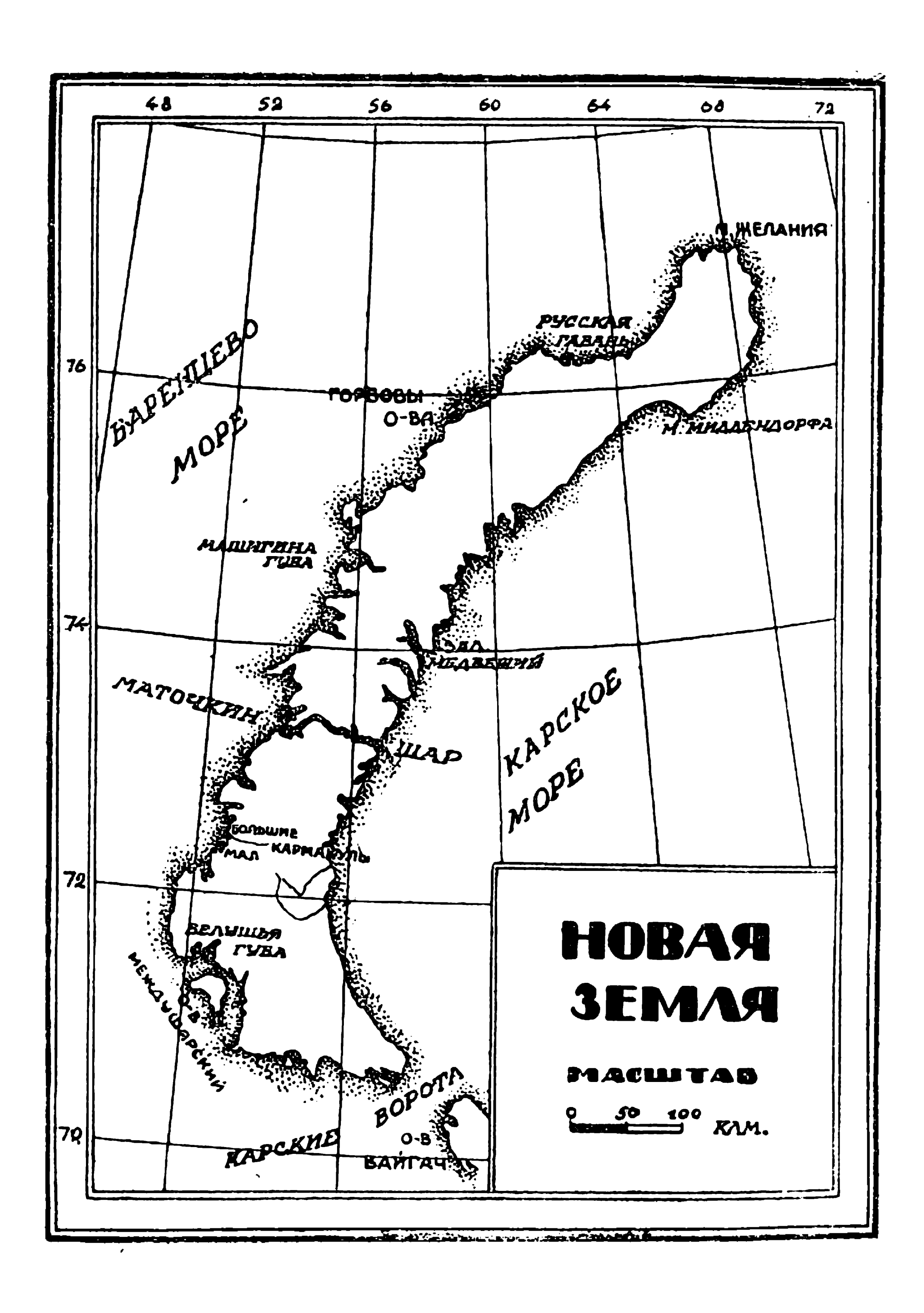
Земля Франца-Иосифа.
Остров Мак-Клинток

Земля Франца-Иосифа.
Мыс Флора

Бухта Тихая.
Вдали, на краю мыса,—
самая северная в мире
радиостанция

48
52
56
60
64
68
72
76
74
72
70
М. ЖЕЛАНИЯ
РУССКАЯ ГАВАНЬ
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
ГОРБОВЫ О-ВА
М. МИДДЕНДОРФА
МАШИГИНА ГУБА
ЗАЛ. МЕДВЕЖИЙ
МАТОЧКИН ШАР
КАРСКОЕ МОРЕ
БОЛЬШИЕ
МАЛ. КАРМАКУЛЫ
БЕЛУШЬЯ ГУБА
МЕЖДУШАРСКИЙ О-В
КАРСКИЕ ВОРОТА
О-В ВАЙГАЧ
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
МАСШТАБ
0 50 100 КЛМ.

На «Груманте» Р. Л. Самойлович обошел Новую Землю с юга на север, имея в составе экспедиции всего лишь четырех участников. Он проделал весь путь в течение пяти недель, благополучно избегнув тяжелой, полной лишений зимовки. В эту экспедицию удалось определить пять астрономических пунктов, дать опись и карты многих не посещенных до этого времени бухт и изучить геологическое строение берегов Новой Земли.

Во время экспедиции на «Зарнице» Р. Л. Самойлович обошел впервые кругом Новой Земли и замкнул круг в Карских Воротах. Тогда же были произведены гидрологические и зоологические работы и открыты на восточном берегу три новых залива, весьма удобных для стоянки судов, интересных в промысловом отношении.

Этим заливам были присвоены имена трех известных русских исследователей Арктики — **Седова, Русанова и Неупокоева.**

Русская Гавань, куда впоследствии заходил наш ледокол, до сего времени не посещалась ни одним кораблем. Лишь Г. Я. Седов в 1913 г., зимой на собаках проходя этот район, определил здесь астрономический пункт и нанес, приблизительно, залив на карту.

В 1927 году, желая подробнее изучить этот район, Р. Л. Самойлович на небольшой шлюпке «Тимонец» отправился от островов Баренца, где вел тогда работы, с двумя спутниками по направлению к Русской Гавани. 18-футовой длины бот пришлось вести открытым Полярным морем, не будучи уверенными, что в случае налетевшего шторма они найдут себе подходящую стоянку. В густой туман, ориентируясь по компасу, осторожно пробирались вдоль берегов, пока не зашли в обширный залив, закрытый сильно выдающимся в море мысом. В течение двух дней велись подробные исследовательские работы и съемка залива. Местность казалась совершенно необитаемой и никогда не посещавшейся людьми. Каково же было изумление отважных путешественников, когда они обнаружили на небольшом скалистом островке огромный, в два человеческих роста, староверский крест и на нем полуистлевшую от времени, изглоданную дикими ветрами надпись:

«Сей крест воздвигли жители Сумского посада — промышленники Кошиков, Тенин и Степан Борисов, сотоварищи. 1842 г. Август. На острове Богатом, бывшем Баренца».

— Мы не могли не преклониться,— рассказывал Р. Л. Самойлович,— перед смелостью и бесстрашием поморов, которые на крошечных парусных ладьях достигали столь высоких широт.

Острые хребты старых, выветренных гор с косыми полосами снега от вершин расчертили Новую Землю. Горы и отроги их кажутся ребрами какого-то исполинского доисторического чудовища. Пустынная, голая земля с часто попадающимися так называемыми реликовыми, остаточными, озерами, говорящими о том, что поверхность Новой Земли медленно, но все же поднимается от моря.

Южная часть Земли имеет несколько более мягкий климат, нежели северная, в большей части покрытая материковым льдом и сползающими к морю гигантскими глетчерами.

Раньше считалось, что на южной оконечности Новой Земли нет глетчеров, но в 1923 году Р. Л. Самойлович к востоку от губы Безымянной обнаружил сверкающий ледник и назвал его именем известного германского глятиолога Пенка.

На всей огромной территории Новой Земли живет около двухсот человек самоедов и русских промышленников, причем жилища их не разбросаны по обоим островам, а сосредоточены на южной оконечности Земли в нескольких промысловых становищах: Белушьей Губе, Малых Кармакулах, Крестовой Губе, Маточкином Шаре, становище Русанова и т. д.

Собственно говоря, этот метод расселения богатого зверем и рыбой края не совсем правилен. Более приемлемым был бы, пожалуй, норвежский способ расселения — не становищами, как на Новой Земле, а по два-три человека, но с тем, чтобы обслужить все огромное побережье. Новоземельский же метод не дает возможности полностью использовать природные богатства этого края.

Настоящий абориген Новой Земли — это ненец (самоед). Русские же промышленники-зверобои — пришлый из северных окраин Союза элемент, проживающий здесь по нескольку лет на отхожем промысле и затем неизменно возвращающийся к себе на родину.

В далекие времена за полярным кругом, в Большеземельской, Канинской, Тиманской тундрах, на Новой Земле, островах Вайгаче и Колгуеве, жили лопари. Они называли себя «само», а землю, на которой обитали, — «само-едне». Поэтому в те времена вся земля у берегов Ледовитого океана называлась самоедной, а жители — самоедами. Сами же самоеды называют себя «ненцами», что в переводе — «человек».

В большевистском становище — Белушьей Губе — открыта школа-интернат, в которой обучаются 18 ребят, составляющих новоземельский отряд юных пионеров, работают курсы мотористов для подготовки кадров рыболовному и зверобойному катерному флоту. Развивается промысловая кооперация: все промышленники объединены в артели с обобществленным инвентарем. В каждом становище избран совет и уполномоченный островного совета. Словом, забитый царской опричниной прежний туземец уже теперь — полновластный опытный хозяин своей холодной, неприветливой, но любимой страны.

Большинство самоедов никогда в жизни не видало лошади, коровы, не слышало шума хвойных лесов, мягкого шелеста травы. Рассказывают, что, когда привезенный в Архангельск старик-самоед впервые увидел жеребенка, он в изумлении остановился и спросил:

— А когда у него вырастут рога?

Основной промысел жителей Новой Земли — это песец, являющийся важнейшим объектом охоты. Ловят этот дорогой экспортный мех почти исключительно железными капканами и редко деревянными пастниками. Песцовый промысел дает огромные доходы государству, получающему за драгоценные шкурки валюту.

В этом году капканами в одной только Белушьей Губе было поймано 540 хвостов (песцов), а по всей Новой Земле — более 3 000 штук. Обычно капканы наживляются куском соленого гольца и ставятся в особо излюбленные песцами места, отвечающие некоторым определенным требованиям (место должно быть защищено от снежных заносов и т .д.). Вся удача охоты зависит от опытности, умения и подвижности промышленника, не ленящегося даже в бураны объезжать на собаках места, где поставлены капканы, для их проверки и перезарядки. Обычно район действия одного промышленника занимает площадь более ста километров. Теперь понятно, какие отчаянные трудности он должен испытывать при переездах, ночуя в снегу, замерзая в метели.

Собака промышленника — верный его друг и помощник. Бессобачные охотники обычно не имеют хорошего промысла. Собак обычно доставляют из Архангельска, где просто-напросто их ловят на улицах. Часть животных, не выдерживая сурового новоземельского климата, погибает, другая же часть на зиму обрастает густой, предохраняющей от лютых морозов шерстью.

Чрезвычайно интересна та дисциплина, которая установ-

влена среди собак. Зимой им под страхом смерти запрещено отходить от жилья, и, несмотря на то, что выученная для езды собака расценивается на Новой Земле в два-три песца, хороший промышленник, заметив ее отлучку от избы, непременно застрелит, рискуя иначе находить в капканах обглоданные кости песцов.

Развитие песцового промысла тесно связано с существованием на Новой Земле маленькой мышки — лемминга, которым песец обычно питается. В северной части Земли только потому и нет песцов, что там не водится леммингов. Таким образом количество песцов в данной местности находится в прямой зависимости от количества находящихся там леммингов. Бывают годы, когда песцовый промысел дает особенно большие доходы. Это случается тогда, когда с осени появляется оттепель, затем выпадает снег, опять наступает оттепель и вдруг, внезапно, ударяет мороз, покрывающий поверхность земли толстой и крепкой коркой льда. В такие годы лемминг не имеет возможности выйти из своих нор на поверхность, и песец, оставшись без корма, охотно идет на приваду, попадая в особенно больших количествах в капканы.

В былые времена по всей Новой Земле огромными стадами бродили дикие олени. Еще 25 лет тому назад каждый промышленник убивал ежегодно 600-800 оленей. Набьет, бывало, он в охотничьем азарте где-нибудь на восточной стороне Земли десятки и даже сотни голов, а перевести к себе на запад и не в состоянии. Отрежет самое сладкое место — языки, а целые шкуры и туши мяса бросает. Так варварски истреблялось ценное животное — олень, которого теперь осталось весьма небольшое количество. Беспардонные облавы промышленников оттеснили последние остатки стад оленей с лучших ягельных пастбищ (ягель — мох, которым питается олень) южных берегов на отвесные скалы северных гор, в угрюмых долинах которых ягель почти не растет. В результате олени вымирают, превращаясь в легендарных животных, на огромные стада которых зверобои когда-то производили удалые набеги.

А ведь для новоземельского промышленника весной каждый кусок свежего мяса стоит дороже всего, так как предохраняет его от страшной в тех местах и часто смертельной цынги.

Для обеспечения промышленников свежим мясом Госторг завез небольшие стада с острова Колгуева, Канина Носа и передал их промысловым артелям. Опыт удался: животные

быстро приспособились к новой обстановке, акклиматизировались.

Правильная организация оленеводства даст возможность удовлетворить мясом не только колонистов, но и значительную часть вывозить для нужд населения и промышленности Советского союза.

Точно такое же положение и с медведем, моржом и китами. Не так давно медведей ловили у самого становища, под окнами домов. Но если раньше каждый промышленник добывал по нескольку десятков шкур, то теперь едва ли весь остров добывает такое количество.

Бесшабашный, хищнический промысел заставил моржей и китов, в поисках убежища, перекочевать в другие, не известные нам районы. А ведь еще недавно киты встречались целыми стадами в сотни голов у берегов Новой Земли. Об этом свидетельствуют многочисленные кости, огромные позвоночники, черепа, ребра, раскиданные по всему побережью. Особенно богат в этом отношении западный из островов Баренца, где обнаружено целое китовое кладбище.

Морской заяц, гренландский тюлень и нерпа, до сих пор в изобилии встречающиеся у берегов Новой Земли, являются, кроме песца, основным видом промысла. Обычно промышленник, убивая морского зверя, использует шкуру и жир, а мясом, сильно отдающим рыбой, которой зверь питается, или кормит собак или бросает его. Морской заяц не встречается стадами, а держится в одиночку в отдаленных бухтах. Он не боится крика, свиста и шума; наоборот, из любопытства подплывает даже ближе к заинтересовавшему его предмету, тем самым отличаясь от других, обычно пугливых, ластоногих. Слабость зверя к любопытству известна охотникам, которые и выманивают его из воды нежным посвистыванием.

Чрезвычайно осторожный и пугливый гренландский тюлень, готовый при малейшем шуме удрать в воду, имеет своеобразную слабость: он плохо следит за продухами (трещинами и полыньями во льду) и, задремав, часто остается во время сжатия льдов отрезанным от чистой воды, что и используют охотники.

Нерпы, ходящие стаями до десяти штук, в феврале проделывают во льду при помощи ласт с нижней стороны отверстие и устраивают под снегом довольно большую нору с одним продухом наружу, где совместно и щенятся. В этот период зверобои прослеживают залежки нерп и охотятся. Рассказывают случай, как однажды охотник, не имея возможности немедленно увезти раненую нерпу домой, при-

вязал ее цепью. Каково же было его изумление, когда наутро он обнаружил нерпу сидящей в огромной яме, глубиною в метр, которую она вырыла при помощи своих передних ласт! Нерпы очень сильны и очень ловко владеют своими неуклюжими конечностями, при помощи которых они не только хорошо плавают, но и крошат твердый, как гранит, северный лед.

Чрезвычайно интересна охота на огромных морских зверей — белух, из семейства дельфинов. При появлении белухи промышленник обычно стреляет через нее, с тем чтобы всплеск ударившейся об воду пули заставил зверя отклонить свой путь к берегу. Так посылаются пуля за пулей, пока животное не выйдет на мелкое место, где его метким выстрелом в голову убивают наповал. Надо сказать, что при таком способе охоты иной раз тратится более ста патронов. Но промысел белух чрезвычайно рентабелен, ибо дает колоссальное количество технического жира, имеющего большое применение в промышленности.

В большом количестве распространены на Новой Земле гуси, летающие стаями в 200-400 штук. В середине июля, когда у гусей происходит линька, промышленники собираются всем становищем и производят безобразное истребление совершенно беззащитных птиц, не могущих в это время года летать. Все селение отправляется на лодках в глубокие заливы, в которых обычно собираются линяющие гуси, подгоняет их к крутым и неприступным берегам, а затем зверски избивает палками. В такие облавы истребляется масса птиц. Теперь уже ближайшие к становищам районы совершенно опустошены, и промышленникам приходится ездить на охоту за 15-20 километров от жилья.

Особенно следует остановиться на гагачьем промысле, имеющем общегосударственное значение. Как известно, гагачий пух является чрезвычайно ценным продуктом. Казалось бы, что следовало предпринять все меры к тому, чтобы дать возможность прилетающим на Новую Землю гагам спокойно гнездиться и добровольно отдавать свой ценный пух, которым самки, выщипав из грудки, устилают гнезда при высиживании птенцов. Между тем гагачий промысел на Новой Земле стремительно падает, и недалеко то время, когда его постигнет участь мурманских берегов, которые вследствие сильного истребления гаг совершенно перестали ими посещаться.

Происходит это так. Новоземельские охотники тщательно следят за началом кладки у гаг, тем более что в это время

года (вторая половина мая) охота на песца и морского зверя уже окончена, лов гольца не начался и время у них свободное. Как только гаги начнут кладку, промышленники устремляются на гнездовья, стараясь опередить друг друга. Они жестоко убивают совершенно беззащитных матерей, сидящих на гнездах,— тем более что в этот период они не очень пугливы, доверчивы,— забирают яйца и нежный, еще теплый пух.

Это — совершенно недопустимое, безобразное хищничество. Приходится удивляться, как еще в этих районах сохранились гаги. Такой способ «охоты», непосредственно в момент самого промысла, даже невыгоден охотнику, и вот почему.

В Норвегии, например, владелец или арендатор гагачьего гнездовья знает вперед, где гаги устроят свои гнезда, ибо в спокойной обстановке они из года в год прилетают на старые, насиженные места. В момент кладки яиц владелец берет себе несколько штук, которые гага немедленно, без ущерба для себя, пополняет. В день выхода птенцов владелец вновь приходит на гнездовье, забирает пух и сносит, если гнездо находится далеко от воды, птенцов в воду — при чем гага спокойно следует за ним. В хороших хозяйствах гаги оберегаются во время высиживания от хищников — соколов, полярных сов, крадущих яйца, чаек и т. д. Им устраивают удобные и защищенные от нападения места для гнездования. При таком культурном хозяйстве число гнездующих птиц в данном месте не только не уменьшается, а быстро растет, при чем владелец имеет как бы вольный птичий двор, не требующий почти никаких затрат и приносящий огромный доход.

До империалистической войны один килограмм очищенного пуха стоил в Норвегии 25 рублей, а один килограмм можно получить с 24 гнездовий. При правильном ведении гагачьего хозяйства Новая Земля могла бы дать тысячи килограммов гагачьего пуха. Одна только южная Гренландия, где гагачий промысел даже не вполне налажен, вывозит ежегодно до 2 000 килограммов пуха. Таким образом Новая Земля при правильной эксплоатации могла бы дать своему населению доход в десятки тысяч рублей, вместо десятков рублей, которые оно имеет от него в настоящее время. Гагачий промысел — это тот вид промысла, о котором Госторгу следует хорошо подумать.

Кроме этого на Новой Земле обитает целый ряд птиц, не имеющих промышленного значения: кайры, длиннохвостые крачки, бургомистры, моевки, чистики, люрики, поморники; экзотические красавцы — тупики, похожие на попугаев;

местные воробьи — пуночки, свободно летающие по постройкам и рассаживающиеся по крышам домов; глупыши-буревестники, встречающиеся в открытом море, на воде, далеко от земли, в тысячных стаях, занимающих пространство в несколько квадратных миль поверхности моря; морские песочники, питающиеся выброшенными морем водорослями, которые кишат миллионами личинок мух; полярная сова — пестрая красавица, принадлежащая к числу весьма немногочисленных оседлых птиц Новой Земли, питающаяся леммингами, кайрами и нападающая иногда даже на грузных бургомистров, при чем у птиц отъедает только голову. Как это ни странно, но сова, несмотря на не заходящее летом солнце, все же предпочитает охотиться в ночные часы. Встречается белая, так называемая «слоновая» чайка, при появлении которой мгновенно пропадают моевки и люрики, появляющиеся вновь через некоторое время после того, как она улетела. Получается впечатление, что красивая и молчаливая белая чайка является самым страшным хищником наших северных морей. И действительно, она не только похищает птенцов с птичьих базаров, но и дерзко нападает на равных себе по величине моевок.

Но все эти птицы, как мы указывали, не имеют промыслового значения. Основной же промысел новоземельца — песец, тюлень, голец, белуха и гага. Постановлением островного совета на Новой Земле хищничеству положен конец. Промысла начинают оправляться. Организация артелей с обобществленными орудиями промысла дает мощные хозяйственные, экономические единицы. Намечается открытие новых становищ там, куда еще не ступала нога человека и где таким образом промысловые богатства никем и никогда не использовались. Предполагается заселение Карской стороны и северной части Новой Земли, создание собачьего питомника, который должен будет ликвидировать «собачий голод» и обеспечить промышленника наследственно акклиматизированной собакой. И наконец предполагается увеличить количество жителей еще на сто человек.

Советское правительство вполне правильно держит курс на коренизацию населения. На Новую Землю нужен такой промышленник, который не думает сорвать хороший куш и затем удрать на Большую Землю. Только при коллективном хозяйстве можно поставить промысла на должную высоту. Только мощным и крепким коллективом посильно приобретение современных, усовершенствованных орудий охоты и лова.

В столице Новой Земли

Прошла долгая, тягучая бессонная ночь. Шторм бушевал попрежнему. Старик-океан все с той же упрямой настойчивостью катал свои седые, пенные волны, кидая, как легкую игрушку, нагруженный до отказа ледокол.

Бледные, зеленые от усталости и непрерывного болтания, Муханов и я вылезаем наверх. Сильный ветер сшибает с ног, останавливает дыхание. Цепляясь за поручни, выписывая одеревяневшими ногами невероятные кренделя, поднимаемся в штурманскую рубку. Навалившись грудью на стол, полулежит капитан, изучая английские мореходные карты. На его лицо тяжелыми бороздами легли морщины утомления.

— Где находимся, Владимир Иванович?

— Сейчас будет Новая Земля. Скоро конец нашим танцам по волнам...

К полудню на горизонте показалась темная высокая гряда гор Новой Земли, а еще через несколько часов, пройдя вдоль бесконечной ленты возвышенностей, изрезанных мелкими заливами и сияющими глетчерами, «Седов» уже входил в ворота столицы Новой Земли — Белушьей Губы. С унылых, плоских берегов Гусиной Земли, со скалистых обрывов острова Базарного навстречу ледоколу неслись птицы, тысячи черных белогрудых кайр. Летят они так низко над водой бреющим полетом, что синие волны, внезапно обрушиваясь, обдают их белоснежной пеной.

В середине залива, на крутом берегу, усеянном ребрами тюленей и пустыми ржавыми консервными банками, расположилось становище зверобоев — десяток деревянных домишек с маленькими оконцами и низкими входами. Здесь склады фактории Госторга, школа-интернат на 18 детей и больница на две кровати. Больше коек и не нужно: промышленники болеют редко и легко.

На двух шлюпках съезжаем к берегу. Огромная стая тощих (кормят их раз в неделю), ободранных собак приветствует нас несмолкаемым заливчатым лаем. Маленькие раскосые самоедские детишки, в пестрых малицах и поднятых на голову грязных пушистых капюшонах, недоверчиво, но с любопытством наблюдают за нашествием незваных гостей. Взрослые же, к нашему изумлению, сидя на завалинках, спокойно покуривают трубки, не проявляя никаких знаков удивления, радости или какого-либо другого чувства. Думается: ведь не каждый день к ним заходят пароходы. Видно, суровая природа севера, однообразный, однотонный ландшафт

сделали их такими заядлыми флегматиками. Когда Р. Л. Самойлович, протянув руку, поздоровался с одним из них, тот просто ответил: «Здравствуй», точно он с ним не впервые в жизни, а ежедневно, по нескольку раз в день, встречается.

В стороне от большого деревянного здания школы-интерната расположена низкая покосившаяся избенка председателя Новоземельского исполкома — Ильи Константиновича **Вылки,** крыша которой усеяна гирляндой высохших кайр и гагарок — питанием ездовых собак.

Заходим в избу. За большим деревянным, давно не мытым столом, с объедками селедки и розовыми кусками гольца — столетняя старуха. На полу, у стены, под лубочным агитплакатом первых дней революции, неизвестно кем сюда занесенным, зарывшись в оленьи шкуры, под связками белоснежных песцов, в перемежку с собаками безмятежно посапывают прелестные малыши. Подстриженный в скобку, в зеленой долгополой рубахе из биллиардного сукна, Илья Вылка встал со скамьи и важно, с достоинством, произнес: «Здравствуй, Самойлович», немедленно сел обратно, положил руки на оба колена и опустил глаза в землю: проф. Самойловича, единственного из всех вошедших в избу, он уже несколько раз видел на Новой Земле.

После долгих исканий и осторожных нащупываний подходящей темы разговор удается наладить. Мгновенно оживившийся Вылка, блестя загоревшимися точками черных глаз, торопясь, коверкая русские слова, спешит рассказать о том, что «зимой дули сильные встоки», что льды были рыхлые, отчего тюлень уходил в море, что за сезон только 40 бочек шелеги (сала) сумели взять, а вот песцов артель набрала 540 хвостов...

Зимой Вылка на нартах и собаках объехал становище, отчитываясь перед избирателями в проделанной работе. Более 2 000 километров сделал председатель Новоземельского исполкома в пургу, дикие бураны и морозы.

Илья Вылка — художник-самородок. В 1911 году он провел целую зиму в Москве, обучаясь в школе живописи и ваяния. Он хотел было закончить обучение, да отец не приказал: «Жениться тебе пора, да и на острове быть...»

— Скучно, — говорит Вылка, — в Москве: травы нет, гуляться негде и избы ставить нельзя. Такое большое становище — Москва, а всего три оленя имеет.

Этих оленей Вылка видел в зоологическом саду.

Вторично попал Вылка в Москву в 1925 году, когда ездил с докладом о нуждах Новой Земли в Комитет Севера и был

принят М. И. Калининым. Об этом событии, врезавшемся на всю жизнь в его память, Вылка так рассказывает:

— Вхожу я в избу, встал у стены, как мертвый, и жду. Входит Михаил Иванович Калинин. Хотел я ему в ноги поклониться, да думаю — нехорошо. Ну я ему и сказал:

«Здравствуй, Михаил Иваныч, великий человек, хозяин земли русской». Тут усадил он меня на лавку, сам сел рядом и отвечает:

«Напрасно ты меня великим человеком назвал. Я такой же, как и все. И хозяин тоже не я, а весь народ». Ну, поговорили мы с ним о том, о сем, попили чайку, а потом я сказал: «Спасибо, что принял меня», и ушел.

— Илья Константинович, — просит О. Ю. Шмидт, — покажи свои картины.

— Никак нету, — неохотно отвечает тот. — Как придут пароходы с Большой Земли, так все картины просят, а я все роздал; теперь же не рисую.

Мы переходим к основной теме нашего разговора, для которого и завернули в Белушью Губу.

— Нужно нам, Илья, — говорит Р. Л. Самойлович, — для поселения на Земле Франца-Иосифа двух промышленников, опытных, хороших охотников, знающих повадки зверя. Кроме жалования, дадим им обмундировку, питание, снаряжение, собак и оружие. Ну как, дашь нам охотников?

Блестящие глаза Вылки мгновенно затухают.

— Коль нужно, возьми, — медленно говорит он. — Только знай: народу, промышленников, у нас и так мало. Человек для нас дороже песца.

Мы переходим в крайнюю в становище избу старика-самоеда Ивана **Леткова.** На лавке, у стены, качая ребенка, сидит сам хозяин.

— Вот работника себе заработал! — смеется он. — На старость хорошим будет помощником.

А изба и так переполнена ребятишками, с удовольствием сосущими хвосты подсоленных гольцов.

— Вот кто может поехать, — говорит Летков, — Тимофей **Хатанзейский.** Матку он выдал замуж, а жена годок и одна проживет. Правильно, Тимоша?

— А мне что? Пожалуй, поеду, попытаю, — вытирая сальный от рыбы рот, отвечает Тимоша, молодой коренастый самоед, славящийся тем, что по выбору, на лету, убивает гусей.

В полчаса были собраны немногочисленные пожитки, и новый загорелый колонист Земли Франца-Иосифа, а с ним и его лучшие друзья, помощники-собаки, уже шли к ожи-

давшей их шлюпке. Крошечные раскосые куклы — самоедики — с ревом кружились вокруг него, забегая вперед, цепляясь ручонками за длиннополую оленью малицу (самоедская верхняя одежда).

— Гусь-щенок, вода место упал, лед не живет, я приеду, — как бы в утешение обратился Тимофей к жене.

Этими не связанными между собою словами он хотел сказать, что, в то время как выведутся птенцы гусей и родители сведут их на ходу и когда в море уйдет лед, в это время он и придет обратно, т. е. осенью.

Второго колониста Земли Франца-Иосифа Вылка посоветовал подыскать в другом становище — Малых Кармакулах. Резкий порыв ветра донес с Белушьей Губы хриплый зов заждавшегося ледокола. Надо спешить к берегу. Крепко пожимаем руки промышленникам, желаем им счастливой зимовки, а главное, удачной песцовой охоты.

Прыгая на гребнях волн, несется шлюпка к освещенным иллюминаторам судна.

Осторожно, ощупью пробирается «Седов» к мысу Лилье, находящемуся у выхода в океан. За поворотом залива скрылись маленькие деревянные домишки и мчащиеся за ледоколом собаки.

— Завтра в последний раз взглянем на Новую Землю, зайдем в Малые Кармакулы — и скорее на север, — задумчиво произносит О. Ю. Шмидт. — Время не ждет, а впереди еще масса работы.

Четко, как часы, размеренно хлюпают, купаясь в масле, поршни машин.

— Лево на борт! Одерживай! — слышен сверху голос В. И. Воронина.

Капитан сам ведет ледокол. В опасных местах он никому не доверит своего любимого детища.

— К шторму готовьсь! — командует мне Муханов, заблаговременно и расчетливо улегшийся на койку. — Опять муторить будет...

Перспектива выспаться, впервые за трое суток, проведенных в море, была ненадежная. Все сильнее и сильнее начинало подбрасывать. В толстое стекло иллюминатора назойливо стучался дождь. Мы снова выходили в океан.

В МАЛЫХ КАРМАКУЛАХ

Утром, на рассвете, в густом, непроницаемом, как броня, тумане «Седов» подошел к Кармакульскому становищу, одному из первых на Новой Земле.

В 1877 году здесь была организована спасательная станция, для охраны которой из Мезенского уезда были перевезены пять самоедских семейств в количестве 24 человек. Кроме них, здесь же в течение восьми лет зимовали два самоедских чума, посланных сюда печорским промышленником, не рискнувшим вернуться на материк из-за неудачного промысла. Сейчас в Малых Кармакулах живут четырнадцать промышленников с семьями — пять самоедов и девять русских.

Спустив на воду шлюпку, выехали к далекому берегу. Маленький бот беспомощно прыгал на волнах, зачерпывая бортами студеную воду.

С трудом выбрав подходящее место, мы причаливаем к берегу и вылезаем у подножья обрывистых, свесившихся в море черных скал. Прыгая через звонкие, журчащие по-весеннему ручьи, мелкие овраги, взбираясь на горы нерастаявшего прошлогоднего снега, мы наконец добрались до поселка промышленников-зверобоев.

В своих воспоминаниях архангельский губернатор Энгельгард так описывает свой приезд и встречу в Малых Кармакулах:

«При нашем входе в гавань грянул пушечный выстрел, один, другой: это приветствовали нас обитатели Новой Земли. На берегу у пушки суетятся самоеды, в стороне виднеется высокая фигура иеромонаха Ионы, а псаломщик, исполняя обязанности бомбардира, заряжает пушку, которая бог весть как сюда попала».

Встреча нас, скромных участников советской арктической экспедиции, не блистала столь пышным торжеством. Единственными свидетелями нашего вступления на сырую, топкую землю были ездовые собаки. На Новой Земле теперь нет ни иеромонахов, ни псаломщиков: постановлением жителей острова они за ненадобностью выселены на материк. Маленькую, торчавшую на откосе часовенку, демонстрируя силу, сбросил в воду рассвирепевший медведь, а построенная в 1888 году церковь Новоземельского монастырского скита, приписанного к Николо-корельскому монастырю, теперь превращена в двухэтажный жилой дом промысловой артели. Да и медная пушка бесславно закончила свое существование — добровольно взорвалась и была увезена матросами какого-то судна для сдачи в Архангельске Рудметаллторгу.

Продрогшие, закостеневшие на диком ветру, мы с радостью принимаем приглашение местного фельдшера и агента Госторга Перетягина зайти в избу обогреться.

Чистенькие, светлые, жарко натопленные комнаты. В первой — кухня. Пожилая женщина в русской печке жарит огромного дикого гуся. Рядом — просторная комната местного метеоролога.

Его жене, крепкой румяной женщине, два года тому назад впервые прибывшей на Новую Землю, так здесь понравилось, что она не хочет и возвращаться на материк.

— Что мы там не видали? — брезгливо говорит она. — Пыль, грязь, толкотня! То ли дело у нас — чистый, целебный воздух, простор, прямо благодать.

Я бы не сказал, чтобы члены нашей экспедиции были согласны с ее мнением: слишком мрачное впечатление производят се..., однообразные берега Новой Земли, имеющей к тому же тяжелые климатические условия для существования.

Блещущая чистотой комната фельдшера увешана портретами вождей, полотнами географических карт, полочками для медицинских инструментов и аптечкой. Эта комната — место сбора всего становища. Сюда приходят поделиться горестями, обсудить события, установить нормы распределения пайка, подлечиться, а главное, послушать радио. Каждая радиопередача, каждый доклад страстно и горячо обсуждаются. Благодаря всесильному радио маленький северный форпост в курсе всех политических событий. Кампании, проводящиеся на материке, неизменно и здесь находят себе отклик. Вся колония — члены Осоавиахима; провели сбор на постройку дирижабля, организовали кружок РОКК, кружок ликвидации неграмотности и т. д.

На стене, в коридоре, я обнаруживаю местный орган — стенгазету «Прибой», живой свидетель занесенной и в эти далекие края советской культуры. Хорошая, политически правильная газета, борющаяся за коллективную организацию труда, за новый быт, против пережитков прошлого, предрассудков, суеверий и некультурности.

От разрозненного, индивидуального, хищнического промысла зверобой переходит к коллективному, артельному труду. Даже сюда, на пустынную землю, проникло мощное движение соцсоревнования и ударничества. Соревнуются между собою, вызывают белушинских на быстрое окончание починки сетей, большую добычу тюленьего сала, песцовых хвостов и т. д.

А вот заметки чисто санитарного порядка, говорящие о том, что сюда, в далекий уголок Советского союза, проникли первые принципы гигиены.

«Тов. Елизаров, — говорит заметка, — допускает в своей избе киснуть кадку морского зайца по пяти суток. Товарищ Елизаров, это негигиенично...»

В большинстве своем полуграмотные, зверобои, напичканные, как банка сардинками, вековыми дедовскими приметами, предрассудками и повериями дикого Севера, уже получили первое представление о принципах чистоты, поняли и осознали, что в вековой грязи больше жить нельзя, что нужен новый быт, новые условия для существования.

А зубная щетка у самоеда Ионы Леткова — разве это не целая революция в быту?

Или еще заметка:

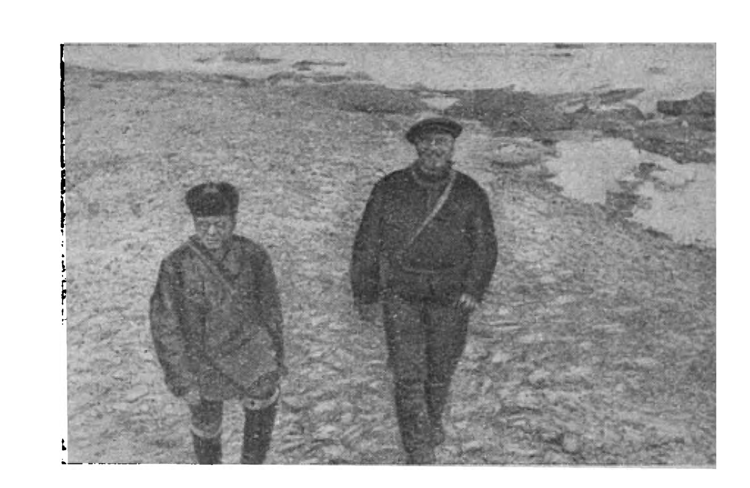
«Илья Летков и Карп Явсытый рубят мясо всю зиму в избе, портя этим пол...»

Здесь уже проглядывает явная забота о государственном имуществе. Закопченная изба Ильи Леткова и Карпа Явсытого становится уже не их собственной избой, а народным достоянием, охранять которое обязаны все члены промысловой артели. Разве было что-либо подобное до Октября? Конечно нет. Безответному послушанию «всесильному» богу и властям поучали «черные вороны» — монахи, запугивая темное население ждущими его на небесах карами. Тузы-промышленники, урядники и чинуши старательно везли водку, стеклянные погремушки, «награждали» сифилисом, обкрадывая и без того нищее население. То гнусное, постылое время, как солнце перед зимним заходом, кануло в вечность. Теперь промышленник-зверобой — сам хозяин своей угрюмой страны, сам строит жизнь на новых началах.

Весь низ стенгазеты занят большой статьей, бросающей мрачную тень на личность самого фельдшера Перетягина. Дело было так. Когда общий сход промышленников решил ликвидировать церковь и передать здание под жилье артели зверобоев, то старики подняли большую кампанию за срыв этого мероприятия.

— Не переезжайте жить в церковь, — предупреждали они: — бог накажет.

В результате нашлось много малодушных, не рискнувших ссориться со старым владыкой. Но нашлись и такие, что плюнули на дикие и нелепые россказни и, собрав свои монатки, переселились в бывшую церковь. Это были промышленники Елизаров и Антонов. Последний, за неимением постели, устроился даже спать на огромной иконе божьей матери. Узрев такое богохульство, древний старик П. Журавлев всенародно изрек:

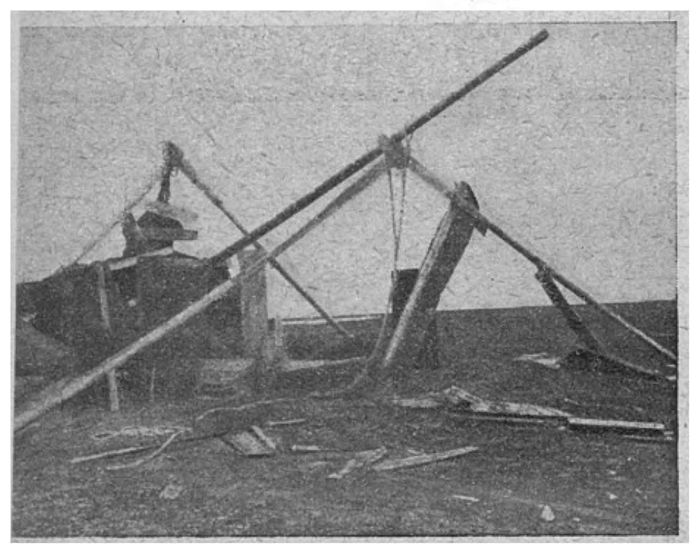

В. Ю. Визе (слева) обследует свой остров; рядом доктор Лимчер

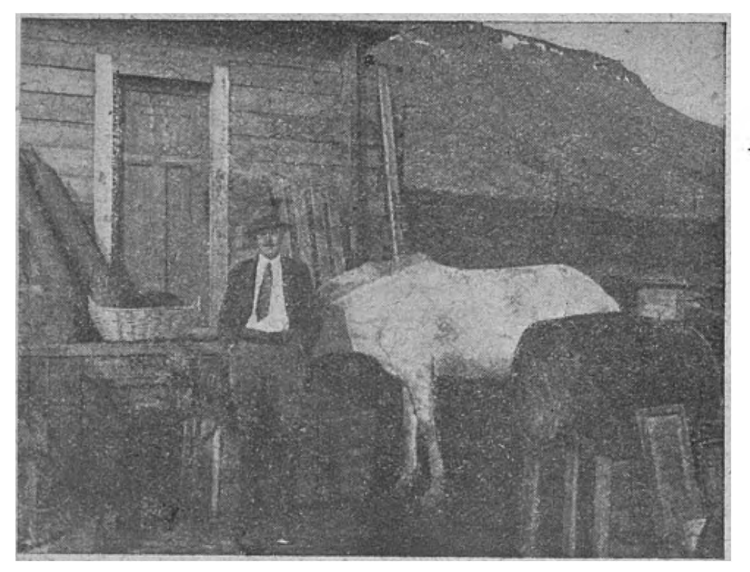
На мысе Флора устанавливается советский флаг

Единственная женщина-зимовница на Земле Франца-Иосифа— тов. Рябцова-Демме

Остров Альдшер.
Остатки лагеря американской экспедиции Болдуина, бывшего на Земле Франца-Иосифа в 1902 г

Новый начальник Земли Франца-Иосифа
И. М. Иванов
у склада с запасом продовольствия

— Вот увидите — плохо кончится. Быть беде! Бог непременно накажет...

И надо же было случиться, что во время зимовки, простудившись, оба безбожника тяжко заболели и слегли в постель. Ну, думается, здесь на помощь должен был бы притти фельдшер Перетягин — местная и единственная культурная единица. От него зависело разоблачить стариковские басни и объяснить действительную причину заболевания. Но не так-то было. Пришедший к больным Перетягин, вместо того чтобы помочь, мудро и многозначительно заявил:

— Да... Ну вот, так и вышло, как говорил Журавлев... Бог-то и наказал.

Автор заметки «Чайка» с жаром и вполне справедливо заявляет: то, что простительно некультурному старику, то ни в коем случае не может быть прощено «интеллигенту», т. е. фельдшеру.

Во всяком случае для исполкома Северного края этот момент, имеющий определенно политический характер, должен послужить уроком при подборе в будущем работников для крайнего Севера. А в политически грамотных, культурных работниках Новая Земля ощущает большую нужду.

Я хотел было поговорить по поводу этой заметки с Перетягиным, но мне так и не удалось выполнить мое намерение, ибо комната неожиданно превратилась в зубоврачебный кабинет.

Будущий колонист Земли Северной, старый житель Новой Земли, гигант Журавлев, обратился к Перетягину с вопросом:

— Зубы дергаешь?

— Дергаю, — ответил фельдшер.

— Ну, вали, выдерни, а то жить не дают.

Посреди комнаты поставили деревянную табуретку, на которую сел пациент. Мы, окружив кресло, с удивлением наблюдали совершенно исключительную в своем роде, молниеносную операцию.

Фельдшер с невозмутимым спокойствием, как будто он ежедневно сотнями удаляет зубы, вытер щипцы и молча уверенно полез в рот.

Упершись коленом в живот Журавлева, фельдшер захватил щипцами зуб и нажал. Щипцы с треском сорвались, ударив больного по челюсти. Лицо Журавлева от напряжения стало багрово-красным. Судорожно схватившись руками за табурет, он сжал его в каком-то оцепенении. Второй раз захватили щипцы фельдшера зуб и... выдернули. Треск был такой, что-

но челюсть разломилась пополам. От боли глаза пациента готовы были вылезти на лоб, но ни один звук не вылетел из его раскрытого рта. Молча встал Журавлев с табурета, сплюнул на пол темный сгусток крови и совершенно спокойно, сильно акцентируя на «о», сказал:

— Ну вот, хорошо, славно. Теперь можно спокойно ехать на Северную Землю.

Да, действительно, такому человеку, с воловьими нервами, можно спокойно отправляться на Северную Землю. Такому стальному человеку не страшны ни многомесячная полярная ночь, ни лишения, ни физическая боль.

— Правильный мы выбор сделали, — указывая на него, говорит В. Ю. Визе: — этот не подкачает...

Староста Кармакульской артели зверобоев Федор Кузнецов с охотой соглашается ехать «пытать щасье» на Землю Франца-Иосифа. Его голубые, как море, глаза ласково улыбаются новым людям, пришедшим звать на остров, о котором он никогда не слышал. Три основных вопроса: каково будет желование, питание, снаряжение, и все — договор уже подписан. Его русая молоденькая подруга жизни, ожидающая в этом месяце ребенка, сначала бросилась в рев, но потом както сразу, неожиданно, успокоилась и стала деловито собирать мужу его немногочисленные пожитки. Ей и будущему ребенку предстояло с первым же пароходом выехать в Архангельск, неизвестно куда, не имея квартиры, но с твердым убеждением, что начальник экспедиции ее не бросит на произвол судьбы.

В час ночи «Седов» поднял якоря и, распрощавшись с Новой Землей, взял направление к цели своего путешествия — Земле Франца-Иосифа.

туда, где льды

Едва скрылись за туманным горизонтом угрюмые, неприветливые берега Новой Земли, как нас опять заштормило. Два дня ледокол, словно легкую игрушку, бросало на вздыбленных, разъяренных волнах. Огромные водяные горы, с силой обрушиваясь на судно, тяжело, с грохотом перекатывались по палубе, сметая все плохо закрепленное попадавшееся на пути. Беспрерывная качка, постоянное нудное кружение предметов окончательно измотали участников экспедиции. Многие, потеряв аппетит, круглые сутки просиживали на

верхнем мостике, около теплой трубы, подставив побледневшие лица навстречу резкому, холодному ветру.

Целый день участники экспедиции с надеждой поглядывали на горизонт, не покажется ли долгожданный лед — единственный спаситель, могущий избавить нас от бесконечной качки.

— Скоро достигнем кромки, — авторитетно заявляет В. И. Воронин, — холод и туманы — верные предвестники льда.

Произведенные исследования показали неуклонное понижение температуры воды и вместе с тем понижение ее солености. Ясно, что мы уже недалеко от сплошных ледяных полей.

И, правда, уже к вечеру в дымке тумана появились отдельные белые пятна, которые по мере продвижения «Седова» оказывались огромными зеленовато-голубыми ледяными крепостями — айсбергами.

Айсберг — это громадная глыба льда, отколовшаяся от покрывающих полярные острова ледников и обычно сползающая к самому морю. У айсбергов, имеющих материковое происхождение, подводная часть нередко в семь раз превышает надводную. Поэтому встреча с такой ледяной крепостью, в особенности в тумане, представляет исключительную опасность.

Айсберги достигают иногда колоссальных размеров. Так, был зарегистрирован пловучий ледяной остров, одна сторона которого была длиной в 67 километров. Поэтому-то так и часты случаи, когда путешественники принимали громадные плоские айсберги за острова. Вот и сейчас мимо «Седова» величаво плывет бледноизумрудный гигант с синеватым оттенком, закрывая своей блестящей на солнце вершиной мачты ледокола. Не успел айсберг поравняться с кормой, как раздался ужасающий грохот.

— Скорее сюда! — завопил боцман Янцев. — Глядите: айсберг отделился!

Точно в гигантском котле, вспенилась в бурном водовороте, закипела вода. Быстрые волны кругами бросились в разные стороны. Подтаявший на ослепительном солнце айсберг от перемещения центра тяжести перевернулся, оголив гладкую, зализанную прибоем подводную часть, раскалываясь на крупные ледяные глыбы.

На самом краю горизонта появилась узкая белая полоска ледяного неба — отражения бесконечных ледяных полей. Мы приближаемся к кромке.

Различают множество видов льдообразований. Вначале, при заморозках, появляется игольчатый лед, который, соединяясь, образует сало, затем более плотный лед, так называемую шугу, которая переходит в блинчатый лед. Но это еще только тонкий ледяной налет на поверхности океана. Далее следует мелко битый, крупно битый лед, сплошные ледяные поля, торосистые поля с беспорядочным, хаотическим нагромождением вздыбленных ветром и сжатых течением глыб, крупно битый торосистый лед, торосистые сплошные поля и наконец полярный пак — нагромождение многолетнего льда, при котором движение ледокола немыслимо. Существует еще так называемый нилосовый лед — молодой, майский, тонкий, прозрачный, как зеркало, но твердый и вязкий. Когда по такому льду идет ледокол, то он не крошится, а лишь дает длинные извилистые трещины. Получается впечатление, что судно идет не по воде, а по поверхности гигантского матового зеркала.

На рассвете не сомкнувший глаз капитан наконец-то обнаружил долгожданную кромку льда. Сначала на горизонте появились мелкие льдинки, затем «Седов» вошел в разрозненный блестяще-белый лед, который становился все плотнее и плотнее. Словно по чьему-то безмолвному приказанию, смирились расходившиеся волны. Наступила абсолютная тишина, такая, что бывает только в великих просторах Арктики.

На «Седове» — праздничное оживление: все повеселели, высыпали на палубу, залезли на спардек, любуясь очаровательной картиной движения ледяных полей. В этом году мы встретили кромку льда несколько дальше, нежели в прошлогоднюю экспедицию, а именно на 77°22′. С севера — сквозняк, несет нестерпимым холодом. Все неприятности и лишения забыты. Мы стоим у порога полной красот, великой Арктики.

Первые ледяные поля, встреченные нами у кромки, были сильно изъедены и раздроблены прибоем, соленой морской водой. Не уменьшая хода, «Седов» врезался в самую гущу и, держа курс на норд, легко их разбрасывал, но «чем дальше в лес, тем больше дров». Разрозненный лед становился все плотнее, увеличивалась его толщина и соответственно уменьшалось количество чистой воды. Через несколько часов продвигаться вперед уже было затруднительно. Перед ледоколом появились огромные ледяные поля, которым, казалось, нет ни конца, ни края. Под напором стального тарана — форштевня ледокола — лед дает длинные извилистые трещины. Гигантские ледяные глыбы с шумом переворачиваются в бур-

ном водовороте, со скрежетом обдирая свежую краску бортов. Ужасный треск и грохот, когда ледокол проламывает лед; массивные глыбы ударяются в железные борта, поднимая целый водоворот воды и пены.

Теперь уже капитану нельзя было строго и точно придерживаться курса на север. Ледокол шел туда, куда можно было итти, куда позволяли разводья. Толщина льда достигла полутора метров. Это был годовалый лед, образовавшийся в Баренцовом море прошлой зимой.

— Ну, началась работка! — хитро подмигнув глазом, замечает кочегар. — Теперь только вали угля. Полным ходом придется работать машинам...

На наше несчастье, поднялся сильный ветер, вплотную сдвинувший отдельные льдины. Вот здесь-то «Седову» и пришлось продемонстрировать свои ледокольные качества. Разводья окончательно пропали; кругом, куда ни взглянешь, белый бесконечный саван ледяной пустыни. Ледокол, вклинившись между двумя огромными торосами, окончательно встал.

— Тихий назад! — протяжно несется с капитанского мостика.

Медленно, как бы нехотя, отходит «Седов», но не от малодушия, не от беспомощности перед силами Арктики, а чтобы снова со всей мощью броситься на лед, чтобы крошить, дробить и ломать все встречающееся ему на пути.

С разбегу бросается ледокол на спрессованную броню льда так, что передняя часть судна, зачастую до полукорпуса, залезает на снежную поверхность. Тогда под тяжестью «Седова» лед дает трещину и медленно оседает. Лед дробится в куски, и образуется небольшое пространство свободной воды. Со свистом из-под борта вырывается пенящийся поток воды и выбрасывает на поверхность растерзанные, перевернутые изумрудные глыбы. Снова отходит ледокол назад и снова со всей сокрушающей силой бросается на льды, и так без конца. Вот как работает ледокол в тяжелых торосистых льдах, медленно, шаг за шагом проникая на север.

Но бывает, что пятиметровый лед, веками скованный в неприступный гранит, не поддается усилиям ледокола. Тогда сверху раздается команда старшему механику: «Вытравить пар!» И жизнь на ледоколе замирает. Не стучат больше в нетерпеливом ритме машины, люди ходят мрачные, злые, огрызаясь друг на друга. Ледокол буквально «ждет у моря погоды», ибо больше ничего не остается делать: не тратить же бесполезно ценное топливо! Попав во вражеское ледяное

окружение, ему ничего не остается, как терпеливо выжидать перемены ветра, который, может быть, раскидает лед, а шансы на это в Полярном море — большие. Ветры то и дело меняют свое направление, изменяя и качество ледяного шоссе.

Но случается, что и многодневная остановка не дает никакого результата: тяжелый ледяной барьер — без маленькой щелки. Тогда приходится благородно ретироваться, обходить бесконечные ледяные поля, чтобы где-нибудь с юга, запада или востока найти более тонкий, изъязвленный прорехами полыней лед. Иногда приходится делать большие, многомильные, обходы.

Но все же этот маневр дает больший экономический эффект, нежели бесполезная и бесцельная трата драгоценного кардифа.

Наш ледокол, снабженный стальным форштевнем, имеет еще возможность форсировать льды, бороться за свое существование, а вот маленьким деревянным судам в таких условиях приходится плохо. Их или гигантским сжатием льда раздавливает или же выпирает на поверхность. Между прочим, норвежские зверобойные боты сооружаются в форме яйца, с тем намерением, что при внезапном сжатии их выдавит на лед. Всем памятен знаменитый многомесячный дрейф (безвольное плавание) Фритьофа Нансена на затертом во льдах судне «Фрам», который закончился зимовкой великого полярного исследователя на Земле Франца-Иосифа.

С первого же дня, как мы вошли в лед, к нашей экспедиции присоединились неожиданные спутники: целые стаи белоснежных, серебряных чаек сопровождали ледокол в ледяной пустыне. Они легко кружились вокруг судна, низко планируя над водой, или вдруг стремительно, камнем, плюхались в волны, выскакивая с маленькой извивающейся рыбешкой в клюве. Оказывается, наш ледокол им неожиданно приготовлял хороший и вкусный завтрак. Из-подо льда, который дробил ледокол, на поверхность воды или даже на отдельные льдины в страшном смятении и испуге стайками выскакивала рыбешка «сайка», которую ловко подхватывали наши насторожившиеся крылатые спутники. Если из-за туманов или тяжелых торосистых полей «Седову» приходилось останавливаться, то чайки не улетали, а спокойно садились на льдину и терпеливо ждали следующей охоты. Изредка появлялись мрачные и угрюмые глупыши-буревестники — солидные серые птицы с исключительно красивым полетом. В противоположность надоедливо крикливым чай-

кам, они молча летали вокруг, хищными желтыми глазами выискивая в зеленой воде едва заметные силуэты добычи. В крупных разводьях, как ваньки-встаньки, показывались и исчезали круглые голые черепа морских зайцев. Мы по ним не стреляли, бесполезно. В это время года на них мало жира, и убитые зайцы мгновенно идут ко дну. Только страстный охотник Журавлев с невозмутимым, стоическим спокойствием, сидя у теплой трубы ледокола, посылал в лед пулю за пулей.

— А пусть тонут, пропади они пропадом, — хладнокровно заявлял он. — Их тут тьма небесная, а мне винтовку надыть пристрелять...

За все время этой экспедиции мы ни разу не видели моржа — этого воистину доисторического животного, наполненного жиром и мясом. В прошлом году, во время посещения мыса Флоры на Земле Франца-Иосифа, мы не только видели моржа, но и сумели его застрелить. Случилось это так.

На маленьком весельном вельботе возвращались мы с берега на ледокол, как вдруг В. И. Воронин, указывая пальцем на темнеющее вдали пятно, радостно вскрикнул:

— Морж!..

Мы осторожно, стараясь тише разговаривать и бесшумно грести, направились к маленькой льдине, на которой расположилось чудовище. А между тем эти старания были напрасны. Морж сразу же почувствовал наше приближение, но он был слишком ленив и слишком уверен в себе, чтобы обратить внимание на такую мелочь, как наши персоны. Он медленно поднял голову, взглянул на нас узенькими, заплывшими от жира глазками, тихо покачал головой и... опять лег спать. Мы подошли к моржу на расстояние менее 20 шагов, спокойно легли на снег, укрепили винтовки на ледяных подставках и спокойно нацелились.

Морж — это какое-то допотопное чудовище. Вы представьте себе тонну жира, облеченную в толстейшую рыжую меховую шубу, исколотую и израненную чьими-то клыками — возможно, любвеобильного соперника. Круглый голый череп нависает на маленькие глаза, за которыми следуют черные точки ноздрей, отвратительные колючие длинные усы и два белоснежных крепких бивня. Толстые складки жира полосами расчертили меховую шубу. Плавники, которыми он так быстро и ловко работает на воде, беспомощно упали на лед. Самое интересное обстоятельство — это то, что такое на вид страшное животное совершенно безобидно. И питается-то оно не мясом, не рыбой, а каким-то особым видом моллюсков.

Морж опасен только в воде. Тут неповоротливое, неуклюжее животное превращается в ловкого зверя, прекрасно владеющего своим телом, виртуозно плавающего и ныряющего. В этих случаях он может заигрывать с легонькой шлюпкой, крутиться вокруг нее, подкимать бешеные волны, целый водоворот воды, все время стараясь или опрокинуть ее или же пробить острыми, крепкими, как сталь, бивнями. На льду же морж — огромный неповоротливый кусок мяса и жира.

— Раз, два, три, — шопотом считаем мы про себя, потом что-то вскрикиваем. Животное быстро поднимает голову, и тотчас же три метких выстрела вонзаются ему в шею. Наши выстрелы оказались смертельными. Алой струей брызнул фонтан крови, голова зверя как-то сразу устало поникла, несколько раз шевельнулись плавники, в конвульсиях дрогнуло тело и... прекратились движения. Морж был убит.

Что делать с такой тушей мяса и жира? В нашу лодку она не поместится, а снять шкуру мы не умели, ибо это очень сложная и кропотливая работа, требующая огромной сноровки и опыта. Тогда решили разделиться на две партии. О. Ю. Шмидт и я остались на небольшой движущейся льдинке, где в луже теплой крови плавала туша, а остальные отправились за помощью на ледокол.

Часа через три прибыла группа матросов. Быстро, не теряя времени, они обнажили кинжал, с трудом перевернули огромную тушу на спину и начали разрезать кожу живота. Надо сказать, что моржевая кожа весьма ценится в промышленности, ибо из нее вырабатывают самые толстые и прочные приводные ремни. Прежде чем разрезать кожу чудовища, матросам несколько раз пришлось точить ножи: словно от камня, стальные лезвия быстро тупели.

— Ну и чорт! — смеялись матросы. — Воистину толстокожий!

Едва «Седов» вошел в лед, как развернулась научная работа. В. Ю. Визе, гидрохимик **А. Ф. Лактионов и Ретовский** приступили к регулярным наблюдениям над температурой, соленостью воды и погодой. Метеосводки составлялись каждые четыре часа, а гидрологические — через час. На корме, в бывшей канцелярской каюте, была устроена лаборатория, где чуть ли не круглые сутки можно было видеть А. Ф. Лактионова, возящегося с колбочками и пробирками.

С целью изучения почти не известных науке морских течений в море выбрасывали огромные деревянные шары и бу-

тылки из толстого стекла. Дно этих бутылок заполняли цементом, с тем, чтобы они, плавая, не лежали, а торчали из воды. Только в этом случае бутылка будет передвигаться не под действием ветра, а под влиянием течений. Внутрь бутылки укладывалась записка с текстом на нескольких европейских языках. Если кто-либо найдет это стеклянное письмо — возможно, далеко от севера, даже где-нибудь в тропиках, — отобьет горлышко, то он увидит внутри почтовую открытку со следующей надписью:

«Эта бутылка брошена с целью изучения морских течений. Нашедшего ее просят сообщить об этом Институту по изучению Севера в Ленинград, указав место и время находки».

Конечно большая часть бутылок бесследно исчезнет, разбившись о крутые скалистые берега или будучи раздавлена сжатием льда. Но все же часть из них, попав в руки сознательных людей, будет доставлена в Ленинград и тем самым поможет пролить свет на дело изучения морских течений мира.

Лед особенно интересует наших ученых. Ведь до сих пор изменение цвета торосов, от изумрудно-зеленого до яркоголубого, является мировой неразгаданной тайной. Почему рядом с небесно-синим айсбертом, на одном и том же ледяном поле, находится зеленый или бурый, на этот вопрос не ответит ни один ученый. Не смог ответить и швед Мальмгрен, трагически погибший во время неудачной авантюры Нобиле.

Интереснейшую работу производит известный бактериолог, проф. Исачёнко, над исследованием количества микроорганизмов, находящихся в воздухе. В 1906 году такую же работу он производил в Баренцовом море и впервые доказал наличие бактерий в морской воде. В 1892 году француз **Куто** изучал бактерии на Шпицбергене. В 1892 году работал швед Левин, но в широтах, значительно более южных. В полярных же странах эти работы производятся впервые выдающимся советским ученым.

— Исследования говорят, — заявил проф. Исаченко, — что воздух в районе Земли Франца-Иосифа почти чист от различных бактерий, разве что во время ветра с птичьих базаров сюда заносит зародыши грибков. Бактерии попадаются лишь единицами — два-три случая, но зато район богат плесневыми грибками. Над снегом я зарегистрировал 116 грибков, над скалами — 248, на капитанском мостике, где бывают люди, — 632, а уже в каюте — 1 776. Но надо сказать, что в городах, где преобладают бактерии в виде грибков, они насчитываются сотнями тысяч экземпляров.

Однажды мы обратили внимание на проплывающие мимо «Седова» огромные льдины красно-бурого цвета. Казалось, что эти льды, находясь где-нибудь вблизи берега, были засыпаны песком, который им и придал такую необычную для Арктики окраску. На самом же деле было не так. Проф. Исаченко объяснил, что снег получает красно-бурый цвет от присутствия микроскопических диатомовых водорослей, так называемых «сферен». Эти водоросли, обитательницы северных широт, развиваются при очень низкой температуре и питаются талой водой. Огромными массами несутся диатомовые водоросли от берегов Сибири, влекомые льдами к Гренландии.

Страшное впечатление производит красный снег на ровной белой скатерти льда. Кажется, что эти пятна — следы алой крови, следы только что разыгравшейся кровавой трагедии.

— В средние века, — говорил проф. Исаченко, — внезапное появление красного снега вызывало ужас и панику среди суеверного населения. Это явление приписывалось «гневу божьему». Однажды в Северной Италии, в Ломбардии, в один и тот же день у всех булочников на белых хлебах появились красные пятна сферены. Поднялась дикая паника. Воспользовавшись случаем, католическое духовенство подвергло пыткам и инквизиции совершенно невинных людей, обвиняя их в колдовстве.

Этими слизистыми бурыми комочками водорослей, равно как и обитателями подводного царства, живо интересуется гидробиолог **Г. П. Горбунов**, исключительный знаток в своей области. Регулярно на длинном стальном тросе он опускает в море маленький трал (сетку), извлекая со дна бесчисленное множество мелких морских животных: нежные желтые стебли плотоядных лилий, морских звезд, щетинистых червей, колючих морских ежей и т. д.

Едва «Седов» вошел в хрустящую упругую кромку, как нас встретил сам хозяин ледяной пустыни — огромный белый медведь. Сначала у самого горизонта, в сизой дымке тумана, на искрящемся ледяном ковре появилось темножелтое пятно.

— Медведь с правого борта! — закричал с капитанского мостика штурман.

И правда, желтое пятно по мере приближения к нему «Седова» зашевелилось и из мохнатого кома превратилось в едва заметную фигурку зверя. Владыка ледяной пустыни шел медленно, солидно и важно. Вытянув голову по направлению к судну, повидимому, обнюхивая воздух, он спокой-

ным шагом, не спеша двигался наперерез ледоколу. Вот он уже совсем близко; сейчас уже можно хорошо разглядеть три черных точки на его морде — два острых глаза и беспрерывно шевелящийся нос.

Надо сказать, что охота на медведей в арктических странах совсем не похожа на ту охоту, которую мы себе представляем. Меткому стрелку совсем не нужно подкрадываться к зверю, ползти с подветренной стороны, стараться быть незамеченным. Нет, медведь сам к нему придет. Хозяин пустыни по силе не знает себе равных. Он ничего не боится. Единственная его слабость — любопытство. Поэтому он и сейчас так близко подходит к «Седову», с удивлением рассматривая «незнакомого зверя».

А в это время на палубе — суматоха. Длинной цепью выстраиваются стрелки, заряжают винтовки и от нетерпения и охотничьего азарта уже нервничают. Весь состав экспедиции разделен на группы по четыре человека в каждой, при чем группы стреляют по очереди, а остальные получают право пули лишь в том случае, если стреляющая группа не справится с заданием и зверь начнет удирать.

На расстоянии 50 шагов подходит мохнатый гигант к ледоколу. Как ловко и изящно перепрыгивает он через полыньи, брезгливо потряхивая задними лапами, зацепившими воду! Трудно себе представить, что в этой туше больше полтонны весу.

Остановился, зорко оглядывает медведь ледокол, даже присел, и встал на задние лапы, принюхиваясь к аппетитным запахам, несущимся из камбуза.

— Ребята, — кричит боцман матросам, — медведь-то позирует оператору!

Понятно, Новицкий с удовольствием пользуется бесплатной натурой. Не обращая никакого внимания на крики нетерпеливых охотников, он быстро вертит ручку киноаппарата.

Когда косолапый медведь повернул свой огромный широкий зад, за которым скрылись все наиболее уязвимые места, вот тогда охотникам дается сигнал открывать стрельбу. Но в зад стрелять бесполезно: медведя можно лишь ранить, и то не серьезно. В таких случаях медведь с огромной скоростью пускается в бегство, и маленькая пуля трехлинейной винтовки имеет мало шансов на хорошее попадание. Поэтому охотники стрельбу открывают не сразу, а ждут момента, когда медведь станет оглядываться на судно, оборачивать свою голову. Вот в этот-то момент меткий выстрел охотника обычно и попадает в цель.

Одними из лучших стрелков на ледоколе были О. Ю. Шмидт, Ю. Н. Хлебников и промышленник Журавлев. Это они умудрялись с одного выстрела, точного и меткого, убивать медведей.

Медведь убит. Громадная туша как-то осаживается на задние лапы и валится набок. Ни крика, ни стона. По спущенной на лед веревочной лестнице вылезают матросы. Осторожно, держа винтовки наизготове, они подходят к убитому зверю, закидывают на него петлей канат и подтаскивают к борту «Седова». Тогда уже лебедкой его подтягивают на палубу, где острокосые лайки от радости устраивают шумный концерт. И пока научный сотрудник Г. П. Горбунов принимается за грязную кропотливую работу — обмер и разделку туш, снимает шкуру, копается во внутренностях, кишечнике, все собаки рассаживаются вокруг него, облизываясь и скаля зубы: они уже заочно поделили добычу.

Достается кое-что и судовому повару. Длинным ножом он отхватывает мягкие части животного, чтобы вечером угостить экспедицию прекрасным мягким бифштексом. У медведя великолепное сочное мясо, правда, отдающее рыбой, ибо он питается тюленями. Комсостав и члены экспедиции считали за лакомство свежую медвежатину.

Будущие зимовщики Земли Северной — Журавлев и геолог Урванцев — с наслаждением пьют теплую кровь только что убитых медведей и едят сырое мясо, отрезая ножом большие куски. Дело в том, что кровь этого зверя является лучшим средством борьбы с цынгой[1].

---

[1] История завоевания Арктики знает случаи, когда до 90 процентов всего состава смелых исследователей гибло от этой страшной болезни.

Обычно у больного цынгой, или, как его называют, «запынжалого», появляется упадок сил и апатия. Затем, с течением болезни — размягчение и кровотечение десен. Вскоре все конечности покрываются темными пятнами, и человек умирает. Самое ужасное, когда цынга обнаруживается у человека, совершающего пеший переход — пробирающегося по торосам и ледяным полям (как это было с Г. Я. Седовым). Появившаяся у больного апатия заставляет его бросить мысли о возможном, даже близком спасении; человеку хочется лежать, спать, и никакими силами его нельзя заставить двигаться вперед.

В нынешнее время благодаря открытию витаминов надо считать, что цынга окончательно побеждена человеком. Правда, еще наблюдаются случаи заболевания этой страшной болезнью, главным образом на зимовках северных радиостанций. Но это происходит исключительно вследствие плохого снабжения, неудачного подбора ассортимента продуктов и нежелания самих участников соблюдать определенный режим.

Зверобои рассказывают, с какой трогательной заботливостью приготовляет медведица берлогу для будущего ребенка. Обычно под берегом, на крепком припае льда или снежном, защищенном от ветров скалами наносе, медвежиха вырывает глубокую яму в две комнаты. В первой она родит и высиживает первые месяцы с малышом, во второй — устраивает уборную. Чистота в берлоге поразительная. Там, где живет малыш, вы не найдете ни кала, ни куска грязи. С первыми весенними лучами солнца выводит медвежиха малыша в свет. Жмуря от яркого, ослепительного солнца, искрящегося миллионами бриллиантов снега свои маленькие глазки, нескладно ковыляя ногами, плетется за матерью медвежонок. Он присутствует на охотах, наблюдает, как опытная мать умеет обнаруживать за несколько туманных километров чуть видное темное пятнышко тела тюленя. Тонким нюхом учится находить залежки зверя и не путать маленькие темные прорехи полыней со спящей на льду нерпой. Мать ему демонстрирует, как нужно часами, сутками, сжав тело в стальную негнущуюся пружину для прыжка, просиживать за ропаком (торосом) у маленькой, протаянной тюленями во льду лунки в ожидании, не покажется ли когда-нибудь долгожданный круглый череп ластуна.

Медвежонок подрастает и крепнет. Он уже не плетется покорно за коротким обрубком хвоста матери, но еще пока неуклюже носится по ледяным полям, залезает, прыгает с торосов, валяется в мягкой пушистой пелене снега — словом, не знает, куда девать, к чему применить уже появившуюся силенку.

В этот период юношества медвежиха приводит сына к большому разводью на первый урок плавания. Медвежонок трусит лезть в воду, боится, жалобно пищит и пятится задом от зубчатого края льда. Тогда мать сама бросается в воду, плавает, ныряет и тихим ворчанием приглашает, подзадаривает медвежонка влезть в воду. А когда и это не помогает, то поступает проще. Вылезши на лед, она просто сталкивает его в студеную воду, заставляя беспомощно барабанить лапами по поверхности, заставляя самого на практике научиться плавать.

Пока медвежонок постигает всю премудрость умения держаться на воде, легко и свободно в ней двигаться, медвежиха располагается на краю полыньи, зорко наблюдая за первыми успехами, готовая в любую минуту притти на помощь.

А залезть обратно на лед, а ловить быструю треску под толстыми льдинами — думаете, легко?

Большую и трудную школу жизни проходит будущий властелин ледяной пустыни.

Но едва он подрастет, возмужает, как заботливая мать принуждена будет констатировать полную неблагодарность своего сына. Выросший, окрепший великан, с густой желтовато-белой шубой, не зная себе равных по силе противников, бросает свою мать и самостоятельно пускается в широкие, полные заманчивых приключений. жизненные горизонты.

Встреча с медведем на суше, один на один, много интереснее охоты с борта судна. Но эта встреча может быть чревата неприятными последствиями. Охотнику приходится надеяться только на свою винтовку и меткость. В противном случае от животного не уйти. Каким бы вы быстрым бегом ни обладали, медведь, несущийся на вас огромными кошачьими прыжками, ловко перемахивая через полыньи, все равно настигнет, и тогда уже не уйти от его громадной когтистой тяжелой лапы.

В прошлом году, при посещении Земли Рудольфа, мне пришлось испытать много неприятных минут при такой встрече. Уже подходя к берегу, мы с борта судна увидели вдали крошечные домики американской экспедиции Болдуина, зимовавшего здесь в 1902 году. Спустив шлюпки, мы добрались до прибрежного припая льда, оказавшегося из-за сырых туманов сильно подмоченным, и взяли направление к берегу, но не прошли и нескольких шагов, как заметили в стороне от строений огромного белого медведя. Хозяин острова, сидя, внимательно следит за приездом непрошеных гостей, вытянув нос навстречу прохладному весеннему ветру. Отгоняя друг друга, стараясь первым получить право выстрела, прыгая через полыньи, проваливаясь, карабкаясь наверх и опять падая, перелезая через нагроможденные торосы, бросились мы к спокойно сидящему зверю. Это была тяжелая, изнурительная скачка с препятствиями. Но охотничий азарт был настолько велик, что, не обращая внимания на опасность, мы сломя голову летели вперед, проделывая весьма рискованные пируэты.

Двадцать минут хорошего спортивного состязания — я и один матрос оказались намного впереди остальных товарищей. Оглянувшись назад, мы увидели их маленькие, размахивающие руками фигурки, старающиеся, но тщетно, за нами поспеть. Совершенно измучившиеся от быстрого бега и бесконечных прыжков, мокрые от невольных холодных ванн в полыньях, стрелой влетели мы на пригорок и, лавируя меж

огромных кусков разбитых скал, потеряв в азарте всякое представление об опасности, подбежали к медведю на расстояние каких-нибудь 50 метров. Собственно, я бы подошел и еще ближе, если б не услышал сдавленный крик моего спутника:

— Стой! Ты с ума сошел! Лезешь в самую морду медведю...

Тут только, бросив быстрый взгляд на зверя, я понял, что мы сделали отчаянную глупость, забежав слишком далеко. Я знал, что спутник мой был без винтовки,— значит, вся надежда была на мои три вложенные в магазинную коробку патрона, ибо помощь застрявших товарищей пришла бы слишком поздно. Взяв, насколько возможно, себя в руки, теперь уже твердо отдавая себе отчет в грозящей опасности, я уверенно прислонил винтовку к огромному базальтовому камню и приготовился к выстрелу.

Медведь встал на ноги, выпрямился и вдруг, подобрав свое тело в комок, бросился гигантскими прыжками на нас. Спокойно прицелившись, поймав маленькую белую голову с точками глаз на мушку, я медленно нажал курок, и — о ужас! — выстрела не произошло. В один момент я почувствовал, как весь похолодел; лоб покрылся каплями пота. Наблюдавший за мной товарищ от ужаса вытаращил глаза и, как бы ища защиты, инстинктивно прижался к скале. Молнией в голове пронеслась страшная мысль: во время купания в полыньях подмочил патроны. Но делать нечего — на карту были брошены две жизни.

Стрелял я обычно неплохо, но опытным охотником все же не был. Не знаю откуда, но у меня вдруг неожиданно появилось самообладание. Стискув зубы, напрягая всю силу воли, чтобы не растеряться, я быстро вставляю в ствол второй патрон и начинаю прицеливаться. В голове упорно сверлит острая мысль:

«Только спокойно. Не торопись. Вернее нацелься!..»

Огромными эластичными прыжками приближался уверенный в своем превосходстве и силе медведь. Тридцать метров теперь едва отделяли его от нас. Снова нажимаю курок, и... снова осечка. В глазах у меня потемнело. Широкие черные круги расплылись по всему горизонту. Матрос протяжно и жалобно застонал: он прекрасно знал, что в запасе у меня всего лишь один патрон, один патрон, который должен решить нашу судьбу. Погибли, все кончено! У меня мелькает манящая мысль — бежать. Но куда? Уже поздно, от дикого зверя все равно не уйти.

Дрожащими руками вкладываю последний патрон, боясь думать, что и он, может быть, как и все остальные, отсырел. Медведь уже совсем близко. Ясно вижу его трясущееся при прыжках тело, огромную раскрытую пасть, блестящие зубы и высунутый красный язык. «Все кончено», проносится мысль. Потеряв всякую уверенность, я уже не отгоняю ее. С отчаянием поднимаю винтовку, сощуриваю глаз и прицеливаюсь. Мушка болтается, не может поймать близкий, но прыгающий предмет.

Как произошел выстрел, я не могу сказать, но произошел— громкий, раскатистый, повторенный тысячным эхом в черных горах. Оцепеневший матрос быстро рванулся вперед, выглянул из-за скалы. Огромная белая туша как бы от удивления на момент остановилась, маленькие щелки глаз сверлили десяток метров, остававшиеся до нас, и вдруг тяжко, со стоном рухнула набок. Край белоснежного уха и челюсть окрасились в алый цвет.

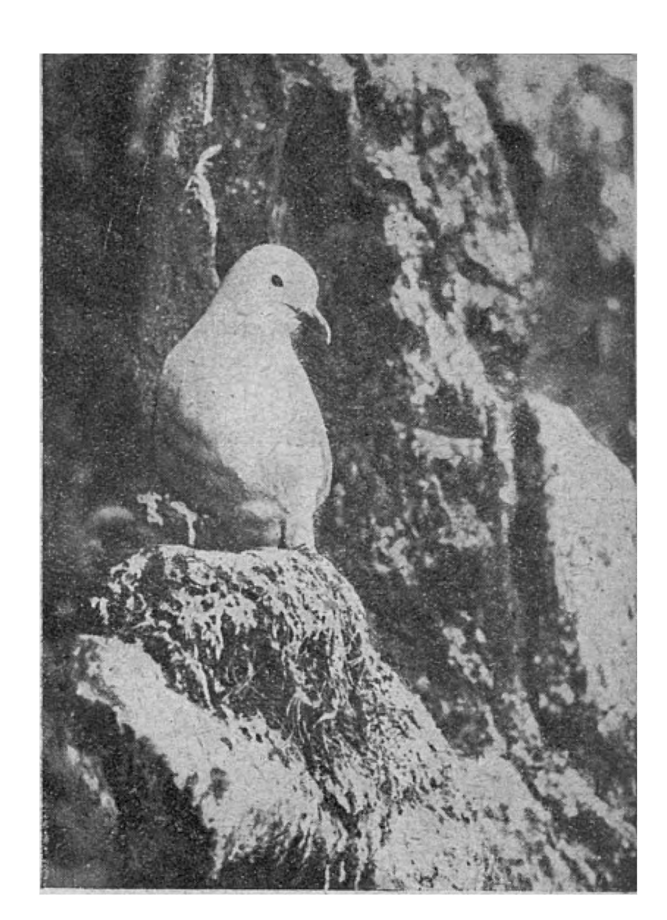
— Убит! Убит! — как бы не веря, неистово заорал матрос и мелкими нескладными прыжками побежал к убитому зверю.

Медведь лежал на правом боку. Передняя лапа в конвульсиях свирепо била по снегу. Черные глазки с ненавистью и дикой злобой смотрели на нас — неизвестных зверей, оказавшихся сильнее и принесших ему смерть. Стеклянные бесцветные глаза безразлично уперлись вдаль. Медведь был мертв: пуля, пробив ему череп, попала в мозг. Он оказался огромным трехметровым гигантом, матерым самцом, с колоссально развитой мускулатурой.

— Вот бы подвернулись ему под лапу,—радостно похлопывая по еще теплому животу медведя, говорил матрос, — факт — покрышку бы снес...

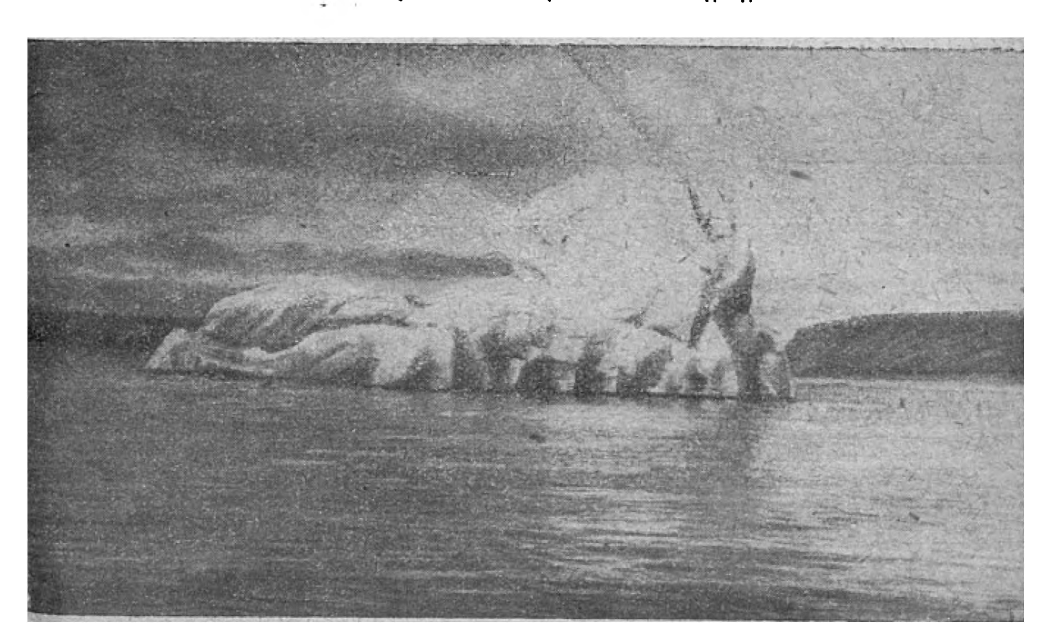
Вторые сутки мчится «Седов» во льдах, вторые сутки форсирует тяжелый, многолетний полярный пак. В воздухе — несмолкаемый гул, артиллерийские залпы и скрежет мнущих друг друга огромных льдин, выворачиваемых стальным тараном ледокола.

Воронин нервничает. Днем и ночью он бессменно на своем посту. Его всегда можно найти наверху вымеряющим квадрат капитанского мостика. Скоро Земля. Там, далеко, за густой серой вуалью, должен быть давно желанный берег. Это мы прекрасно знаем: об этом заявляет компас и настойчиво твердят сложные измерительные приборы, по солнцу определяющие местоположение ледокола.

Чайка на птичьем базаре Рубини-Рок

Айсберг, подводная часть которого в семь раз больше надводной

Начальник
Земли Северной—
Г. А. Ушаков

Начальник колонии
Земли Франца-Иосиф
П. Я. Илляшевич

Радист советской колонии
на Земле Франца-Иосифа—
Э. Т. Кренкель

Лучший ледовой
капитан,
командир ледокола
„Седов"—
В. И. Воронин

Плавание в Арктике для капитана — сложная шарада. Без карт, если не считать поверхностные, совершенно неточные наброски былых экспедиций в совершенно не исследованных морских просторах, в никем не изученных течениях и неизвестных глубинах, полагаясь лишь на свой практический стаж и интуицию, осторожно ведет капитан ледокол, ответственный за жизнь экипажа и целость доверенного ему государственного имущества.

Работа вслепую?

Да, вслепую.

Но это обстоятельство не только не умаляет неоценимых достоинств В. И. Воронина, но еще больше подчеркивает трудность и колоссальную величину достигнутых им результатов. Пройти там, где уже много раз хожено,— это еще не победа, а вот там, где пути никем не исследованы, никому не известны, когда не знаешь, как далек киль от скользких подводных скал, от дна,— это настоящий, подлинный героизм. После каждого полярного рейса записная книжка В. И. Воронина наполняется цифрами промеренных глубин, неисчислимыми записями наблюдений.

— Все это пригодится для следующего раза,— поглаживая черный коленкор книжки, улыбаясь, говорит он, — если не мне, то другим, кого судьба бросит к этим неприветливым берегам.

Капитану надо писать книгу, целый учебник полярного кораблевождения, запечатлеть на бумаге все свои мысли, соображения и выношенные думы.

Это будет чудесная школа для многих поколений полярных капитанов. Но разве Владимиру Ивановичу когда-нибудь собраться и сесть за письмо?

— Наше дело стоять за штурвалом, — не раз говорил он корреспондентам газет и писателям, — а ваша прямая обязанность информировать массы о виденном...

Но ведь наш неопытный в морском деле и навигации глаз не заметит и тысячной доли того, что поймет, расшифрует и оценит капитан. И я сильно боюсь, что многое, очень многое из богатейшего опыта и многолетней практики Владимира Ивановича навсегда останется не известным истории.

„Слушайте, слушайте! Говорит „Седов“

На верхней палубе меж двух спасательных шлюпок прилепилась маленькая белая квадратная коробочка — судовая радиостанция «Седова». Длинная стрела антенны, соединив

верхушки обеих мачт, спускается вниз, на плоскую крышу, где встречается с блестящим квадратом радиопелленгатора — прибора, с помощью которого судно в море и во льдах определяет свое местонахождение.

Радист Евгений Николаевич **Гиршевич** — любимец всего экипажа. Это он доставляет радость получения весточки с земли и поддерживает постоянную связь с берегом. Благодаря его станции мы, где бы ни находились, затертые во льдах или в открытом бурном океане, всегда имели регулярную возможность снестись с далекими семьями. Только здесь, за тысячи километров от берега, отрезанные от всего мира ледяной бесконечной пустыней, — только здесь по-настоящему понимаешь и осознаешь гениальное открытие радио. И в самые тяжелые минуты, перед лицом опасности, все же чувствуем, что мы не одни, что маленький аппарат не выдаст и сообщит далекой Республике о нашем горе и радости. И эта уверенность в силу возможности радио поддерживать бодрый дух, позволяет спокойнее относиться к создавшемуся положению.

Весь путь исследования беспредельных просторов Арктики усеян трупами отважных энтузиастов-исследователей. А ведь большинство из них можно было спасти, будь их корабли снабжены радиоустановками. Теперь, как правило, каждое советское судно, отправляющееся на север, оборудовано радио. Теперь не могут быть такие возмутительные случаи, какие были с экспедицией Г. Я. Седова, когда военное министерство накануне выхода судна в море по неизвестным соображениям запретило установку радио, тем самым поставив экспедицию перед фактом полной оторванности от родины, и обрекло ее на мучительное, полное лишений странствование.

На круглых металлических часах черная стрелка медленно подобралась к цифре «два». Сейчас начнется передача метеорологической сводки на материк. Каждый день регулярно в радиорубке появляется В. Ю. Визе и приносит маленький лист бумаги, исчерченный столбцами непонятных многозначных цифр. И каждый день Е. Н. Гиршевич или его помощник, весельчак **Ворожцов,** посылают в туманную даль бесконечные точки, тире, которые там, где-нибудь в Архангельске или Ленинграде, превратятся в стройные газетные фразы информации бюро предсказаний погоды.

От состояния погоды в арктических странах в значитель-

ной степени зависит погода и далеко на материке. Вот почему так интересуется центр нашими радиосводками, посылаемыми непосредственно из места, где делается погода, так сказать из «кухни погоды».

С трудом усаживаясь на крутленький, шатающийся от толчков ледокола стул, нескладно, чтобы сохранить равновесие, растопырив ноги, упираясь ими и свободной рукой о твердые предметы, Гиршевич дает звонок в машинное отделение, требуя запуска динамо. Комната машинного отделения моментально наполняется размеренным, четким дыханием и гудением сердца радиостанции. Отсюда по артериям проводов брызжет кровь электричества в радиорубку — мозг станции. Преломляясь, перерабатываясь в сложных приборах и усилителях, искра долетает до телеграфного ключа и, вырвавшись на морозный воздух, проскользнув по длинной стреле антенны, с бешеной скоростью летит куда-то в туманную даль, понукаемая твердой рукой Гиршевича.

— REF, REF,— дает он позывные радиостанции на Цып-Наволоке.

— Говорит RAHD, говорит RAHD...

Я присматриваюсь к его напряженному, бледному от непрерывных недосыпаний лицу, стараясь, хотя и напрасно, разгадать неясные звуки, доносящиеся из плотно прижатых наушников. Какой гигантский путь предстоит совершить радиограмме! Мы держим постоянную связь с Цып-Наволоком (Мурманский берег). Там замечательный, очень опытный радист — **Пахолков.** Когда он на дежурстве, мы гарантированы, что телеграмма, несмотря на разряды и тяжелые атмосферные условия, будет принята. С Цып-Наволока информация перекидывается в Мурманск, оттуда в Ленинград и лишь после этого попадает в Москву.

Сегодня на подступах к Земле Франца-Иосифа мы в первый раз воспользовались услугами радиотелефона. Взяв трубку в руку, возбужденно кричал О. Ю. Шмидт в отверстие микрофона далеким и вместе с тем уже близким зимовщикам:

— Алло, дорогие друзья! Мы скоро будем у станции. Горим нетерпением пожать вам руки. До скорого свидания в бухте Тихой.

Но бывали и тяжелые моменты. Это тогда, когда «Седов» ушел далеко на север, когда атмосферные разряды совершенно прекращали всякую связь с берегом. Тогда Е. Н. Гиршевич ходил мрачный и злой. Тогда горы телеграмм сутками залеживались на столе в ожидании благоприятного момента.

— Проклятие! — возмущался Гиршевич.— Целых пять ча-

сов под ряд передавал информацию, перекинул более двух тысяч слов, и в результате Пахолков ни одного не принял.

Мы, корреспонденты, сочувственно поглядывали на его расстроенное лицо, чувствуя себя виновниками этой бесполезной избурительной работы. В один из таких мрачных, тяжелых дней, после долгих усилий и повторных перестукиваний, в Москву ушла телеграмма следующего содержания:

«Участники полярной экспедиции и команда ледокола «Седова» обратились с просьбой поместить в «Известиях» следующее сообщение:

«В связи с большими затруднениями в радиообслуживании телеграфная связь с родными почти прекратилась. Сообщаем, что все без исключения здоровы, чувствуем себя великолепно и с энергией заканчиваем возложенное на нас поручение правительства».

ЗЕМЛЯ

— Земля! Земля!... — несется радостный, безумный крик. Маленький, насквозь пропитанный угольной пылью чумазый кочегар, сверкая белизной оскала, нервно тычет пальцем в туманную даль. Повеселевший капитан широко улыбается, медленно разглаживая большие рыжие усы. Он-то давно уже обнаружил землю в огромный бинокль.

С быстротой радиоискры по маленьким клеткам кают разнеслась эта весть.

Внезапно длинный луч негреющего солнца стрельнул по туману, и медленно, словно нехотя, раздвинулся тяжелый занавес. Где-то вдали, у самого горизонта, за острыми изломами торосов и широкими разводьями полыней наметилась извилистая черная полоска, медленно принимавшая форму крутых, обрывистых гор с большими пятнами снега и сверкающими руслами глетчеров.

— Где мы находимся? Что это за острова?

Капитан хмурится и молчит. Сейчас ответить на эти вопросы не представляется возможным, ибо так же внезапно, как появилось, солнце пропало. А на море определить свое местонахождение можно только по солнцу. Нет солнца — и плыви в неизвестности. Медленно, ощупью, ежеминутно промеряя глубину, приближается «Седов» к неизвестному берегу.

На верхней палубе быстрый топот ног. Это Гиршевич спешит показать капитану только что перехваченную телеграмму от зимовщиков.

«Подход к Земле Франца-Иосифа, — гласит она, — возможен вдоль островов Гуккера, Скотт-Кельти и Мертвого Тюленя. В районе станции — крупно битый торосистый лед и айсберги. Видимость хорошая. Сквозь легкий туман виден далекий остров Нордбрук».

И как бы в подтверждение из-за облаков и серой вуали тумана чуть выглянул краешек солнца, но все же достаточный, чтобы дать возможность определиться «Седову». Приставив к глазу секстант с массой разноцветных стеклышек, щурясь на солнце, протяжно командует капитан:

— Готовьсь!.. Стоп!

И дежурный штурман записывает в тетрадь градусы, минуты и секунды места, где в данный момент маячит «Седов».

— Ну вот, — просто и спокойно говорит Владимир Иванович, — мы у входа в Британский канал. А скоро и станция.

самая северная

В тихую солнечную погоду подходил «Седов» к бухте Тихой.

По обоим берегам главной улицы Земли Франца-Иосифа, широкого проспекта среди маленьких переулочков-проливов — Британского канала, сползали в ледяную воду широкие полноводные русла гигантских глетчеров. Вдали, у самого горизонта, меж низких островков показалась седая шапка облаков, нависших над красавицей-скалой Рубини-Рок. Скоро должен показаться так хорошо знакомый, врезавшийся в память каждого участника прошлогоднего похода мыс Седова с маленькой, прилепившейся к нему постройкой самой северной в мире радиостанции.

Лавируя меж островков, врезаясь стальным тараном в подвертывавшиеся ледяные глыбы, медленно пробирался празднично разукрашенный «Седов» к заветному кусочку далекой земли. Проходим старые знакомые места—остров Мертвого Тюленя, Скотт-Кельти. За поворотом, купаясь в ярких лучах арктического солнца, тихо заполоскался подхваченный свежим ветерком алый флаг советской радиостанции. Внизу, у флагштока, — неясные, крошечные точки фигурок. Навстречу им с палубы «Седова» грянул приветственный залп, размноженный, разнесенный гулким эхом до крутых, нависших скал. С берега неслись салюты; «Седов» отвечал троекратным простуженным хрипом гудка и громким, раскатистым «ура».

Семь маленьких фигурок что-то громко кричали, возбуж-

денно размахивали руками. Нам было понятно их ликование. Ведь они провели долгий, тяжелый год, суровую полярную зимовку в полном одиночестве, вдали от родины, от семей! Нам было понятно их безумное желание видеть новых людей с далекой земли.

Мы — в бухте Тихой. С берега скользнула в воду и понеслась к «Седову» окрыленная веслами лодочка. На корме развевался красный расшитый флаг.

По узкому шторм-трапу под гром аплодисментов на палубу ловко карабкается начальник Земли Франца-Иосифа — Петр Яковлевич **Илляшевич.** Его трудно узнать. Широкая, окладистая русая борода, успевшая отрасти за долгую зимовку, совершенно изменила его лицо. Загорелый, обветренный, окрепший, он, право, имеет вид человека, вернувшегося с крымского курорта.

— Ну, как зимовали, что нового? — наперебой несутся вопросы.

Оказывается, все в порядке. Зимовка прошла блестяще, все здоровы, пополнели и чувствуют себя хорошо. Жили дружной, крепкой семьей, а потому и результаты работ весьма основательные.

Плотным кольцом окружили матросы бородатого начальника огромной неприветливой земли, руководителя самого северного форпоста науки.

Скорее на берег. Не терпится: хочется как можно быстрее увидеть дорогих смельчаков.

Мы — на земле. Ноги, привыкшие к качке, уже усвоившие своеобразную, растопыренную и ковыляющую, походку, с радостью ощущают твердую опору.

Вот и они, выбежавшие из дома нас приветствовать — широкоплечий весельчак радист Эрнест **Кренкель,** гигант-красавец метеоролог Юрий **Шашковский,** самая северная ячейка компартии в лице доктора **Георгиевского,** моторист **Муров,** трогательная няня, ухаживающая за своими питомцами, — повар **Знахарев** и служитель **Алексин.** Мы целуем их, крепко жмем руки, как самым дорогим, близким людям, которых не видали целый долгий год.

В маленькой уютной столовой радиостанции накрыт завтрак. На столе все, чем богаты колонисты, даже букетик свежих полярных маков. В теплых, искренних словах мы приветствовали героев; они поделились своими воспоминаниями о прошедшей тяжелой зимовке, рассказали о трудностях и успехах.

— Я приветствую,— заявил О. Ю. Шмидт,— лучших граж-

дан Советского союза, блестяще выполнивших задания партии и правительства, и надежную смену, прибывшую с нами, которой предстоит углубить, усовершенствовать великое начатое дело завоевания беспредельных просторов Арктики.

Уже через несколько часов по прибытии в бухту Тихую мы приступили к выгрузке огромного количества ящиков с приборами, продовольствием, оборудованием и припасами для одиннадцати новых колонистов Земли Франца-Иосифа. Громкими криками, гулом и скрипом лебедки огласилась бухточка. Из вместительных трюмов на свежий морозный воздух вылезли бревна и доски, которые мы привезли для строительства нового, отдельного от общего дома колонии помещения радиостанции. Эта постройка была вызвана необходимостью обезопасить в пожарном отношении жилище зимовщиков.

Пока шенкурские плотники и каменщики закладывали фундамент и собирали стены станции, мы отправились осмотреть жилища героев-колонистов, в которых они пробыли долгий полярный год (128 дней) в полнейшей темноте.

Житье-бытье

На отлогом каменистом берегу, под темной стеной старых, выветренных базальтовых гор, скромно прилепились строения — большой дом в 13 комнат, радиостанция и жилье колонистов, баня и кладовая для хранения продуктов. Вдали, на пригорке, у покосившегося от времени, исцарапанного когтями медведей деревянного креста на могиле механика экспедиции Г. Я. Седова — Зандера — белоснежная будочка для метеорологических наблюдений. У входа в дом радиостанции нас встречает огромная свора собак — наших старых знакомых, привезенных сюда еще в прошлом году, и молодых, родившихся уже на Земле Франца-Иосифа. У крыльца сооружен деревянный закуток, где собаки скрывались от диких метелей во время полярной ночи.

Близ склада, звонко звеня, несет свои кристально чистые воды весенний ручей. Рядом расположился доморощенный салотопный завод — маленькая кирпичная печурка с железным котлом, где вываривалась добыча колонистов, полученная от охоты на медведей и тюленей. Повсюду разбросан неубранный инвентарь, порожние бочки, консервные банки, ящики, бревна и много еще не использованного топлива.

Заходим на крыльцо, открываем тяжелую дверь и попадаем в загроможденный сундуками, чемоданами коридор. У

стены — столярный станок с еще свежими стружками, огнетушитель, гимнастическая трапеция и гири для занятий тяжелой атлетикой. Желание двигаться, расшевелить застывшие мышцы особенно сильно ощущалось во время полярной ночи. На улицу выйти нельзя — бураны, темнота и огромные сугробы снега, закрывшие выход на крыльцо.

— Вот и занимались физкультурой, — улыбается служитель Алексин. — Как говорится, от скуки на все руки...

Советское правительство, отправляя семерых смельчаков в Арктику, приняло все меры к предоставлению им максимальных удобств и возможного комфорта. Каждому колонисту была дана отдельная комната. Такое разумное устройство помещений должно было способствовать поддержанию нормальных отношений между отдельными членами колоний и не допускать возможности столкновений. Не хочешь видеть какого-нибудь зимовщика, поссорился с ним, ну и уходи в свою комнату, полежи и успокойся. Надо сказать, что эта предусмотрительность строителей дома сыграла большую роль во взаимоотношениях колонистов.

Самая просторная комната в колонии — это кают-компания, место сбора всех зимовщиков. Сколько бесконечных разговоров, а подчас и споров происходило на этом маленьком низком диванчике! Простенькая, скромная обстановка—обеденный стол, накрытый скатертью, шкаф для посуды, граммофон, разбитое неумелыми руками пианино, библиотека, блестящий самоварчик. Стены увешаны барометрами, градусниками, картами Севера, оружием и огромным количеством фотографий знойного юга Республики. Эти потускневшие фото так ясно говорят о затаенных мечтах зимовщиков о тепле и о солнце. Над диваном—маленькое квадратное зеркало и рупор громкоговорителя. В долгие студеные ночи, притаясь, тихо сидели семь смельчаков, слушая музыку, концерты или оперу из Большого театра.

В помещении центра колонии — радиостанции—над большой распределительной доской с массой рычажков и проволочек — череп, две кости и надпись: «Прикосновение смертельно». Это отсюда опытный радист Э. Т. Кренкель, уже неоднократно зимовавший на Новой Земле, посылал радиосводки о состоянии погоды, жизни, работе и успехах советской колонии.

В личной комнате Кренкеля — хаос проводов, изоляций и различных приборов. Здесь его лаборатория, здесь выращивался богатейший практический опыт, опыт, которого еще никто в мире не имеет,— радиоработы в арктических стра-

нах. Исключительная нетребовательность, умение приспосабливаться ко всем условиям жизни так ясно сказались и в обстановке. В комнате только самое необходимое — кровать, стул, стол, теплая одежда и несколько книг о Севере.

В течение года доктор Георгиевский производил регулярное взвешивание членов колонии. Наблюдая за весом и моральным состоянием зимовщиков, он судил, как отражается полярная ночь на здоровье и психике его постоянных пациентов.

Правильный режим, умелое сочетание физического труда с отдыхом, хорошее питание дали возможность легко преодолеть все тягости полярной зимовки. Кривая увеличения веса с достаточной яркостью это подтверждает.

Рядом с опрятной кухней с уставленными кастрюлями полками — кладовая, переполненная запасной полярной одеждой, продуктами, сапогами, электролампочками, оконным стеклом, валенками, ремнями, кожей, папиросами и упряжью для ездовых собак.

— Здесь все наше богатство, — хвалятся колонисты, — все, без чего не прожить в Арктике.

Вечером, за чаем, зимовщики начали свой длинный захватывающий рассказ о своем житье-бытье. Страница за страницей раскрывалась история первого человеческого поселения на Земле Франца-Иосифа, жизнь семерых смельчаков, рискнувших проникнуть в самое сердце Арктики. Начальник колонии П. Я. Илляшевич начал свою повесть:

— С болью в сердце мы провожали «Седова». Все дальше и дальше уходил он от станции, скрываясь в пелене тумана, и наконец мы остались одни, совсем одни, в огромной ледяной пустыне. Нам казалось, что безжалостно оборвалась последняя нить, связывавшая нас с материком и далекими семьями. С грустью взглянули мы вокруг себя — горы, ложбины, глетчеры и снег, снег, снег...

Но полярнику грустить не к лицу. На зимовку мы взяли самых выдержанных, стойких людей. Если сейчас меланхолия, то что же будет дальше, когда черная ночь покроет своим саваном землю? Работа, и только работа, отвлечет от навязчивых мыслей. И со следующего утра, распределив между собою роли, мы принялись за оборудование помещений, радиостанции, просмотр мотора, переноску продовольствия на склад — словом, энергично подготовлялись к зиме. Особую важность для нас представляли наружные работы. Их надо было успеть закончить до наступления свирепых морозов и снежных буранов.

В этот день беспрерывно, круглые сутки, торчавшее над горизонтом светило на один только момент зашло и потом опять радостно выглянуло. Но для нас это было уже предостережением. Полярный день в предверии долгой ночи становится короче.

Как-то в туманное утро, в сильную метель, ко мне прибегает взволнованный Муров с заявлением, что «вдали кто-то вроде ходит». По правде сказать, я не поверил, ибо собаки молчали. Но все же, захватив винтовку, вышел на воздух. И правда, из-за сугроба вылез огромный медведь, а за ним еще один с малышом. С помощью подоспевшего повара мы их застрелили. Это была наша первая добыча. С тех пор медведи часто заходили на «огонек», а один раз я убил зверя даже на крыльце, до того осмелел любопытный.

К флюгеру провели электричество, а с земли убрали все лишнее, что могло способствовать образованию сугробов. Особое внимание было обращено на научные работы по аэрологии, метеорологии и гидрологии. К этому делу привлекли всех, даже, правда, с охотой согласившегося доктора. Регулярно, по очереди, в семь часов утра, в час дня и в девять вечера каждый производил наблюдения и точную запись результатов, которые тут же обрабатывались и по радио передавались на материк. Для прогноза погоды мы запускали так называемые «шары-пилоты», определяющие скорость и направление движения облаков, а до наступления темноты успели даже совершить рекогносцировочные экскурсии в район острова Гуккера и его окрестностей.

— По сравнению с Новой Землей,— продолжает П. Я. Илляшевич,— осень на Земле Франца-Иосифа была более мягкой. Ветры большей частью были умеренные. Но однажды пронесся ураган силой в сорок метров в секунду. С огромным трудом, цепляясь за камни, ползя на четвереньках, добрался в тот день Шашковский до метеобудки, чтобы сделать очередные наблюдения.

Перед наступлением полного мрака залив покрылся толстым натороошенным многолетним льдом. Ну, думали, такой лед останется в бухте надолго. Но вдруг, неожиданно, видимо от силы приливного течения и ветра, сидевший на мели в середине залива гигантский айсберг сдвинулся с места и, как прекрасный ледокол, стал легко и уверенно крошить лед вокруг себя. В этот момент мы впервые увидели моржа (лежавшего на льдине), которого собачий лай заставил сползти в воду. Несколько раз, пробивая головой молодой лед, пробовал он залезть на льдину и зацепиться о край клыками.

но собаки гнали его обратно в воду. Так и не пришлось нам его пристрелить.

Среди собак за зиму произошли большие перемены. Вы помните тот антагонизм, который существовал между «барином» — немецкой овчаркой Грейфом, взятой из ленинградского питомника, и вожаками стаи, самоедскими лайками — Юшаром и Мишкой. Дикая вражда началась из-за того, что повар полюбил Грейфа, кормил его отдельно от всей стаи самыми лакомыми кусочками и позволял ночевать не на улице, где были все собаки, а у себя в комнате. На почве незаслуженных привилегий, предоставленных сытому, пополневшему «барину», и началась война. Это была своего рода классовая борьба пролетариев — ездовых собак — с комнатным аристократом. Лайки в конце концов его все-таки прикончили. Перед этим Грейфа два раза сильно потрепали медведи. В первый раз ему вырвали бок, из-за чего пришлось делать операцию и наложить девятнадцать швов; во второй раз озверевший пес, не чувствуя разницы в силах, сам налетел на медведя, который ему распорол ногу вплоть до туловища и порвал артерии. Опять пришлось наложить ему двадцать швов и ухаживать за ним, как за больным ребенком.

Собаки при виде медведя обычно окружали его плотным кольцом, лаяли, не давали уходить и всячески отвлекали внимание от стрелка. Надо отдать справедливость: много медвежьих шкур, которые сохнут там, на улице, попали нам в руки благодаря дружной работе собак. У нежной немецкой овчарки Примы уже второе потомство. Первое — от породистого Грейфа, а второе — от самоедских лаек. Таким образом второй выводок — это совершенно новая, местная, хорошо акклиматизировавшаяся порода собак. А, кто знает, может быть, когда-нибудь мы будем экспортировать эту новую породу как лучших ездовых собак на материк, в сибирскую тундру...

В ноябре на землю спустилась полярная ночь. Круглые сутки — сплошная мгла, буквально ни зги не видно. Лишь где-то вдали едва вырисовывается темная громада скалы Рубини-Рок. В первое время, пока еще не было выработано твердое расписание так называемого «дня» — «так называемого» потому, что в течение 128 суток мы не видели света,— страдавшие бессонницей колонисты в разговорах и страстных, шумливых спорах ночи просиживали в кают-компании на диване, заводили граммофон, пели и шумели. Но потом был выработан твердый распорядок — с одиннадцати часов вечера тушили свет, и наступала полная тишина.

Это мероприятие было совершенно необходимо. Полярная ночь, мы заметили, накладывала определенный отпечаток на психологическое состояние зимовщиков. У многих появилась апатия, нежелание двигаться, исполнять физическую работу, сонливость и угнетенное настроение. Атмосфера в колонии стала нервной, люди спорили, придирались ко всякому пустяку, к каждой мелочи. Ну чем еще, если не влиянием полярной ночи, можно объяснить долгие и шумные споры на такие нелепые темы: что является первостепенным для человека — сон или его деятельность? какой город лучше — Москва или Ленинград? или наконец что носили драгуны — шашки или сабли?

Доктор Георгиевский, наблюдавший за состоянием и здоровьем своих питомцев, уговаривал: «Ничего, это неизбежно. Люди за долгую зиму уже надоели друг другу. Отсутствие физической работы заставляет переносить накопившуюся энергию в споры. Не волнуйтесь: с первыми лучами солнца эта «нервозус поларикус» пройдет».

И действительно, надоесть мы друг другу могли. На улицу выйти нет сил. Огромными сугробами придавило дверь. По пояс в снегу разгуливать не будешь. Только три раза в сутки выползал метеоролог к своей будке и, обмороженный, застывший, измученный от ходьбы, приползал обратно. В тихие дни мы пробовали расчистить дорожку у окон жилища и тогда по этой 20-метровой аллее совершали недалекие прогулки, любуясь красотой северных сияний.

— Это чудесная, незабываемая картина! — возбуждается П. Я. Илляшевич.— Вы представьте себе темное небо, залитое как бы светом гигантского прожектора. Мигающие — то вспыхивающие, то угасающие — лучи в форме корон, драпри, правильных дуг в хаосе движутся, устремляются куда-то в неизвестность. И вдруг вспыхивает, переливаясь красно-бело-зеленой окраской, огромный венец с исходящими в стороны лучами. На небе — неразбериха, все сверкает, движется, танцует в какой-то газовой оболочке. Мы часами могли, несмотря на отчаянный холод, любоваться дивным видением.

Четыре месяца тянулась полярная ночь.

Регулярно в шесть часов утра раздавался удар гонга, вернее шестипудовой штанги. Это будил дежурный нашего повара. После завтрака мы разбредались по комнатам выполнять очередные работы. В половине второго, по звонку, подавался обед из трех блюд, суп, жаркое, преимущественно, и сладкое — компот или кисель, а по четвергам еще кофе, за которым велись бесконечные разговоры, обсуждение пла-

нов, перспектив и рассказов о жизни на далеком материке. После обеда опять шли на работу, а в семь часов вечера — ужин из двух блюд — суп и жаркое (другое). Чай подавался в любое время, ибо плита, нагревавшая помещение и растапливавшая из снега воду для питья, готовки и мытья, всегда содержалась горячей. На правильное, хорошее и регулярное питание мы обращали особое внимание, ибо считали, что это обеспечит успех зимовки. Позднее, весной, когда прилетели первые птицы, Знахарев из кайр приготовлял великолепные охотничьи котлеты. Печень нерпы считали деликатесом, а медвежью печень не ели — от нее появлялся озноб и жар, ну настоящая инфлуэнца.

По субботам всем хором шли в баню, где мылись сами и стирали белье. Зато перед этим ее приходилось обогревать по три дня. Особенно трудно приходилось с дровами. К уложенным на улице штабелям приходилось рыть настоящие траншеи и выкапывать, вернее выкалывать, их из-под снега.

Из-за трещин в кирпичных печах температура в помещении всю зимовку была ненормальной. Наверху, у потолка,— плюс тридцать градусов, а внизу—нестерпимый холод. Пробковая простилка, гудрон и опилки, напиханные в подполицу, при продолжительных свирепых морозах не могли удержать тепло, и подполье вскоре сделалось приютом собак, пробравшихся туда и поднимавших отчаянные драки. В этих случаях ночью приходилось вставать с постели и стучать ногой об пол, чтобы псы успокоились.

С большим торжеством мы встретили новый год. Побрились, надели галстуки, белые рубашки, впервые вытащили из чемоданов не одевавшиеся с момента отплытия ледокола из Архангельска пиджаки. В кают-компании был накрыт праздничный стол.

Собственно, новый год с одним из нас сыграл плохую шутку: неожиданно заболел гриппом и слег в постель Кренкель. Мы ломали себе голову, как и каким образом сюда, в кристально чистый воздух проникли бактерии. Загадку разгадал доктор. Оказывается, инфекция сохранилась в пиджаке Кренкеля, лежавшем без дела всю зиму на дне чемодана. Как только радист надел костюм, организму, отвыкшему от бактерий, было достаточно ничтожного количества микробов, чтобы заразиться. К счастью, грипп дальше не распространился, и, кроме этого случая, на зимовке не было зарегистрировано ни одного заболевания.

— В тихие темные вечера,— неутомимо продолжает П. Я. Илляшевич,— нашей отрадой, единственным развлече-

нием было радио. Слушали концерты, доклады и, что самое замечательное, своих далеких родных, разговаривавших с нами через микрофон из Ленинграда. Эти незабываемые минуты навсегда останутся у нас в памяти. Ведь подумайте: где-то на севере, во льдах, в жуткую тьму полярной ночи так ясно и близко слышать голос родной матери!

За время зимовки Кренкель сумел завязать связь со всем миром. Переговаривался с Москвой, Ленинградом, Берлином, Парижем, Лондоном, Варшавой, Канадой и с молодым американским радиолюбителем из штата Канзас.

В вахтенном журнале можно найти такие записи:

«Здорово, товарищ Кренкель, хотя мы и не знакомы. Но давайте познакомимся. Я Дойников — Дойников из Маточкина Шара, с Новой Земли».

Так два полярных радиста на далеком Севере завязали знакомство.

Или благодарственная телеграмма от Ленинградской геофизической обсерватории за великолепные метеосводки, или приветствие Общества старых большевиков «мужественному отряду самой северной окраины СССР» с пожеланиями здоровья, бодрости и успеха, или историческая радиограмма, полученная от Фритьофа Нансена в ответ на присланное зимовщиками поздравление по случаю его юбилея: «Сердечное спасибо и наилучшие пожелания. Нансен».

А как-то раз с Кренкелем произошел случай, выдвинувший его в ряды лучших радистов мира. О Кренкеле писали заграничные газеты и журналы, на обложках помещали его смеющуюся физиономию, и вот из-за чего.

Раз, в глухую полночь, Кренкель, договорившись с каким-то иностранцем о времени будущего разговора, уже хотел снять наушники, как вдруг услышал тонкий звук работы радиоаппарата, находившегося, повидимому, где-то очень далеко. Он попробовал к нему пристроиться — удалось. И на далекий осколок материка из туманной дали полетел запрос по-английски:

— На каком языке вы можете объясняться?

Кренкель ответил, что лучше всего на немецком. И тогда до маленькой радиостанции на Земле Франца-Иосифа долетели слова, бомбой разорвавшиеся в комнатах:

— С вами говорит радист полярной экспедиции американца Берда, находящейся у южного полюса. А кто мой собеседник?

— Ваш собеседник—радист правительственной радиостанции на Земле Франца-Иосифа, у северного полюса.

В работе радио произошла заминка. Видимо, оба радиста обалдели от радости. Ведь только подумать: северный полюс говорит с южным! Побит мировой рекорд дальности передачи. Больше часа шла оживленная беседа.

— Сегодня летний день,— сообщал американец,— всего два градуса мороза. Стоит конец лета. Под влиянием солнечных лучей лед оттаивает. Большая облачность препятствовала подъему самолета. Судно экспедиции «Сити оф Нью-Йорк», пройдя берега Новой Зеландии, приближается к кромке льда с целью сменить состав экспедиции. Экспедиция имеет три самолета. Главная база находится на барьере Росса и состоит из 42 человек. Есть много ездовых собак. Недавно возвратилась береговая партия, прошедшая 4 000 километров. Полгода назад прошла полоса 60-градусных морозов...

Утра 25 февраля ждали с болезненным нетерпением: 25 февраля, по вычислениям, в первый раз должно было выглянуть долгожданное солнышко. На крыльце собралась вся колония, обратив свои взоры к востоку. Вскоре появилась бледнорозовая заря, осветившая часа на полтора окрестности, и затем на момент — огненный столб. Но солнца в тот день мы так и не дождались: туман и пасмурная погода скрыли яркое светило в непроницаемой мгле.

— Я даже на скалу Рубини-Рок залез,— говорит П. Я. Илляшевич.— Думал, оттуда лучше увижу. Но тоже напрасно.

И лишь 7 апреля мы наконец-то его дождались. Сначала озарились алым цветом верхушки ледников, затем, играя красками, засверкал Рубини-Рок, и в первый раз за полгода люди увидели свет, настоящий солнечный свет, и яркий, багровый, блуждающий в облаках диск. Это была неописуемая радость, дикий восторг первобытных людей, вылезших из пещеры. Все кругом как-то оживилось, повеселело. Повеселели и люди, поднялось настроение.

«Ну, теперь-то на материк мы вернемся!..»

Куда пропали хандра и уныние! У всех появились свои интересы, заботы. Весеннее солнце было не только яркое, но и теплое, так что Мурову удалось выжечь на подоконнике, при помощи увеличительного стекла, свои инициалы. Это совершенно поразительный случай наличия теплых солнечных лучей где-то у самого полюса. Проф. Визе подтверждает, что во время похода Седова они зажгли папиросу при помощи фотообъектива.

Последние дни перед приходом «Седова» буквально считали по пальцам. Когда же наконец появится его стальной

форштевень в Британском канале, а с ним и новые люди?

— Ну, вот и все,— внезапно оборвав, закончил П. Я. Иляшевич.— Зимовкой мы все очень довольны; здоровы, правда, чувствуем некоторую усталость. Но мы счастливы сознавать, что наша работа полезна стране, для которой каждый из нас готов отдать свою жизнь.

по островам архипелага

Строительство нового помещения радиостанции приходит к концу. Воздвигнуты стены, вставлены окна; остается лишь внутренняя отделка, оборудование и настилка крыши. Быстро на фоне угрюмых скал растет маленький домик. Стучат топоры, в исступлении визжат пилы. Архангельские строители, как мухи, облепили постройку, лазят по стропилам и возятся внизу с фундаментом. Работают все — от начальника экспедиции, подавшего первый пример, до машиниста, только что закончившего очередную вахту. Огромные запасы продовольствия уже перевезены в колонию.

А пока на берегу кипела работа, наши ученые использовали время для производства целого ряда научных работ, имеющих международное значение. Круглые сутки с ледокола отплывают шлюпки и моторки с экскурсантами для обследования близлежащих островов и составления богатых коллекций лишаев и мхов, особенно распространенных на Земле Франца-Иосифа.

Впервые нами был определен астрономический пункт острова Гуккера, который явится основой будущей точной карты Земли Франца-Иосифа. Физик Ремизов изучает солнечное излучение, чрезвычайно богатое ультрафиолетовыми лучами. В области изучения солнечного спектра в целом ряде вопросов мы стоим впереди европейских стран. Одной из деталей изучения солнечного климата является изучение спектрального состава солнечного луча в зависимости от широты места. Здесь связаны теоретические вопросы о составе, строении и чистоте атмосферы. С другой стороны, изучение спектрального состава имеет и биологическое значение, ибо жизненные процессы протекают в зависимости от количества ультрафиолетовых лучей солнечного спектра.

В этом году одновременно в Мурманске, Слуцке и здесь, на Земле Франца-Иосифа, на различных широтах ведутся спектральные исследования солнечного луча с целью выяснить распределение ультрафиолета по широтам. Главной частью атмосферы, поглощающей ультрафиолет, является

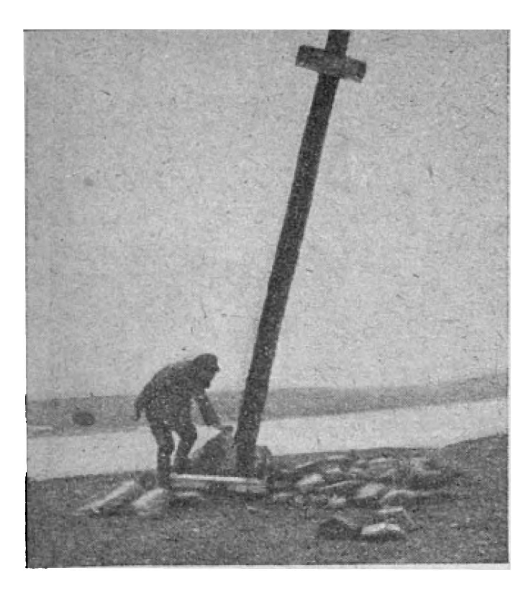
Выкидываем деревянные шары для изучения морских течений

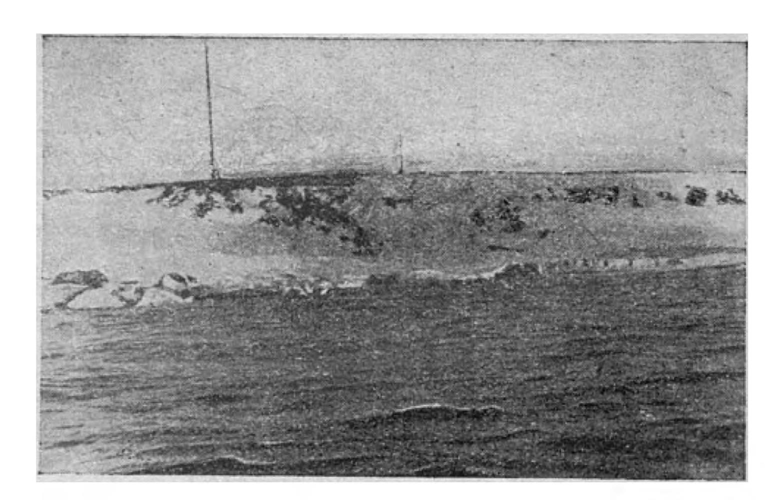
Медведя убили

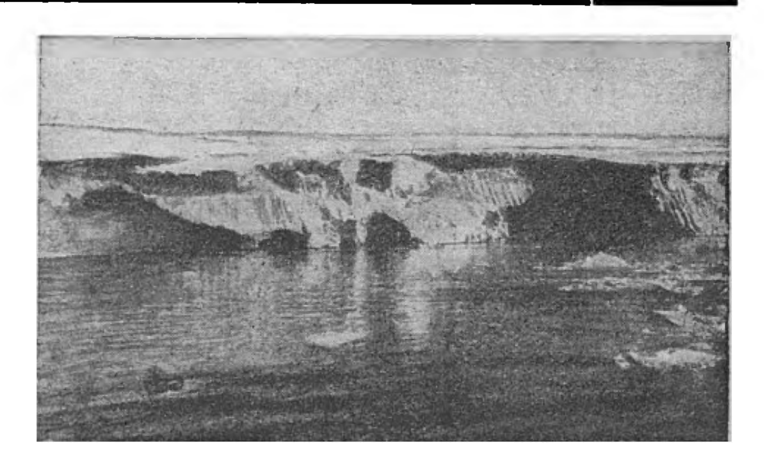
О. Ю. Шмидт и Г. А. Ушаков около убитого морского зайца

Поморский крест в Русской гавани, поставленный в XVIII столетии

Мачты радиостанции на Северной Земле

Гигантский глетчер, спадающий в море

озон. Поэтому результаты исследований физика Ремизова позволят определить солнечный климат Арктики. Уже сейчас выяснилось, что на Земле Франца-Иосифа ультрафиолетовых лучей гораздо больше, чем на севере РСФСР. Здесь воздух чище и больше пропускает лучей.

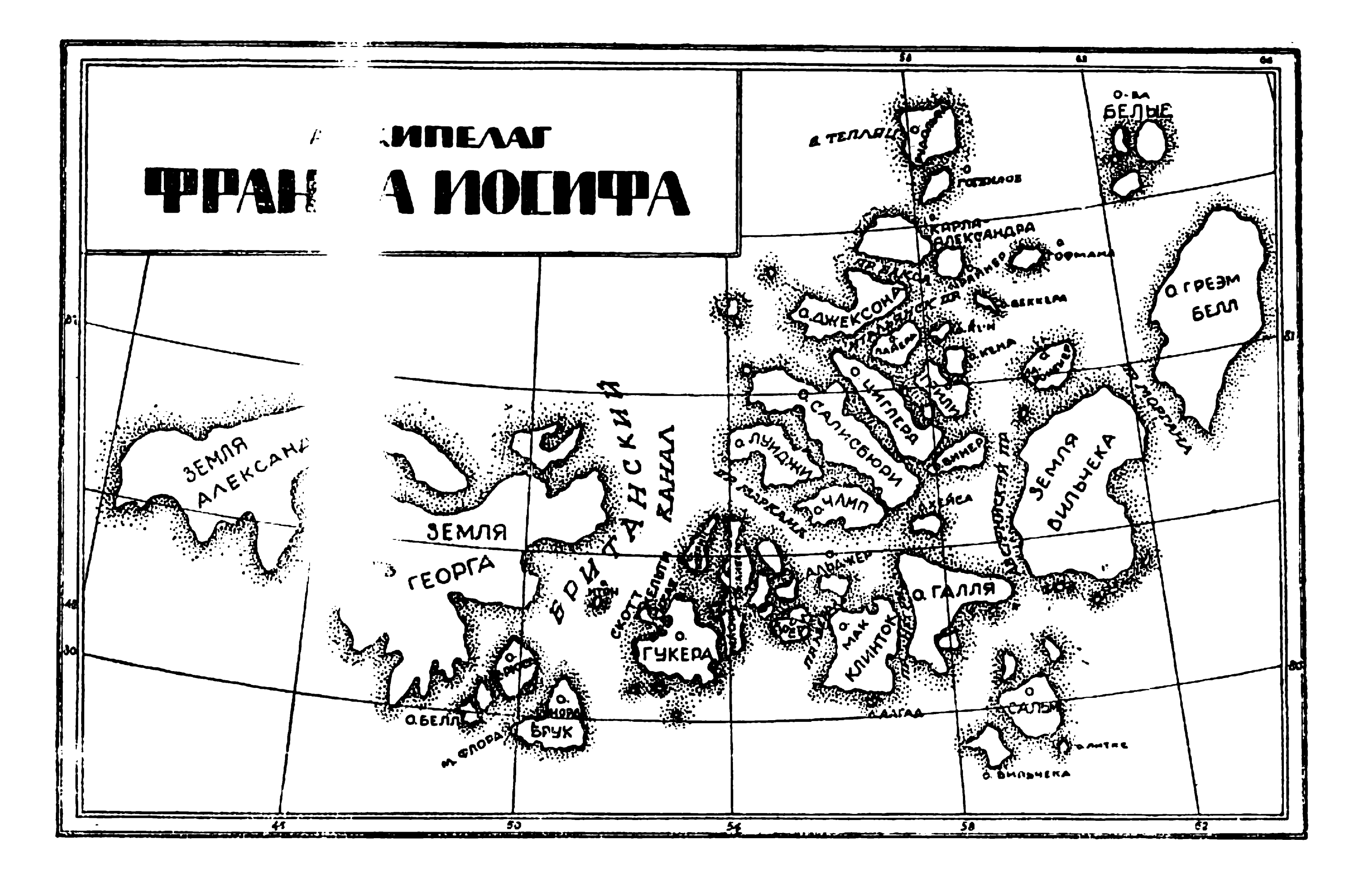
— Старая школа, — говорит Ремизов, — утверждала, что на севере ультрафиолета нет совершенно. Но сейчас мы впервые доказали, что он не только есть, но его значительно больше, чем в Европе.

О результатах больших геологических разведок Р. Л. Самойлович сообщил следующие интересные данные:

— Несмотря на сравнительную простоту геологического строения Земли Франца-Иосифа, наибольшая трудность в исследовании заключалась в том, чтобы правильно определить взаимоотношения вулканических пород и подстилающих их отложений. Трудность усугублялась еще тем, что девять десятых всех островов покрыты льдом. Нам удалось открыть коренные породы, характеризующие геостроение Земли Франца-Иосифа,— древние песчано-глинистые отложения, относящиеся к юрскому периоду. Была обнаружена ископаемая фауна, подтверждающая возраст этих отложений,— головоногие моллюски, аммониты, белемниты и т. д. Над глинистой толщей залегают мощные вулканические туфы с остатками окаменелых растений, которые, в свою очередь, перекрываются базальтовой лавой.

Миллионы лет тому назад Земля Франца-Иосифа конечно была совершенно свободной ото льда. В конце же юрского периода несколько раз происходили чрезвычайно сильные вулканические извержения; весь архипелаг был залит лавой. Климат в то вермя был субтропический, примерно такой, какой сейчас в Японии. Об этом говорят найденные окаменелые отпечатки растительности из семейства папоротниковых. В ледниковый период Земля Франца-Иосифа оказалась покрытой мощными глетчерами. В настоящее же время оледенение архипелага уменьшается, и Земля Франца-Иосифа как бы растет, повышается над уровнем моря.

На мысе, названном именем известного литовского художника Чурляниса, на высоте 150 метров от уровня моря, мы обнаружили несколько интересных видов пауков, мух и комаров, по внешнему виду весьма схожих с теми, что имеются у нас на материке. Надо сказать, что это — первые насекомые, зарегистрированные человеком на Земле Франца-Иосифа. Найдено несколько видов мха, не встречающихся у нас на крайнем севере, а также до ста видов паразитических

ФРАН А ИОСИФА
О-ВА БЕЛЫЕ
О. ГРЕЭМ БЕЛЛ
О. КАРЛА АЛЕКСАНДРА
О. ДЖЕКСОНА
О. ЦИГЛЕРА
О. САЛИСБЮРИ
О. ЛУИДЖИ
О. ЧАМП
ЗЕМЛЯ ВИЛЬЧЕКА
ЗЕМЛЯ АЛЕКСАНД
ЗЕМЛЯ
ГЕОРГА
БРИТАНСКИЙ КАНАЛ
О. ГУКЕРА
О. ГАЛЛЯ
О. МАК КЛИНТОК
О. САЛЬМ
О. БЕЛЛ
БРУК
М. ФЛОРА
О. ВИЛЬЧЕКА
СКОТТ
АЛЬДЖЕР
АХ-ЙСА

грибков. Все это говорит о том, что весна и лето здесь очень коротки и не дают возможности вызревать высшим растениям. Вызревают лишь те, что размножаются путем почкования или спор. Из древесных пород впервые на этой широте найдена полярная береза, находящаяся в более угнетенном состоянии, чем на Новой Земле или Шпицбергене.

Под руководством молодого ученого, А. Ф. Лактионова, была проведена интереснейшая экскурсия на глетчер с целью добывания льда из трещин различных глубин. В огромную извилистую расщелину на глубину 15 метров был спущен на канате вооруженный походным топориком опытный альпинист О. Ю. Шмидт. В течение двух часов, видя над собою лишь узкую полоску света, он находился в весьма низкой температуре, с трудом откалывая крепкие, смерзшиеся куски льда, которые затем подавались наверх при помощи ведра на веревке. Вся эта операция производилась с большим риском для нашего уважаемого полярного вождя, ибо достаточно было протереться канату о край трещины или ослабнуть «подъемной машине» — трем остальным участникам экскурсии, как неминуемо последовала бы катастрофа, последствия которой были бы совершенно определенны. На поверхности ледника А. Ф. Лактионов открыл походную лабораторию, где производилось определение удельного веса льда. Вся дальнейшая обработка материала, представляющего большой научный интерес, будет закончена в Ленинграде, по окончании экспедиции.

Р. Л. Самойлович с группой совершил экскурсию в долину Молчания. На небольшой шлюпке мы подъехали к двум грядам темных гор с расположенной посредине долиной. Огромное мрачное ущелье с большими нависшими темными скалами. Посредине поросшей мхом, заваленной глыбами камней долины, звонко журча, несется горный ручей, который берет начало в больших ледниках, низко спускающихся к самому ущелью. Во время обхода долины мы обнаружили большое количество кусков, даже толстых стволов окаменелых деревьев, которые когда-то росли на окружащих ее холмах и склонах. Это была находка огромной ценности, ибо давала возможность судить о доисторической растительности и климате Земли Франца-Иосифа.

После долгого отсутствия на ледокол возвратилась группа участников экспедиции во главе с О. Ю. Шмидтом и начальником Земли Северной — Г. А. Ушаковым, ездившая на шлюпке в пролив Мелениуса на охоту на крупного зверя. Километрах в семи от станции они неожиданно встретили

нарвалов, ходивших вдоль кромки льда. Вначале участники даже не поняли, что это за звери, и приняли нарвалов за касаток, моржей и тюленей. Пребывание этих животных в водах Земли Франца-Иосифа еще никем не было отмечено. Лишь Нансен видел их гораздо севернее архипелага. (Нарвал — из породы китов, обитатель самых северных полярных морей — чаще всего встречается у берегов Гренландии).

Заметив людей, нарвалы не прекратили своего кругового брачного плавания, часто показывая на поверхности воды голову, вооруженную длинным острым бивнем-штыком величиной до трех метров, и широкую мокрую спину. Беспрерывно кувыркаясь, они высовывали на момент свое огромное (до семи метров) тело на воздух, громко дыша и сопя. Молодые нарвалы были бурого цвета, а взрослые светлосерого с блестящим белым брюхом. Охотники, не зная убойного места, долго не могли подбить ни одного животного, но под конец промышленник Журавлев, стоя на льдине, подстрелил крупного нарвала, который, перевернувшись кверху брюхом, несколько минут плавал на поверхности воды. Шлюпка в это время была далеко, и огромная туша, к великому горю охотников, медленно погрузилась в воду и затонула. Во время поездки участники видели во льдах пролива Мелениуса до 150 нерп и много медвежьих следов: видимо, звери охотно посещают эти места.

Мы сидим на спардеке, покуриваем трубки и вспоминаем пережитое в прошлогоднюю экспедицию.

Не дожидаясь окончания постройки главного здания радиостанции, высадив на берег 16 архангельских плотников, «Седов» отправился на север и установил блестящий мировой рекорд для свободно плавающих, не несомых безвольно льдами судов в европейско-азиатском секторе. «Седов» достиг небывалой широты — 82°14'.

Но на обратном пути к колонии он встретил совершенно непроходимый лед. Три дня настойчиво боролся «Седов» со льдами, три дня его стальной таран дробил и крошил в куски гигантские ледяные глыбы. Но внезапная сдвижка толстых слоев льда не давала возможности пробраться к бухте Тихой. В Арктике погода меняется с капризной быстротой. Всего неделю назад, когда мы уходили от Земли Франца-Иосифа, взяв направление на полюс, были хорошие, ясные дни. Ледокол легко лавировал в ледяной пустыне, в толстом, но изобиловавшем широкими разводьями льде. Теперь же картина

резко изменилась. Напрасно В. И. Воронин, напрягая зрение, всматривался в закрытый туманом горизонт, тщетно пытаясь разглядеть столь желанные темные прорехи. Их нет. Кругом белый саван тяжелого снега.

А земля как будто бы близка. Далеко за изломами торосов уже наметилась неясная, мигающая в разливе тумана черная полоса. Подойти к ней нет возможности. Освободившийся от груза ледокол уже не в состоянии с прежней легкостью продвигаться вперед. Толстые стены льда становятся для него непреодолимым препятствием. К вечеру совершенно измотавшийся, не отдыхавший уже несколько суток капитан, потупивши глаза, сумрачно заявил О. Ю. Шмидту:

— Отто Юльевич, дальше итти нет сил. Бесполезно пускать в воздух последние остатки драгоценного угля. Лед не позволяет судну подойти к колонии. Вы видите, — как бы оправдываясь, добавляет он, — мы делаем все возможное, а результата — никакого. Положим, колонисты уже высажены на берег, выгружены огромные (трехгодичные) запасы продовольствия, топлива и дома уже заканчиваются постройкой. Но радио еще не работает. А ведь одной из основных целей нашего похода как раз и является сооружение радиостанции. А одиннадцать архангельских плотников, оставленных нами на берегу? Разве мы в праве их бросить на долгую зимовку? И наконец не является ли нашей прямой обязанностью принять все меры к доставлению их на борт «Седова»?

В кают-компании, где происходил этот разговор, сделалось жутко тихо. Действительно, что делать?

Внезапно нервно разглаживавший бороду О. Ю. Шмидт выпрямился, окинул всех быстрым взглядом немигающих глаз и четко бросил:

— Я начальник правительственной экспедиции. Я не могу бросить доверенных мне людей на произвол судьбы. Я не уйду от Земли Франца-Иосифа до тех пор, пока сам не увижу, что радиостанция отстроена, что колонисты находятся в тепле. Я не дам сигнала к отходу до тех пор, пока не заберу с собой наших строителей. Поэтому сегодня вечером я отправляюсь пешком к острову, и вместе со мной пойдут географ Иванов и Громов. Понятно? Надеюсь, товарищи не откажутся отправиться со мною в этот рискованный путь?

Конечно мы оба с радостью принимаем это почетное для нас предложение. Но тут поднимается шум. Нас уговаривают отказаться от этой дерзкой затеи, заявляют, что авось льды раздвинет и мы сможем пробраться вперед, что дорога к Земле будет не из легких и т. д. Но Отто Юльевич со всей

решительностью возражает. К тому же абсолютно нет никаких оснований рассчитывать на перемену ледяных условий, ибо три дня упорного труда достаточно ясно показали, что полярная зима уже вступает в свои законные права. Единственно, чего смог добиться капитан, это чтобы мы взяли себе в спутники опытного матроса.

В девять часов вечера вся экспедиция нас провожала на лед. Под напутственные пожелания мы спустились по узкому шторм-трапу вниз. С борта подали маленький брезентовый каяк (лодочку) на случай встречи с большими разводьями, легкие самоедские нарты для перевозки, два заплечных мешка с продовольствием, складную палатку и винтовку.

— Я думаю, — кричит нам сверху В. Ю. Визе, — при благоприятных условиях через четыре часа вы будете на берегу!

Тронулись в путь, взяв направление на отчетливо видимый издали резкий излом скалы Рубини-Рок. Сменяясь, по-двое тянем нагруженные продовольствием и лодкой нарты. Ровная вначале дорога, с крепким, упругим настом, который не давал ногам проваливаться в снег, неожиданно сменилась высокими обрывистыми нагромождениями торосов. Вот только тут мы на своей шкуре почувствовали, что значит передвигаться в ледяной пустыне. Мокрые от пота, который обильно стекает с лица на теплые шерстяные фуфайки, с трудом волочим тяжелые сани, поминутно цепляющиеся за острые углы ледяных громад. А тут еще, к несчастью, лопнули постромки у нарт и сломался один из деревянных полозьев — лыж.

По правде сказать, у меня тут же явилась мысль плюнуть на нарты и каяк и двинуться к Земле без них. Но О. Ю. Шмидт заявил решительный протест, указывая на зияющие впереди темные раны огромных полыней. Тогда матросу пришлось продемонстрировать свое мастерство. Быстро и ловко специальными морскими узлами он кое-как закрепил поломанные части, и мы тронулись дальше.

Оглядываемся назад. Среди необозримого белоснежного покрывала чернеют уже начинающие скрываться в тумане контуры ледокола и чья-то маленькая, едва видимая фигурка, следящая за нами в бинокль с высоты капитанского мостика. У первого разводья, шириной в несколько полноводных рек, решаем разделиться на две партии, ибо утлый, неустойчивый каяк едва вмещает двоих, осаживаясь в воду до самых бортов. Уславливаемся, что О. Ю. Шмидт и матрос попробуют перебраться на лодке, а Иванов и я рискнем пойти в обход и встретимся с ними на другой стороне полыньи.

Прыгая по разрозненным льдинам, зачастую опускающимся под тяжестью тела, поминутно шлепаясь в студеную воду, пробираемся мы в ледяном хаосе, в беспорядочном нагромождении гигантских льдин и темносиних глянцевых айсбергов.

Вначале страшными казались эти рискованные пируэты в воздухе, когда нам приходилось перемахивать с одной льдины на другую; главное, заранее знаешь, что эта новая льдинка настолько мала, что обязательно уйдет в воду и ты вместе с ней. Но потом делали это быстро и решительно, не давая льдинам возможности сильно уходить в воду, а под конец до того «обнаглели», что ухитрялись переплывать широкие полыньи на крошечных ледяных осколках. Залезем на такой островок, оттолкнемся палками от большой льдины и плывем к другой, более надежной. Этот способ навигации весьма удобен, хотя и рискован, ибо в любой момент льдина грозит перевернуться, и тогда — холодная полярная ванна.

На другом берегу разводья мы встретились со второй группой. Оказывается, они с трудом переправились через полынью, ибо поднявшийся сильный ветер все время гнал легкий каяк в обратном направлении.

Снова пробираемся в торосах. Снова тащим тяжелые, намокшие сани и шлюпку. Вот уже десятый час, как мы честно вышагиваем, а к берегу, кажется, и не приближаемся; чувствуем, что все наши усилия быстро дрейфующий лед сводит к нулю, неуклонно отбрасывая нас на запад.

Вы представляете себе наш ужас, когда мы поняли, что наши старания ни к чему! Усталые, измученные, идем вперед, а лед тащит нас в сторону от узенькой полоски земли, к которой мы так стремимся. Вот когда мне вспомнились рассказы полярного исследователя Альбанова, пешком добиравшегося с затертого льдами корабля к Земле Франца-Иосифа. Альбанов писал:

«Сегодня у нас счастливый день: за сутки нам удалось пройти пять километров...»

Теперь мне это совсем не кажется странным. Пять километров — по ледяным отвесным торосам, в обход больших полыней, с бесчисленными поворотами в поисках подходящего пути, с частыми возвращениями назад — вытягиваются в длинную, многозначную цифру, пропитанную тяжелым потом, адским трудом и усилиями. Нестерпимо хочется пить. Горло делается сухим, ненасытным. Сколько ни грызешь блестящие кристаллы льда, жажда не унимается. Утро—собственно, этот термин в Арктике не совсем правилен, ибо всю ночь све-

тило яркое солнце, — застало нас все еще на полпути. Итти вперед нет сил. Хочется хоть полчаса, но отдохнуть. Останавливаемся, быстро раскидываем тонкую парусину удобной, вместительной палатки и с наслаждением уплетаем застывшие консервы. Но неугомонный Отто Юльевич уже торопит:

— Скорее в путь! До земли еще далеко...

Я поражаюсь его исключительной энергии и выносливости. В моменты, когда мы падали от усталости, он находил в себе еще остатки юмора, чтобы ловко и незаметно подбодрить, поднять настроение. Только здесь, в исключительных условиях сурового Севера, мы достойно сумели оценить это прекрасное качество.

Твердый наст, по паркету которого было так легко скользить, уже давно кончился. Ноги утопают в рыхлой крупе снега. Арктика заставляет нас быть акробатами. Приходится делать самые смелые прыжки, карабкаться по торосам и все время тянуть, тянуть тяжелые, окончательно доломавшиеся сани. Ноги отказываются повиноваться. Намокшая фуфайка прилипла к телу. Глаза слипаются. На плече — красный рубец, намятый веревкой от саней. Мучительно долго тянется время, а берег, кажется, совсем не становится ближе. Подходим к сплошному разводью. По очереди переправляемся на какую-нибудь льдину, оттуда на другую — и так далее. Но самое ужасное — это то, что, пока перевезут одного, пока лодка возвращается обратно, вся остальная группа оказывается уже далеко в стороне. А когда подбирают последнего из нас, то за ним приходится ехать уже добрую пару километров.

Медлить нельзя. Из последних сил пробираемся к земле, ибо чувствуем, что ветер приложил все старания к тому, чтобы вынести лед, а вместе с ним и нас, в открытый океан. Перспектива оказаться в положении группы Нобиле, с двухдневным запасом продуктов и одной обоймой патронов, никого не устраивает.

И вот, когда мы уже были на расстоянии одного километра от земли, от серых мрачных скал, на которые смотрели с какой-то жадностью, на наши усталые головы свалились сразу два несчастья: во-первых, легкая брезентовая шлюпка, напоровшись на льдину, получила пробоину, и, во-вторых, поднялись большие волны.

Судорожно гребем к острову Мертвого Тюленя. Волны перехлестывают через борт. Маленькой кружкой откачиваем воду, замечая, что ее отнюдь не становится меньше. Неустойчивый каяк бросает как щепку, относит течением в сторону.

Лавируя между движущимися гигантами-айсбергами, с огромным трудом добираемся до каменистой отмели маленького островка.

Я остаюсь ждать товарищей, а географ Иванов отправляется за остальными. Вылезаю на пригорок, с отчаянием топчусь застывшими ногами и слежу за изломами торосов, которые скрыли моих спутников. Сижу час, другой, третий — их все нет. В голову лезут самые невероятные, самые злые предположения. Неужели они не успели пробраться к земле и их вынесло в открытый океан? Что же тогда будет? Ведь искать, хотя бы на ледоколе, в необозримой ледяной пустыне, в нагромождении гигантских торосов, где люди кажутся жалкими пигмеями, — дело безнадежное, а самое ужасное — то, что они сидят без винтовки, которая находится со мной, а я — без куска хлеба, ибо все продовольствие в лодке. Что делать? Пытаться итти к колонии или еще подождать?

Решаюсь на последнее. Полдня я просидел в строгой изоляции, совершенно застыв на диком ветру; полдня, как сумасшедший, носился по острову в надежде заметить их хоть с какой-нибудь стороны. Лишь к ночи удалось мне обнаружить товарищей на соседнем острове — Скотт-Кельти. Три выстрела в воздух заставили обратить внимание в мою сторону. Мне ответили сигнализацией, и вскоре, перевезенный на шлюпке, я радостно приветствовал моих пропавших друзей.

— Ну, — говорит О. Ю. Шмидт, — как нам удалось добраться до берега — это чудо. Льдами нас унесло далеко в сторону, и с большим трудом, перескакивая через полыньи, мы успели зацепиться за последний мыс островка. Еще десять минут — и мы попали бы в открытый океан...

Двадцать восемь часов беспрерывной ходьбы нас окончательно доломали. Решаем дальше не итти, ибо это было бы все равно бесполезно. В колонию пройти нельзя, так как бухта, отделяющая нас от другого берега, покрылась тонким слоем нового льда, по которому нам не пройти, а брезентовой лодочке его не проломить.

Уже в сумерках в густом тумане и начавшемся снежном буране раскинули палатку, с радостью залезли внутрь, чтобы погреть застывшее тело глотком чистого спирта и моментально заснуть непробудным сном окончательно обессилевших людей.

Вдруг сквозь сон и завывание ветра отчетливо послышался где-то совсем рядом протяжный, стонущий хрип знакомого гудка. Мы вскочили на ноги и, не веря ушам, бросились к мысу. Ничего не видно: густой туман и вьюга уничтожили

горизонт. Снова сигналы. Ясно: нас ищут. Неужели не увидят, пройдут мимо? Случайно глаз ловит корабельные мачты. Гулкие выстрелы, с силой отброшенные скалами в море, заставили «Седова» остановиться и выслать шлюпку. Как приятно сидеть за стаканом горячего чая, чувствовать себя в безопасности, в тепле, пожимать руки друзей, слушать о том, как они тревожились, потеряв нас из виду, а пробравшись к колонии и узнав, что мы еще не приходили, так и решили, что нас унесло в открытое море. Вся команда ходила подавленная. Капитан был чернее тучи.

— Поздравляю, — сурово бросил он нам, — вы были на пороге смерти.

В кают-компании, где идет этот разговор, могильная тишина. Многие из нас вторично переживают тяжелый поход и лишения.

на экране—история

Земля Франца-Иосифа тесно связана с именем энтузиаста-исследователя Георгия Яковлевича Седова.

В старое царское время, не имея ни от кого поддержки своим исканиям, мыслям, он душою болел о далеком Севере, о неведомой, таинственной далекой стране. Много прекрасных идей Г. Я. Седов не смог претворить в действительность: смерть, тяжелая и мучительная, настигла его там, куда он всю жизнь стремился, куда были направлены все его помыслы.

В 1877 году в рыбацкой семье, на Азовском море, родился Г. Я. С большим трудом добывая себе средства на пропитание, он окончил мореходные классы и получил диплом штурмана дальнего плавания. Но достигнутый успех не удовлетворяет ненасытную, вечно в исканиях натуру юноши. Несмотря на большие трудности, он блестяще выдерживает экзамен и поступает в морской корпус, куда обычно принимали только дворян. Уже этот факт с достаточной убедительностью говорит о выдающихся способностях Г. Я., сумевшего своим талантом и пролетарской настойчивостью преодолеть классовые перегородки.

В 1901 году Г. Я. Седов получает чин поручика по адмиралтейству и прикомандировывается к Главному гидрографическому управлению. Итак, первый, самый трудный, этап, от рыбака до научного работника, пройден. Теперь он мог себя целиком посвятить Северу — области, которая его всегда привлекала, тянула к себе, как магнит. В 1903 году Г. Я. рабо-

тает уже гидрографом в Баренцовом море, в 1909 году начальником гидрографической экспедиции в устье реки Колымы, а в 1910 году — на Новой Земле.

В 1912 году Г. Я. выдвигает свой знаменитый проект экспедиции к северному полюсу, преследуя цель не спортивную, а научную. Как проектировал Г. Я., экспедиция на специально приспособленном судне должна была добраться до северной оконечности Земли Франца-Иосифа, откуда бы отправилась санная партия пешком к полюсу.

Но замечательное предложение молодого ученого встретило резкий отпор военно-морской клики, не любившей Г. Я. Седова за его пролетарское происхождение. В результате правительство отказало в субсидии. Как оценили это гнусное постановление правительства, видно из того, что даже буржуазная печать обязалась нужную сумму денег собрать путем добровольных пожертвований. Вокруг сбора разгорелась политическая борьба между различными группами, старавшимися помешать организации экспедиции и делавшими на этом политическую карьеру. В результате удалось собрать всего 108 тысяч рублей — средства, явно недостаточные для организации длительного похода в Арктику.

И все же это препятствие не остановило Седова. Урезывая снаряжение во вред благополучию будущего похода, он все же организовал экспедицию, снарядил старое зверобойное судно «Св. Фока» и в августе 1912 года вышел в море. Но добраться в тот год до Земли Франца-Иосифа ему так и не удалось. Из-за тяжелых льдов судно оказалось затертым у северо-западных берегов Новой Земли, где и прозимовало. Лишь через год, с наступлением весны, «Св. Фока» высвободился из льдов и отправился дальше к намеченной цели. Надо сказать, что к этому времени топливо на судне было на исходе; поэтому на пути к Земле Франца-Иосифа в топки котлов «Фоки» летели разрубленные перила, обшивки корабля и добытое за зиму медвежье и тюленье сало.

С огромными трудностями добрался Г. Я. до Земли Франца-Иосифа, где предстояло провести вторую зиму. Тяжелые условия, холод, недостаток питания пагубно отразились на здоровье энтузиаста-исследователя: Г. Я. заболел цынгой. А впереди был санный поход к полюсу, в котором он был непременным участником. Трудно было представить, как отправится совершенно больной, расслабленный, с ноющими ногами Седов в поход. Но все же он пошел, хотя и сам великолепно сознавал всю опасность своего предприятия. Еще за

два месяца до ухода с судна он сказал участвовавшему в экспедиции В. Ю. Визе:

— Это безумная попытка, но тем не менее я ни за что не откажусь от нее, пока не выйдет последний сухарь.

Даже на дружественную записку участника экспедиции, Н. В. Пинегина, в которой тот умолял отложить поход, Г. Я. ответил:

«Если я болен сейчас, то в пути поправлюсь. Нет лучшего врача, как природа, — она исцелит».

Вот как описывает В. Ю. Визе все то, что произошло в дальнейшем:

— Выход был назначен на 15 февраля, за десять дней до восхода солнца. На льду бухты уже стояли в полной готовности две нарты, в каждую из которых было запряжено двенадцать собак. Это были все уцелевшие к тому времени собаки из восьмидесяти, которые имелись в экспедиции по выходе из Архангельска. Осмотрев нарты, Седов созвал в кают-компанию весь состав экспедиции и стал прощаться. Он был бледен; губы его были крепко сжаты. В глазах светилась непоколебимая воля. Долго он не мог начать свою речь; наконец, овладев собою, произнес:

«Я говорю вам не «прощайте», а «до свидания»...

Но тут сил больше нехватило, и больной разрыдался. В первый и последний раз я видел на глазах этого человека с железной волей слезы.

Через несколько часов нарты Седова и его спутников, матросов Линника и Пустошного, скрылись в полярных сумерках. Что один из них был обречен, это я знал. Проводив полюсную партию, с тяжелым чувством побрел я на лыжах к стоявшему в бухте Тихой судну.

19 марта мы узнали о последнем акте этой трагедии. Утром штурман Сахаров отправился к полынье стрелять птиц, но сейчас же прибежал в кают-компанию: «Наши идут! Георгий Яковлевич вернулся».

Надев шапку, я выбежал на палубу. Кто-то рядом со мною заметил:

«Только двое идут».

Я сейчас же понял, что неизбежное случилось: Г. Я. нет в живых. Линник и Пустошный имели очень изнуренный вид; оба жаловались на тяжесть в груди, страдали одышкой, кровотечением из носа и горла. Они передали нам подробности тяжелого похода.

Путь полюсной партии лежал по восточной стороне Бри-

танского канала, к северу. Уже в первые дни Г. Я. Седов мог проходить только небольшие расстояния, так как у него сильно болели опухшие от цынги ноги. Вскоре к этому прибавилась боль в груди, которая становилась особенно мучительной при сильных ветрах. На седьмой день по выходе с судна Г. Я. уже вовсе не мог итти и был вынужден сесть на нарту. Линник и Пустошный все время убеждали его вернуться, но он не желал и слышать об этом. «Улыбнется и махнет рукой», рассказывал Линник. Г. Я. Седов большие надежды возлагал на бухту Теплиц, где думал подкрепиться оставленными там итальянцами и американцами продовольственными запасами и отдохнуть.

«В Теплице я в пять дней поправлюсь», не переставал он повторять.

28 февраля путники дошли до какого-то пролива, где их остановила большая полынья. Судя по описанию матросов, это был пролив Неймайера, к северу от Земли Карла-Александра. К этому времени Г. Я. Седов уже часто терял сознание. Однако, лежа привязанный к картам, он крепко держал в руке компас и время от времени поглядывал на него, опасаясь, что матросы повезут его на юг. Только убедившись в том, что направление магнитной стрелки — на норд — совпадает с движением нарты, он успокаивался и впадал в забытье. Всю безнадежность своего предприятия он все же сознавал вполне ясно и временами шептал про себя:

«Эх, эх, все пропало, все пропало...»

Чтобы добраться до бухты Теплиц, которая уже виднелась впереди, пришлось сделать большой обход на восток, кругом полыньи. Но до этого острова Г. Я. Седову уже не суждено было дойти. Он стал жаловаться на невыносимый холод и просил спутников стать лагерем. Это было 2 марта, когда Г. Я. уже настолько плохо себя чувствовал, что перестал вести дневник. Последняя запись в нем была сделана накануне.

1 марта разбили палатку, до которой Г. Я. Седов едва добрался на четвереньках. После того как матросы натерли ему ноги — на них уже появились цынготные пятна, — Г. Я. приказал везти его дальше. Линник пошел впереди, а нарту с начальником вел сзади Пустошный. На одном повороте Г. Я. Седов, лежавший на нарте в мешке, свалился с нее и упал на снег. Только тогда, когда матросы уже стали раскидывать палатку, он спросил:

«Линник, почему нарта стоит на месте, а не движется вперед?»

На следующий день неистовствовала буря. Г. Я. стало совсем плохо. Чтобы как-нибудь облегчить его страдания, матросы обсыпали палатку снегом, внутри же все время горел примус. Пустошный тоже был болен; из горла и носа у него шла кровь. Несколько раз он падал в обморок. Жестокий шторм продолжался три дня. Нарты занесло снегом, и, чтобы достать керосин, приходилось долго раскапывать его. Замерзли две собаки. Голова Г. Я. почти все время лежала на коленях матросов, которые около его груди держали горящий примус.

5 марта в 2 часа 40 минут Г. Я. Седов скончался. Последние его слова были: «Линник, Линник, поддержи!» Но эту просьбу челевека, который никогда не просил, а всего добивался сам, исполнить уже было нельзя. Линник и Пустошный минут пятнадцать стояли на коленях и молча глядели друг на друга. Затем Линник взял носовой платок и покрыл им лицо начальника. Первый раз в жизни они не знали, что предпринять, и дрожали от необъяснимого страха.

Посоветовавшись, матросы решили пойти в бухту Теплиц и пополнить свои продовольственные запасы, а главное, взять керосину. Тело Г. Я. Седова они хотели везти на судно, но буря еще свирепствовала, и о том, чтобы покинуть стоянку, не могло быть и речи. Целую ночь матросы продрогли с телом умершего. Примус уже не горел, так как запасы керосина приходили к концу. Только на четвертый день ветер затих. Когда матросы вышли из палатки, они обнаружили еще одну околевшую собаку. Увязав нарты и положив на одну из них тело начальника, они двинулись к бухте Теплиц. Но здесь их ждало разочарование: к западному берегу острова вплотную подходила открытая вода, преграждавшая путь. Итти же по леднику матросы не рискнули.

От мысли везти тело Г. Я. на судно пришлось отказаться. Г. Я. Седов был похоронен тут же на острове, в меховой одежде. Гроб ему заменил брезентовый мешок. Над небольшой кучей камней, наваленных на тело, был установлен крест из лыж, а рядом положен флаг, который Г. Я. хотел водрузить на полюсе. Около могилы была оставлена нарта, на которой покойный сделал свой последний путь к северу. Судя по описанию матросов, Г. Я. Седов похоронен на мысе Бророк острова Рудольфа. Обратный путь в бухту Тихую был чрезвычайно труден. Сильнейшие вьюги мешали матросам ориентироваться среди многочисленных островов архипелага, и они часто сбивались с пути. Собаки, изнуренные скудным питанием и холодом, стали падать. Очень страдали

от холода и матросы, так как им приходилось беречь керосин и на стоянках они не имели возможности отогреться. В отсыревшем спальном мешке долго они не могли заснуть и лежали, лязгая от холода зубами. На шестой день пути иссякли последние капли керосина, и матросы уже не могли согревать себе пищу. Для питья пользовались снегом, который оттаивали в кружке, держа ее в руках и дыша на нее.

«Мало горя видел тот, — вспоминает Линник в своем дневнике, — кто не сидел в палатке на льду и в полузамерзшем спальном мешке не дрожал с кружкой холодной воды в руках».

До судна матросы все же дотащились. Благодаря охоте на птиц свежее мясо имелось в изобилии, и здоровье матросов стало быстро поправляться.

Надо было спешить к материку, но топливом судно уже не располагало. Тогда решили пройти на мыс Флору, где когда-то путешественник Джексон поставил большой деревянный дом. Джексоновского дома хватило, правда, не надолго, но зато на берегу «Фока» обнаружил двух человек. Это были штурман Альбанов и его спутник, матрос Конрад, с погибшего во льдах по дороге к полюсу судна «Анна».

«Фока» вернулся в Архангельск в 1914 году. Возвращение экспедиции и трагическая смерть ее начальника из-за начавшейся империалистической войны прошли почти незаметно. Пожалел только по-своему морской министр Григорович. Этот чинуша, узнав о смерти Седова, сказал: «Жаль, что он умер: я бы его посадил в тюрьму». Дело в том, что морское министерство согласилось дать Г. Я. Седову, отправляющемуся в экспедицию, годичный отпуск, а он пробыл в экспедиции дольше.

Так оценило царское правительство деятельность храбрейшего полярного исследователя, окончившего жизнь в суровой Арктике.

В прошлом году «Седов» подходил к мысу Бророк. На шлюпках плыли долго, упорно пробиваясь к угрюмому, неприветливому берегу, к крутому отвесу нависших скал. Орудийным грохотом, гулким обвалом встретил экспедицию старый, расчерченный широкими морщинами трещин ледник. Разбившись на партии, в течение нескольких часов шаг за шагом обыскивали каждую пядь вздыбленной осколками гор земли, тщательно осматривали все пригорки, холмы, хотя бы смутно напоминавшие своим видом дорогую могилу. Но уже вскоре пришлось убедиться в полной бесплодности поисков. Ледяные потоки талой воды, мчавшейся с глетчеров, размывающей каменные глыбы, наносящей кучи песка и глины,

видимо не пожалели и последнего приюта Г. Я. Седова. Наскоро сколоченный деревянный крест смыло ручьями; набросанные на его тело камни разворочали в изобилии водящиеся здесь медведи, а пятнадцать лет диких буранов, бешеных ветров, наверное, снесли в океан останки героя.

На холме собрались все участники поисков. Обнажив головы, поникнув, в тихом безмолвии простояли они в течение нескольких минут.

Опустив глаза в сырую, топкую землю, как-то сгорбившись, стоял В. Ю. Визе, вспоминая своего бывшего начальника и друга. Тихо, почти шопотом, обратился О. Ю. Шмидт к участникам.

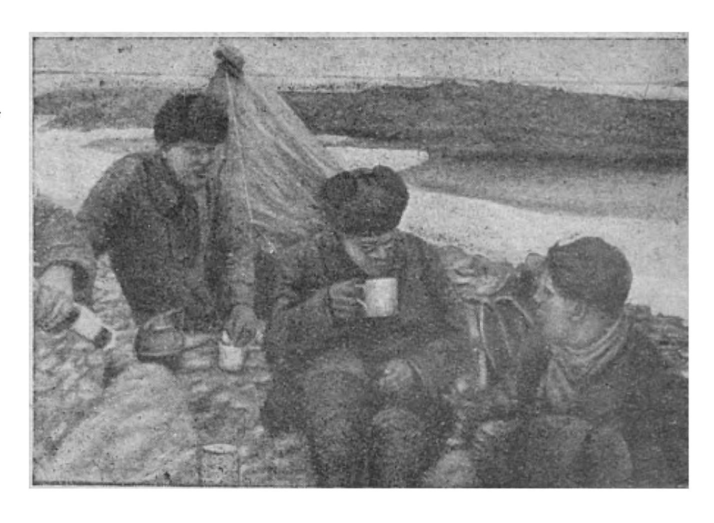
— Георгий Седов, — сказал он, — всю свою жизнь посвятил и отдал науке, идее завоевания суровой Арктики. Царское правительство не хотело ему помочь и ставило всяческие препятствия делу общечеловеческой, общекультурной важности, и тогда Г. Я., придумав в качестве приманки открытие полюса, стал невольной жертвой условий, которые ему создал царский режим. Рабочий класс великого Союза чтит память пролетария Георгия Седова — героя-энтузиаста, отдавшего свою жизнь изучению далеких северных границ... Вам, Владимир Юльевич, — сказал он, обращаясь к Визе, — должно быть особенно тяжело вспоминать трагедию, разыгравшуюся на этих широтах... Матросы «Седова», — добавил он, — гордо носите имя великого исследователя Арктики, а возвратившись в Архангельск, поведайте всем, как мы искали дорогую могилу. Пусть рабочие Севера чтят его память и никогда не забудут его дела.

„Седов" на разведке

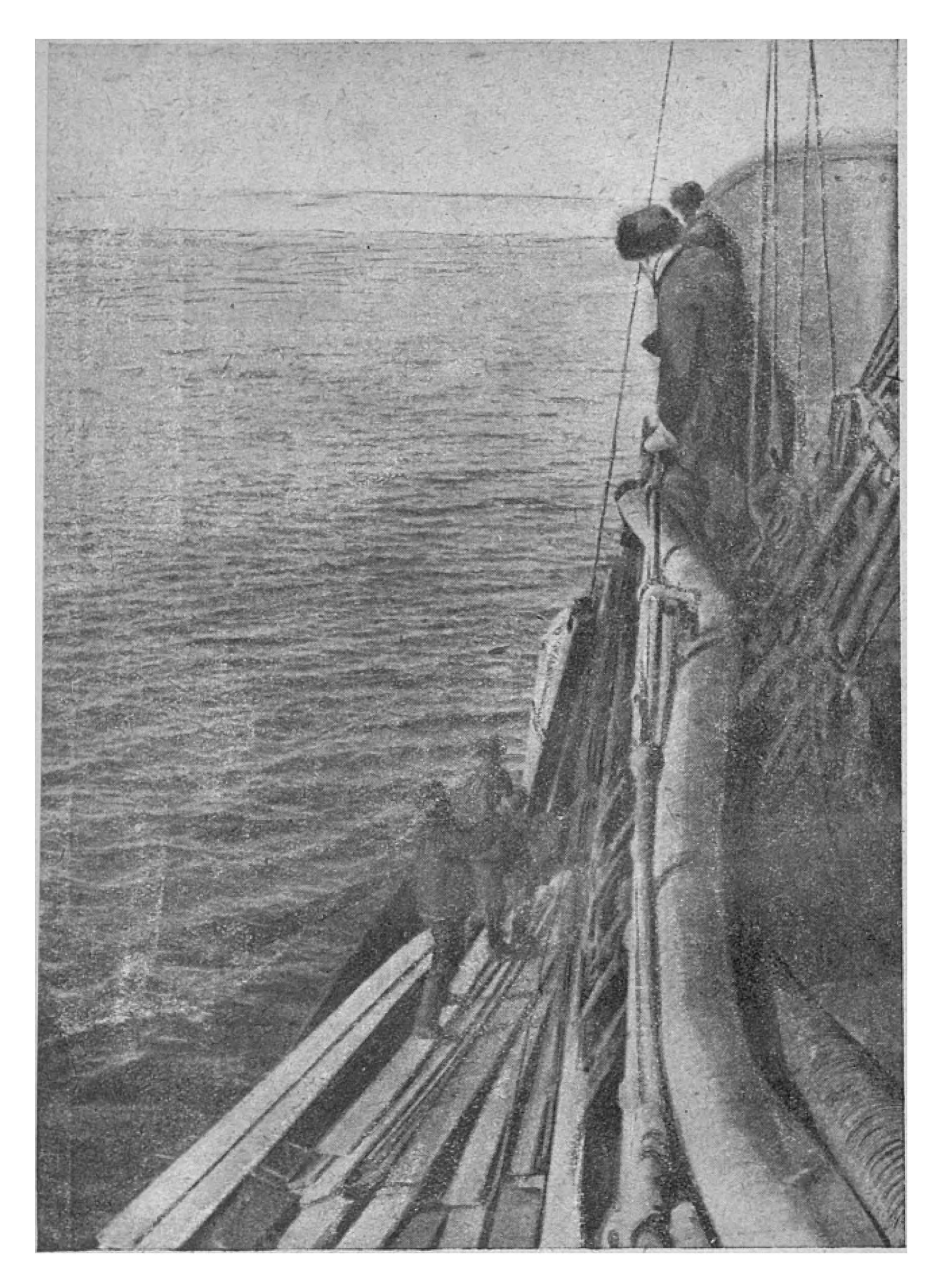
Мы решили не дожидаться достройки нового помещения радиостанции, а, высадив на берег плотников, использовать время для разведывательных поездок по северным владениям Страны советов.

Медленно пробираясь узкими проливами, глубина которых до сих пор является загадкой человека, раздвигая упругие искрящиеся ледяные поля, попрощавшись с залитой солнцем бухтой Тихой, «Седов» направил свой нос к острову Нордбрук, к знаменитой международной гостинице Земли Франца-Иосифа — мысу Флоре, куда считают своим долгом являться все иностранные суда, плавающие в этих водах. Всю ночь лавировал ледокол меж темных пятен островов, покрытых тончайшей вуалью тумана.

Колонисты Земли Северной.
Слева направо: Г. А. Ушаков, Н. Н. Урванцев и В. Ходов

Первый чай на вновь открытой Земле Визе. В середине проф. В. Ю. Визе

Началась разгрузка „Седова“.
Перевозка бревен для строительства колонии Северной Земли

Собственно говоря, ночь в Арктике в это время года — понятие относительное. Круглые сутки над золотистым горизонтом, купаясь в кристальной чистоте воздуха, плавает неутомимое раскаленное светило. Круглые сутки — яркий, ослепительный до боли в глазах, безудержный поток света. Мы совершенно запутались, где ночь, где день, и живем иной, необычной жизнью, бодрствуя в то время, когда на материке ночь, и отдыхая днем.

В то время, которое обычно принято называть утром, мы прибыли к мысу Флора. Огромная отвесная стена выветренных базальтовых гор, скудная растительность в виде бесконечного количества мхов, лишаев и тощей травки, холодные русла гигантских глетчеров и камни, небрежно разбросанные повсюду в хаотическом беспорядке. Наш старый флаг, водруженный в прошлом году, пришлось заменить новым: ураганы и ветряные штормы пополам согнули толстый железный флагшток.

У самых облаков, на обрывистых выступах дряхлых скал — гигантский птичий базар. Круглые сутки там бесконечные споры, домашние скандалы, целый джаз-банд в воздухе миллионов пернатых обитателей.

Обходим берег и наталкиваемся на две полуразвалившиеся постройки. В. Ю. Визе объясняет, что здесь, на этой земле, в 1896 году произошла историческая встреча англичанина Джексона с норвежцами Нансеном и Иогансеном. Под деревянным фундаментом разрушенного джексоновского дома нашу группу встретил подозрительным тявканием молодой песец. Как ни старались мы его оттуда выкурить, это так и не удалось. Хитрый звереныш, понимая всю прочность своего положения, не вылезал на свет. Недалеко от этого места мы нашли две полуразвалившиеся постройки — дощатую хижину, построенную в 1904 году американской экспедицией Фиала, и хрупкое строение из досок и ящиков, сооруженное Г. Я. Седовым.

Вдали от построек высится мрачный памятник из серого гранита трем погибшим итальянцам с яхты «Стелла Поляре». В оцинкованном пенале памятника лежали полуистлевшие письма всех бывших на острове путешественников, в том числе приезжавших в последние годы американцев, итальянцев, испанцев и т. д.

Какой-то американский полковник горделиво расписался в том, что убил восемь медведей, а американка мисс Бойд, прогуливавшаяся в 1928 году на паруснике «Хобби», заверила в том, что «ничего прекраснее нигде не встречала».

Здесь же лежала и записка прошлогодней экспедиции «Седова», гласившая:

«Всегда будем чтить память героев Арктики».

Увлекшись осмотром старых памятников прежних экспедиций, мы не заметили, как мимо Земли с резким треском прошел маленький норвежский зверобойный бот. Иностранцы, незаконно охотящиеся в советских водах, не сочли нужным задержаться и приветствовать настоящих хозяев земли. Набавив ходу, они трусливо скрылись за поворотом мыса.

— Ничего,—успокаивает В. И. Воронин, — от нас не уйдут. Все равно где-нибудь поблизости будут охотиться, а мы скоро поднимем якоря и пойдем по их следу.

Как только мы вступили на мыс Флору, ботаник Савич упал на колени и в течение двух с лишним часов ползал по холмам, наполняя свою обширную, вместительную сумку редчайшими экземплярами скудной растительности. Он с таким энтузиазмом лазал между камнями, что не имел даже возможности взглянуть на исторические остатки былых экспедиций.

— Уж больно короткий срок пребывания на мысе Флора установил Отто Юльевич, — как бы оправдываясь, говорил он позже на судне, — жаль было время терять на осмотр. Ведь кругом на Земле так много редкостей — мха, лишаев, которые произведут среди иностранных ботаников целую сенсацию. Слышу: мотор стучит. Подмывает меня посмотреть, а некогда. Скажите, товарищи, кто там проходил мимо берега?

Милый Савич! Он даже не нашел времени оглянуться на море и посмотреть на столь редко встречающееся в этих водах норвежское судно.

Вот вам удивительный пример увлечения выдающегося ученого своей специальностью, своей работой, поглотившей все его внимание, все мысли. Проф. Савич был настоящим ударником науки.

Снова подняты якоря. «Седов» снова в пути. Теперь мы идем к острову Белль, к бухте Эйра, где английский мореплаватель Ли-Смит в 1880 году построил сарай для продовольствия. Самому Ли-Смиту пришлось спасаться на четырех самодельных ботах на Новую Землю, ибо коварные льды сжали и раздавили его корабль.

Если на мысе Флора была кое-какая растительность, то на острове Белль — полная мертвечина. Плоские разбросанные камни, однотонный серый цвет — вот и все. Сарай с продовольствием мы увидели еще с ледокола. Там оказались вы-

битыми двери и окна. Помещение, с многочисленными автографами на стенах всех путешественников, побывавших здесь, было пусто.

На острове Белль мы установили советский флаг, оставили запас продуктов и, насколько возможно, привели в порядок помещение.

Всю ночь «Седов» ощупью пробирался к острову Мак-Клинток, находящемуся в юго-восточной части Земли Франца-Иосифа. Сильнейшие туманы, полное отсутствие сведений о течениях и глубинах заставляли быть особенно бдительными и осторожными. Малейшая ошибка — и ледокол мог прочно засесть на мели, а тогда прощай основной этап нашей экспедиции — Земля Северная.

Утром ветерок несколько раздвинул плотный туман. Невдалеке от «Седова» показался извилистый, растянувшийся в длину остров. Огромный растрескавшийся ледник медленно сползал в зеленую воду. Вдоль всего берега почти отсутствовал снег. Такого большого количества свободной земли мы не встречали ни на одном из островов архипелага.

С целью рекогносцировки наши ученые съезжали на берег. Широкая прибрежная полоса круто поднималась кверху, заканчиваясь отвесными выветренными скалами, похожими на развалины старинных бастионов. Внизу, на мягком зеленом ковре сочной травы — море цветов: желто-белых полярных маков, полянки, темнокраского мха и каких-то белых душистых растений.

Весь верх горы занят широким ровным плато, откуда открывается чудесный вид на океан, величественные айсберги и кажущийся с высоты совсем крошечным ледокол. Яркое солнце растопило поверхность блестящего глетчера. Лед подтаял, осел, и к морю несутся бешеные звонкие потоки ручьев.

К полудню «Седов» оказался в сильнейшем тумане, какого еще мы не видали за два полярных похода. В двадцати метрах от борта нельзя разглядеть проплывающий мимо торос. В море полный штиль. Все замерло в немом оцепенении — вода, воздух. На ледоколе замолк постоянный грохот машин. Итти в такую погоду — значит рисковать собой. Поэтому капитан распорядился отдать якоря. Когда нас выпустит туман, трудно сказать, — может быть, и не скоро.

Поздно вечером в густом молоке тумана над гладкой поверхностью воды, показался едва заметный плоский кусочек земли, оказавшийся островом Аагад. Вся поверхность острова, бывшего когда-то под водой, покрыта бурными обломками скал и бесконечным количеством камней. Здесь нет

прелестных венчиков полярного мака и даже мха. Правда, проф. Савич нашел два новых вида растения. Кругом угрюмая пустыня. Лишь пресные озерки, с кружащимися над ними стайками гаг и гусей, несколько оживляют неприветливый, серый ландшафт.

Утром на горизонте открылась черная громада скал. Определившись по солнцу, В. Й. Воронин сообщил, что это знаменитый мыс Тегеттоф острова Галль — первая земля, которую увидели австрийцы Пайер и Вайпрехт, открывшие архипелаг Земли Франца-Иосифа.

Все попытки «Седова» пробраться к Земле Вильчека до сих пор не увенчиваются успехом. Тяжелые многолетние торосистые поля ставят ледоколу непреодолимые препятствия. Сейчас попробуем последний вариант — пройти небольшим безымянным проливом. Если и здесь будут тяжелые условия для плавания, то повернем к бухте Тихой, ибо время не ждет, а у нас еще важнейшая задача — достичь неизвестных берегов Земли Северной.

В 1898 г. на Земле Вильчека разыгралась следующая тяжелая полярная трагедия. Американский журналист Вальтер Уэльман, достигнув на корабле «Фритьоф» мыса Тегеттоф, отправил отсюда санную партию на Землю Вильчека для устройства там продовольственной базы, которая должна была облегчить предполагавшийся весною поход для достижения рекорда широты. На Земле Вильчека из камней, моржовых шкур и плавника была сооружена небольшая хижина, оставлено около тонны продовольствия, сани и лодки. Здесь остались зимовать два норвежца — Бьерви и Бентсен, оба с большим арктическим опытом, причем один из них участвовал в знаменитой экспедиции Нансена на «Фраме». Уже в начале зимовки Бентсен заболел и, несмотря на заботливый уход своего товарища, скончался. Перед смертью он обратился с просьбой не хоронить его полярной ночью, ибо боялся, что труп его, будучи недостаточно хорошо зарыт, сделается достоянием песцов и медведей. Его друг точно исполнил просьбу. Когда журналист Уэльман приехал на следующий год на Землю Вильчека и вошел в хижину, он увидел следующую картину: на полу, один возле другого, лежало два спальных мешка; один хранил следы недавнего пребывания в нем живого человека, в другом находился труп Бентсена, смерзшийся с мешком в одно целое. В течение двух месяцев Бьерви в одиночестве полярной ночи

лежал рядом с трупом своего умершего друга. По выражению Уэльмана Бьерви был почти нормальным.

К сожалению, на Землю Вильчека нам пробраться так и не удалось. Тяжелые льды совершенно закрыли к нему доступ. Пришлось переменить курс и двинуться к острову Альджер. Глубокой ночью «Седов» подошел к острову, где в 1901 году зимовала американская экспедиция Болдуина, снаряженная на средства миллионера Циглера. В этой экспедиции участвовало 45 американцев и норвежцев, а также шесть остяков. Она располагала 420 собаками, доставленными из Сибири, 15 сибирскими пони и свыше 60 саней.

Экспедиция, ставившая себе главной задачей достижение северного полюса, несмотря на богатейшее снаряжение, никакого ни научного, ни спортивного успеха не имела: поход к северному полюсу не состоялся. Основной причиной неудачи явились раздоры между американцами и норвежцами — участниками экспедиции.

Уже подъезжая на шлюпках к острову, в сером, мглистом воздухе можно было разглядеть небольшие строеньица. Невдалеке от берега, среди разбросанных проржавевших предметов домашней утвари, занесенных снежным сугробом, расположен низкий дощатый, покрытый прекрасно сохранившимся толем дом с несколькими разбитыми окнами. На крыше зияет большая, прорубленная кем-то дыра. Все помещение завалено смерзшимся в плотную ледяную корку снегом. На стенах уцелели обрывки электропроводов. На совершенно разрушенном крыльце из разбитых ящиков было рассыпано несколько десятков кило потерявшего вкус, промокшего кофе. Возле дома в беспорядке валяются смятые свинцовые ящики для медикаментов, проржавевшие жестяные банки консервов, остатки сгнившей упряжи, сани, бутылки и прекрасно сохранившиеся резные дуги, видимо работы наших поморов.

Едва вступив на берег, мы сразу обратили внимание на совершенно свежие следы человека, бродившего здесь еще в этом году. Видимо, на острове кто-то хозяйничал, безответственно распоряжаясь предметами, имеющими историческую ценность. Даже письмо, оставленное В. Ю. Визе в 1914 году, во время его участия в походе Г. Я. Седова, оказалось похищенным.

Общими усилиями близ главного дома был поднят флаг Советского союза, и мы распрощались с островом Альджер.

Закончив научно-исследовательскую работу, «Седов» вернулся в бухту Тихую. Работы по достройке нового помещения

радиостанции, сарая и небольшой оранжереи, где будут произведены первые опыты тепличного выращивания овощей на этих широтах, уже закончены. У крыльца жуют сено коровы. В комнатах еще беспорядок — повсюду навалены вещи новых зимовщиков, но научные работы ведутся регулярно с первого момента вступления на берег.

Только одни сутки простоял «Седов» в бухте Тихой. Надо было спешить к Новой Земле. Из Архангельска уже вышел ледокол «Сибиряков» с грузом угля и свежих продуктов для нашей экспедиции. Нам еще предстоит долгий, тяжелый путь в совершенно неизведанных краях, где еще не бывало ни одного судна в мире, где климат и земля до сих пор являются тайной для человека. Первая задача — смена колонистов и расширение радиостанции — выполнена. Перед нами вторая чрезвычайно серьезная задача — пробраться к берегам Северной Земли и оставить там четырех колонистов.

Последний завтрак в колонии Земли Франца-Иосифа. Последний раз окидываем взглядом залитую солнцем бухту Тихую, сияющую всеми цветами радуги красавицу-скалу Рубини-Рок, блестящие русла гигантов-глетчеров и крошечные домишки самой северной в мире радиостанции. Крепко жмем руки новой смене — одиннадцати молодым энтузиастам, желаем успеха, здоровья и энергии в выполнении большого научного поручения — исследовать, изучить, полностью овладеть далеким кусочком Советского союза.

Их одиннадцать: молодой ученый географ, член партии, начальник Земли Франца-Иосифа — **И. М. Иванов**, участвовавший в знаменитом походе «Красина» на поисках Нобиле; доктор **Кутляев**, поставивший себе задачу изучить влияние полярной ночи на изменения крови человека, найти признаки, по которым можно будет узнать предрасположение человека к цынге; старый полярник, зимовавший четыре года в Арктике, радист **Иойлев**; механик, бывший шофер т. Ворошилова — **Плосконосов**; гидролог **Мухин**; опытный полярник, с многолетним стажем, метеоролог **Голубенков**; участник прошлогоднего похода «Седова» — повар **Постнов**; служитель **Данилов**; два промышленника-зверобоя, взятые с Новой Земли, — **Кузнецов** и **Хатанзейский**, и среди них одна женщина — жена начальника радиостанции, научная работница, биолог **Рябцова-Демме**. Это первая женщина на Земле Франца-Иосифа. На прощальном вечере О. Ю. Шмидт сказал, что особенно за ее работой будет следить весь мир, ибо, оставляя на тяжелую полярную зимовку женщину, большевики делают первый опыт.

Мы покинули берега Земли Франца-Иосифа. Залпами выстрелов и протяжными гудками распрощались с бухтой Тихой, домишками и дорогими друзьями. Много трудностей, лишений и переживаний будет на их жизненном пути в далекой и суровой Арктике. Но мы все до одного верим, что они дружно перенесут зимовку, преодолеют все препятствия и внесут новую блестящую страницу в славную историю завоевания крайнего Севера.

Медленно в дымке тумана уплывают одиннадцать крохотных, машущих белыми платками фигурок, темные стены домов, наконец отлогий, издали гладкий мыс Седова.

русская гавань

Тихо пробирается «Седов» тяжелыми ледяными полями к Н. вой Земле, где назначена встреча с ледоколом «Сибиряковым».

Получили по радио сведения, что «Сибиряков» прошел Канину Землю.

Жаждем увидеть новых людей с материка, узнать новости и особенно прочесть газеты.

Сегодня во льдах мы напоролись на норвежский зверобойный бот «Викинг», которого остановили международными сигналами флажков. С капитанского мостика В. И. Воронин по-английски крикнул:

— Капитан, на борт «Седова»!

Вскоре к ледоколу пришвартовалась лодочка, и из нее вышел огромный седой широкоплечий морской волк в синей робе, резко оттенявшей налитые мускулы рук. Его и переводчика-норвежца пригласили в каюту капитана для переговоров.

— Разве вы не знаете, что Земля Франца-Иосифа принадлежит Советской республике? — задается ему первый вопрос.

— Хм, — пожимая плечами, недоверчиво отвечает капитан, при чем переводчик делает удивленное и испуганное лицо.

— Чтобы бить зверя в советских водах, надо взять разрешение советского правительства, — говорит О. Ю. Шмидт.

— Хм, — продолжает удивляться капитан.

Ну, ясно: норвежцы, великолепно информированные о том, что Земля Франца-Иосифа принадлежит СССР, сознательно игнорируют международные обязательства, права и контрабандно промышляют в наших водах. Переводчику дается распоряжение сообщить капитану о том, что, по интернациональ-

ным правилам, без разрешения охота может производиться не ближе 12 миль от берега. Поэтому им следует немедленно покинуть наши воды.

Опять издал морской волк неопределенное «хм» и, попрощавшись, спустился в свою шлюпку. Вскоре мы видели их удирающими в море, пыхтящими слабенькой керосиновой моторкой.

Под утро дежуривший Ю. Н. Хлебников прибежал в кают-компанию и сообщил, что на горизонте — два медведя. Капитан и я в это время закусывали медвежьим бифштексом. Выбегаем на палубу. Действительно, к ледоколу приближается медвежиха с маленьким сыном. Она, видимо, в веселом настроении: катается по снегу, кувыркается. Малыш же устает и часто неуклюже, по-собачьи присаживается, и тогда мать начинает его облизывать и заигрывать с ним. Это была трогательная семейная сцена. На ледокол они не обращали никакого внимания.

Мать мы быстро пристрелили, а малыша решили поймать живьем для подарка Московскому зоопарку.

Спускаемся с собаками на лед. Настигнутый стаей лаек и осознав свое беззащитное положение, малыш хотел было броситься в открытую круглую лунку, протаянную тюленями, но во-время сообразил, что выплыть ему вряд ли удастся, ибо второй полыньи нигде не было видно. Беспомощно он остановился в лунке, сидя в ней по живот и отгоняя передними лапами набрасывающихся собак. Мы пробуем накинуть петлю, — это не удается. Малыш ловко увертывается, прячет голову и отмахивается лапами. Наконец петля накинута. Ревущего, бросающегося на пристающих к нему собак, волоком тащим его к ледоколу и, зацепив лебедкой, поднимаем на борт, где кладем рядом с тушей убитой матери.

Каково же было удивление, когда медвежонок, сделав глубокий вздох, вдруг неожиданно умер! В чем дело, так мы и не могли разобрать. Никаких ран или увечий мы ему не нанесли. Следовательно, он сдох от разрыва сердца при виде трупа своей матери.

Колонистов Земли Франца-Иосифа, прозимовавших уже год, мы пересаживаем на борт «Сибирякова» для доставки к ждущим их с нетерпением семьям. Сейчас стоит вопрос о дальнейшем сокращении состава, ибо это диктуется необходимостью тщательно экономить продовольствие и топливо.

Не рисковать — значит не плавать в Арктике, — в этом прекрасно все отдают себе отчет. Мы рискуем, но не теряем надежды на возвращение осенью на материк.

К вечеру на горизонте показалась Новая Земля. Медленно, поминутно промеряя глубину лотом, вошел «Седов» в Русскую Гавань и бросил якоря.

Утром мы ходим по россыпи гальки прибрежной полосы одинокого островка. Кружась, ловко планируя, над нами вьются встревоженные стайки пернатых обитателей. Внизу, у самых ног, с упорной настойчивостью бьются расшитые тончайшим кружевом пены ворчливые волны.

Играя, весело перешептываясь, волны выкидывают к нашим ногам маленький деревянный кораблик. Откуда он? Кто знает? Возможно, где-нибудь в Поморье маленький сынишка рыбака учился управлять игрушечным ботом. Во всяком случае это первый детский кораблик дальнего плавания.

На желтый песок с размаху летят старый крестьянский лапоть и рыбачий стеклянный поплавок. Где хозяин чистенького, обмытого волнами лаптя? Жив ли, добрался ли до дому, к семье или...

Поднатужившись, волны выбрасывают нам последний сюрприз — маленький круглый пробковый буек, густо оплетенный проволочной сеткой. Наверху резная крышка с выгравированной заплесневелой надписью. Отвинчиваем пробку: внутри — узенькая полая металлическая трубка и в ней вымокшие в соленой воде, печатанные на машинке записки на английском и норвежском языках.

Вечером в кают-компании — небывалое оживление. О. Ю. Шмидт, Р. Л. Самойлович и В. Ю. Визе, с лупами в руках, склонились над полустертыми иероглифами знаков. С трудом, шаг за шагом непонятные, вылинявшие буквы превращаются в слова и фразы.

«80° 21′ сев. широты, 56° 40′ вост. долготы. Лагерь Циглера Земли Франца-Иосифа. Главная полевая квартира болдуин-циглеровской полярной экспедиции. 23 июня 1902 г.

Ближайшему американскому консулу. Срочно требуется доставка угля. Яхта «Америка» — в открытой воде, в проливе Абердар, с 8 июня. Работа этого года успешна — огромный склад доставлен на Землю Рудольфа на санях в течение марта, апреля и мая. Собраны коллекции для национального музея, обеспечен отчет и зарисовки с хижины Нансена, превосходные фотографии, кинокартины и т. д. Осталось пять пони и 150 собак. Нуждаюсь в сене, рыбе, 30 санях. Должен вернуться в начале августа, не добившись успеха, но и не побежденный. Все здоровы. Двенадцатое донесение. Буй № 164.

Болдуин. Корпус связи САСШ».

Наверху приписано и подчеркнуто карандашом: «Спешите с углем».

Старик-океан сделал нам подарок, которому нет цены. В наши руки попал исторический документ известного американского полярного исследователя Болдуина, остатки лагеря которого всего несколько дней тому назад мы видели на острове Альджер Земли Франца-Иосифа. Это своеобразная «спешкая» почта путешествовала двадцать девять лет, пока не достигла берегов Новой Земли. Болдуин серьезно нуждался. В то время бутылка или буек за отсутствием радио были единственной почтой.

В. Ю. Визе поясняет:

— Буек был вынесен течением с Земли Франца-Иосифа на запад, вдоль восточных берегов Шпицбергена, затем на юг, где попал в нордкапское течение, которым и был прибит к Новой Земле.

Солидное путешествие совершил этот крошечный памятник о неудачной миллионерской авантюре и безуспешной попытке достижения северного полюса. Теперь понятен морской путь, который проделала бутылка, выброшенная в 1877 году австро-венгерской экспедицией Пайера и Вайпрехта у южных берегов Земли Франца-Иосифа и найденная в 1921 году русским промышленником на мысе Сухой Нос, на Новой Земле.

Наша находка — большая историческая ценность, представляющая огромный интерес не только для Советского союза, но и для всего мира.

Рано утром мы проснулись от хриплого, простуженного баса «Седова» — голоса, от которого уже успели отвыкнуть. Стоя на капитанском мостике, подняв воротник своего потертого, засаленного рабочего пальто, ежась от сырости и не прекращающейся вот уже несколько дней измороси, В. И. Воронин подавал сигналы едва заметному в густом молоке тумана ледоколу «Сибиряков».

В один момент вся палуба зачернела высыпавшими из душных кают жителями «Седова». «Сибиряков» приближался медленно, боясь в нависшей мгле налететь на отмели и подводные камни, которыми изобилует Русская Гавань. Сделав большой круг в бухте, он уверенно пришвартовался к левому борту «Седова».

Так состоялось свидание двух товарищей по совместной ледовой работе на далеком, отрезанном от всего мира кусочке материка. Никогда еще Русская Гавань не видала в своих изумрудно-зеленых водах такого мощного флота. Лишь

утлые ладьи, крылатые парусники зверобоев-поморов да изредка крошечные боты норвежцев-рыбаков были до сих пор ее непрошеными гостями. Седовцы ждали «Сибирякова» с большим нетерпением: ведь с ним должны были притти письма с родины, газеты и новости с Большой Земли.

Через несколько минут кают-компания превратилась в читальный зал. Газеты рвут из рук, прочитывают до конца, вплоть до объявлений.

Не теряя ни минуты, ибо каждый потерянный час для «Седова» шанс на зимовку, приступили к перегрузке доставленного нам угля. Закроешь глаза, и мысленно переносишься в Архангельск — тот же скрип лебедки, хриплые крики грузчиков и та же назойливая угольная пыль, бесцеремонно залезающая в нос и рот, покрывающая толстым слоем палубу и пробирающаяся через узкие прорези иллюминатора в трюм, где размещены участники экспедиции. Если погрузка будет итти таким же усиленным темпом, то через три дня «Седов» сможет поднять якоря и двинуться в страну неизвестного.

Наконец-то закончилась погрузка «Седова» новым запасом угля для дальнейшего тяжелого похода к Северной Земле. Вместительные трюмы наполнены кардифом; на палубе, в специальных загонах, расположен скот — коровы, привезенные нам для питания. Что нас ждет впереди — неизвестно. Возможно, свежее мясо спасет многих из нас во время зимовки от цынги.

Проворные матросы, в непромокаемых зюйдвестках, со шлангами в руках, носятся по судну, сильными струями воды отмывая пропитавшиеся угольной пылью палубу и наружные стены кают. Мы все спешим в баню — отмывать свой «полярный загар», как у нас прозвали въевшуюся в тело угольную пыль, которую холодной водой отмыть невозможно.

В семь часов вечера отправили на материк последнюю почту, навсегда распрощались с зимовщиками Земли Франца-Иосифа и отсалютовали уходящему в Архангельск «Сибирякову». Последняя связь с людьми и культурным миром оборвана.

На полных парах мчится «Седов» вдоль темных, мрачных скалистых гор Новой Земли в неведомый район, к далеким берегам, еще до сих пор обозначенным в лоциях и на картах пунктиром.

Стереть белое пятно неизвестности, обследовать и определить границы загадочной Северной Земли — вот та огромная задача, которую предстоит разрешить четверым настойчивым, храбрым исследователям: начальнику Земли Г. А. Ушакову, геологу Н. Н. Урванцеву, радисту Ходову и промышленнику Журавлеву, остающимся в безлюдной ледяной пустыне на два долгих полярных года. С этой задачей они справятся. Можно быть твердо уверенным и убежденным, что они выполнят возложенное на них серьезное, имеющее огромное научное значение задание правительства. За это говорит их многолетний полярный стаж, арктический опыт, а главное, энтузиазм, непреклонная воля и горячее желание внести свою посильную лепту в дело освоения крайнего Севера.

Мы в преддверии новой, невиданной чудесной страны, куда еще не ступала нога человека. Второй, наиболее тяжелый этап героического похода «Седова» начался.

— Курс на норд!

В. Ю. Визе оказывается „пророком"

Мы снова в тяжелых торосистых льдах. Новая Земля уже далеко позади. Под утро «Седов» вошел в сверкающую на бледном полярном солнце кромку и теперь осторожно, шаг за шагом берет приступом ледяную твердыню.

Сейчас наше направление — не на восток, где расположена Северная Земля, а прямо на север. В. И. Воронин, избрав этот путь, руководствовался следующими весьма вескими соображениями.

В последнее время в море дули восточные ветры, которые должны были отогнать льды от района Северной Земли к югу. Значит, проход с севера, теоретически рассуждая, должен быть более свободным. Капитан предполагает дойти до 79-го градуса, резко свернуть на восток и направиться непосредственно к Северной Земле. Посмотрим, удастся ли этот маневр.

Мы идем очень медленно, уверенно форсируя торосистый толстый лед, спаянный молодым, уже достигшим четырех сантиметров толщины, весьма крепким и упругим нилосовым льдом. На носу «Седова» целый день толпятся зачарованные исключительной картиной участники экспедиции, часами наблюдая захватывающую борьбу судна с ледяной стихией.

С шумом и треском налетает форштевень «Седова» на огромные льдины с нагроможденными на них, спаявшимися

в одно целое торосами. Нос ледокола высоко вздергивается вверх, и, заливаемая изумрудом воды, льдина медленно опускается, тонет, разламываясь на мелкие части. Тогда короткие тихие минутки отдыха — и опять бесконечный грохот, остервенелый скрежет развороченных зубастых льдов, цепляющихся за борта судна.

— Туда-то мы пройдем, — пройдем во что бы то ни стало, а вот обратно... — глядя на беспредельную ледяную пустыню, тихо поговаривают между собою матросы.

Но о будущем гадать еще рано. Мы живем сегодняшним днем, полным ярких красок, неизгладимых впечатлений и исключительных переживаний, даже развлекаемся и развлекаем других. Сегодня, например, из нашего «клуба» — кают-компании — по радио передавали концерт колонистам Земли Франца-Иосифа. Все много читают, пристреливают винтовки, а. главное, работают, несут научные вахты, производят наблюдения над атмосферой, водой, исследуют морское дно, животный мир и т. д.

— Давай скорее, спускай вниз сетку — хорошая микроба плывет, — шутят матросы над научным работником Ретовским, берущим планктон.

Он вытаскивает таких маленьких, прозрачных, на вид никому не нужных животных, что команда считает его работу никчемным занятием.

На судне, затерянном в арктических равнинах, в маленькой пловучей Советской республике идет большая работа, бурлит и клокочет своеобразная жизнь. Мы далеко от любимой республики, но все наши мысли только о ней. Здесь, в суровой Арктике, за тысячи километров от Большой Земли, мы вместе со всей страной, со всем пролетариатом переживаем все радости великого строительства.

На носу судна, на спардеке, идет добровольное, никем не установленное дежурство. Это наиболее нетерпеливые участники экспедиции сверлят дымку тумана, надеясь первыми увидеть берега Северной Земли.

3 августа войдет блестящей страницей в историю завоевания Арктики. В девять часов вечера научный сотрудник экспедиции П. Г. Горбунов, наблюдавший в бинокль затуманенный горизонт, неожиданно сообщил, что он заметил какие-то неясные берега. Что это за земля? Ни в одной лоции мира в этом месте не указан даже маленький островок. До Земли Северной еще далеко — несколько суток беспрерыв-

ного хода. Ясно, что это либо большого размера земля, либо группа островов. Определить точное местоположение, сразу не представлялось возможным, ибо облака заволокли горизонт и закрыли землю.

Здесь необходимо отметить исключительный по своему значению факт научного предвидения. Наш крупнейший полярный исследователь — В. Ю. Визе — еще в 1924 году в «Известиях Центрального гидрометеорологического бюро» опубликовал свое предположение, что именно на этих широтах должна быть еще неизвестная никому земля. К такому заключению В. Ю. Визе пришел из следующих соображений.

— Льды полярных морей,— заявил он,— передвигаются под влиянием двух сил: ветров и морских течений. Действием этих сил передвигалось в 1913—14 годах затертое во льдах судно «Анна», под начальством Брусилова, погибшее в этом районе, при чем уцелел лишь штурман Альбанов, который доставил вахтенный журнал. В журнале имелись записи об общем движении судна, его дрейфе и записи направления ветра. Теоретически приблизительно известно, с какой скоростью и в каком направлении затертое во льдах судно должно передвигаться под влиянием ветров. Зная общее передвижение судна, скорость и направление ветра, можно вычислить направление и скорость морского течения. Это и было моей целью, когда я взялся за обработку журнала «Анны». При этом я наткнулся на любопытную особенность, которую дрейф «Анны» показал между параллелями 78 и 80 норд и меридианами 70—80 ост. Здесь судно, двигающееся в общем на север, отклонялось от направления ветра не вправо, как следовало бы по теории дрейфовых течений Экмана, а влево. Объяснить эту аномалию я мог, только допустив существование суши к востоку, недалеко от дрейфа «Анны». Ряд других особенностей дрейфа «Анны» в этом районе подтвердил мое предположение.

Более подробный анализ дрейфа «Анны» позволил мне определить место предполагаемой суши. Я нанес это на большую карту, приложенную к моей статье о течениях в Карском море, опубликованной в 1924 году. Позднее эта суша, под названием Земля Визе, с вопросительным знаком была нанесена Брейтфусом на германскую карту. До сих пор значилась она как проблематическая и такой и нанесена на карту Арктики.

Зная о проекте Нобиле лететь в 1928 году к Земле Северной, я обратил его внимание на желательность обследования того района, где предполагал сушу. Дирижабль «Италия»

пролетел тогда весьма близко от этой земли, но не видал ее, вероятно потому, что земля в это время была сплошь покрыта снегом. «Седов» открыл предположенную мною землю и тем самым подтвердил правильность моих выводов.

По произведенным исчислениям, вновь открытая Земля Визе находится на 79°40′ северной широты и 76°27′ восточной долготы. Таким образом нам выпала почетная задача открыть неведомые до сего времени острова и первыми вступить на эту землю.

На ледоколе — праздничное возбуждение. У большого капитанского бинокля — целая очередь. Герой дня — В. Ю. Визе — не успевает отвечать на приветствия, поздравления и рукопожатия.

К неизвестной земле приближаемся осторожно, опасаясь отмелей. Сегодня ночью высаживаемся на берег для поднятия советского флага и обследования новой территории Советского союза.

Поздно вечером «Седов» бросил якорь. Продвигаться ближе к неизвестной земле было рискованно: промер воды показал незначительную глубину. На экстренном заседании руководящей тройки было решено послать для разведки новых земель пешую партию в составе научных работников, под руководством О. Ю. Шмидта, В. Ю. Визе и Р. Л. Самойловича.

Наскоро позавтракав, в два часа ночи, захватив с собою сильно нагруженные банками консервов, галетами и прочим чрезвычайно тяжелые самоедские нарты, участники разведки спустились на лед. Уже с первых шагов стало ясно, что придется потратить огромное количество энергии и сил для того, чтобы достичь берегов таинственного острова. Сильнейший туман совершенно закрыл горизонт и заботливо спрятал черную ленту земли от людей, впервые дерзнувших завладеть неизвестными островами. Солнце зашло за тяжелые облака, так что приходилось итти наугад, ориентируясь по гудкам ледокола, время от времени подаваемым «Седовым».

В течение трех часов шла упорная, жестокая борьба с суровой арктической природой.

Наконец показались первые холмы разбросанных в беспорядке желтых камней. Немедленно разложили костер, чтобы вскипятить воду и хоть немного утолить нестерпимую жажду. Но, как выяснилось впоследствии, эти камни еще были далеко от острова. Наш лагерь оказался расположенным на огромном, полузалитом водой глетчере. Это явление нам впервые удалось наблюдать в Арктике. Чтобы пробрать-

ся к берегу, пришлось затратить еще несколько часов на подыскание подхода. То был ужасный путь, в беспрерывных прыжках по двигающимся и готовым в любой момент перевернуться льдам.

Земля Визе по первому впечатлению показалась мрачным островом, оставляющим самое гнетущее впечатление,—огромной длины, с малым количеством растительности, главным образом мхи и лишайники.

Это какой-то остров мертвых, совершенно безжизненный, застывший в глубоком молчании. Остров — низменный, высшая точка его возвышается над уровнем моря всего лишь на 25 метров; длиной он в 50 километров, шириной—15 километров. Молча разглядывавший свои «владения» В. Ю. Визе неожиданно сказал:

— Много мне приходилось видеть полярных земель, но более безотрадного ландшафта, чем здесь, я еще нигде не встречал. Земля сложена из плотных песчаников, может быть изверженных пород, которые подвергнуты действию морской трансгрессии. Коренная порода покрыта четвертичными песками с раковинами. Ледников нет.

Топограф Войцеховский немедленно приступил к засъемке земли, а мы небольшой группкой, во главе с О. Ю. Шмидтом, отправились вдоль берега на восток. Весь путь наш лежал по оврагам, длинным каналам, изрезавшим неприглядную землю. Видимо, когда-то остров видел лучшие времена, ибо повсюду мы находили валявшиеся на поверхности оленьи рога. Вероятно, раньше климат был здесь умеренней, и олени находили себе ягель, которого теперь осталось весьма незначительное количество. Ни одно животное нам не встретилось на земле, только в двух местах тонкой цепочкой вился свежий след песца.

По предложению Муханова одну из долин Земли Визе назвали именем редакции центрального органа комсомола— «Комсомольской правды».

В ледяной пустыне

В 6 часов 15 минут «Седов» поднял якорь и пошел вокруг острова Визе. Стояла хорошая, солнечная погода; море было почти свободно от льда. Но уже к вечеру картина резко изменилась. Мы попали в район сплошных непроходимых ледяных полей. Кругом, насколько хватает глаз,— бесконечные старые торосы и крепкий, упругий, достигающий трехпяти метров толщины многолетний лед.

Ночью стальное кольцо льда окончательно сомкнулось. В вахтенном журнале рукой старшего штурмана, Ю. Н. Хлебникова, выведено:

«Лед — количеством в 10 баллов...»

Состояние и количество ледяных полей исчисляется 10-бальной системой. Ледокол попал в ловко расставленную суровой природой западню.

Эти часы дорого достались забывшему сон капитану. Широко расставив ноги, приткнулся он к огромному «цейсу», пытаясь найти хоть небольшую лазейку, чтобы удрать из хитроумной ловушки. С треском и грохотом неожиданно наваливается лед, заставляя «Седова» сильно крениться набок.

Эти гигантские сжатия льда создавали более опасное положение, нежели можно было предполагать. Немедленно приходилось останавливаться на маленьких полыньях и обкалывать вокруг себя лед, все время держа машины наготове. Бесконечные ледяные поля тащили безвольного «Седова», как маленький игрушечный кораблик, по направлению к вновь открытой Земле Визе. Каждый час, каждую минуту ледокол могло прижать к берегу или, во всяком случае, сильно повредить ему корпус.

Вдали, у самого горизонта, стояли на страже огромные айсберги, не дававшие расходиться льдам, так сказать, управлявшие сжатием. Это была какая-то ледяная жуть. Судно шаталось, кренилось, шпангоуты трещали. В результате неравной борьбы за всю долгую ночь «Седов» продвинулся вперед всего лишь на два корпуса, при чем более трех часов разбивал небольшую, но толстую перемычку, преграждавшую путь к полынье.

«Неужели придется зимовать?»

Со злостью отгоняешь эту назойливую, прочно засевшую в голове мысль.

Утро встретило нас ярким теплым солнышком, миллионами бриллиантов искрящегося снега. Но льды попрежнему были скованы в одну плотную, непробиваемую броню. Гигантские нагромождения налезших из-за сдвижки друг на друга торосов местами доходили до шести метров. Понятно, при таких невероятно тяжелых условиях ледокол не мог продолжать двигаться вперед. Было бы бесполезно и преступно выпускать в воздух драгоценный уголь, каждый килограмм которого нам чрезвычайно дорог. «Седову» пришлось отступить и склонить голову перед неуемными силами Арктики.

Немедленно был изменен курс с северо-востока на юго-восток. Ледокол повернул обратно к кромке льда, с тем что-

бы найти разровненные поля и с новой энергией, но в несколько другом направлении опять двинуться к северу. Но и на обратном пути ему приходилось напрягать все свои силы для того, чтобы выбраться из затянувшейся ледяной петли. Кругом нас замкнулся лед. На севере — густая черная полоса тумана. Настойчиво, грудью бросается «Седов» на толстые льдины, отступает и снова бросается в бой, и так без конца, шаг за шагом отвоевывая себе свободу. У нас появилась, хотя и слабенькая, надежда ночью выбраться из ледяных пут: на юге — темная полоса голубого неба, признак свободной воды.

Вот уже несколько суток мы идем вне мореходных карт. По просьбе капитана топограф Войцеховский, уткнувшись в широкие полосы «ватмана», вычерчивает свою карту, которой придется в дальнейшем, при подходе к Северной Земле, пользоваться. В связи с тяжелыми ледяными условиями, которые могут сильно повлиять на сроки плавания, в целях экономии и рационального использования продовольствия с завтрашнего дня вводится твердый сокращенный паек. Эта мера как нельзя кстати, ибо неизвестно, как долго затянется наш поход и кончится ли он вообще в этом году.

По случаю открытия Земли Визе получаем массу поздравительных телеграмм. Этим обстоятельством недоволен только Е. Н. Гиршевич.

— Ну, теперь повалит! — с досадой говорит он.— Теперь только успевай принимать, а ведь, наверное, никто из подающих не подумал о том, сколько трудов и сил требуется для того, чтобы поддерживать регулярную связь в Арктике.

Более двух суток идет упорная борьба «Седова» с зажавшими его огромными ледяными полями. Двое суток без перерыва, напрягаясь, стонут машины, пытаясь вывести ледокол на юг, к спасительной кромке. Но все старания и героические усилия команды — напрасны. Мы безвольны. По указке капризных, неведомых науке течений нас дрейфует на восток. В таком тяжелом положении ледокол не был за всю экспедицию. Все остальное была лишь прелюдия. Те, которые впервые плавали в Арктике, говорившие: «Ну, где же трудности пробивания через льды?», теперь удовлетворены полностью. Все полыньи затянуло крепким молодым льдом. Он скрипит, ежится от ударов судна, но не поддается.

Пропали медведи, тюлени и вечные наши спутники — чайки. Кругом мертвечина — спокойная, уверенная в своих силах ледяная жестокая пустыня. До самого горизонта нет

просвета: все в беспорядке завалено десятиметровыми торосами, разбитыми остроугольными глыбами. Теперь уж ледокол, забравшись носом на лед, едва находит в себе силы, чтобы обратным ходом сползти вниз. У бледного, нервного В. И. Вороника уже нехватает терпения вымеривать квадрат капитанского мостика. Он сбегает вниз, к носу ледокола, и садится на перила, откуда несется его команда дежурному штурману:

— Так держать! Одёрживать! Право руля!..

Под утро сделали первую попытку самостоятельного хода, но за восемь часов непрерывной изнурительной работы прошли в ледяных заторах едва ли одну милю. К полудню на юге, вдали от «Седова», показались небольшие разводья, но путь к ним был прегражден торосистым, шириной всего лишь в три километра полем. В течение семи часов с разбега налетал, отходил и опять яростно бил «Седов» четырехметровый лед, но за это время продвинулся всего лишь на две мили.

Наконец, к пяти часам вечера произошло гигантское сжатие льда. Огромные глыбы сомкнулись со всех сторон, сдавили железные борта «Седова». Ледокол замер на одном месте. Все попытки сняться с попавших под корму льдин ни к чему не привели. Содрогаясь от работы машин, неподвижно стояло затертое судно. Тогда пришлось прибегнуть к экстренным мероприятиям. На лед спустились команды матросов и при помощи багров и пешней (разновидность лома) стали обкалывать лед вокруг судна. Это была адская, изнурительная работа. Перед огромными торосами и величественной беспредельной ледяной пустыней люди казались жалкими, беспомощными пигмеями, пытавшимися добыть себе свободу с иголками в руках.

— Полундра, ледокол заваливает набок!..

Не отдыхая много часов под ряд, работали матросы, обкалывая лед, зацепляя крупнейшие торосы стальным канатом, медленно отводя их лебедкой в сторону. Пробовали подрывать аммоналом — никакого эффекта. На месте взрыва образовывалась небольшая лужа крутой каши раскрошенного льда. Вокруг судна в бешеном водовороте кипела пена воды, разбрасываемая лопастями винта, вовлекая мелкие льдинки в дикую пляску, в кипящее, клокочущее месиво.

Сейчас три часа ночи. Вот уже десять часов, как мы попали в ловушку. Все попытки сорваться с насевших на ледокол льдов пока что ни к чему не привели: «Седов» против

своей воли и желания попал на крепчайший ледяной якорь.

Вдали, на юге, светлая золотая полоска освещенного солнцем льда. Там — открытое море, там — тепло, там — свобода. До нее от нас всего лишь 25 миль, но даже при условии, что сегодня ночью нам удастся выйти из сжатия, если погода не переменится, мы достигнем кромки не ранее как через два-три дня. Жестокая, неумолимая Арктика делает нам первое серьезное предупреждение.

Двенадцать часов по ряд отбивался «Седов» от наседавших на него ледяных полей. Все меры были перепробованы, для того чтобы сдвинуться с ледяного якоря. Но спасение пришло совсем неожиданно. Вдали от ледокола в глубокую трещину был вторично заложен аммонал в жестяной банке, который, взорвавшись, дал внешне весьма малый эффект, на самом же деле, невидимо для нас, произвел под водой целую революцию. Оказалось, что «Седов» сидел на своеобразной ледяной подушке натороошенных друг на друга гигантских глыб. Поддонный лед, уцепившись за киль, крепко держал судно на одном месте. Как выяснилось, главная сила взрыва и направилась как раз к этому месту. В результате многотонный массив слегка расшевелило, и рванувшийся всей мощью своих машин «Седов» медленно сполз в чистую воду. Радость на борту была огромная. Все поздравляли друг друга, словно окончательно избавились от опасности.

Но враг уже готовил другую ловушку.

Дав полный ход вперед, ледокол стал энергично крошить толстый лед, чтобы с ходу пройти к темной прорехе полыньи, но при первой же попытке пробиться вперед опять сел на лед. Настроение команды мгновенно испортилось. В перспективе — опять тяжелая, изнурительная работа по обкалыванию и расталкиванию торосистых льдин. В таком беспомощном положении «Седов» был до семи часов утра, как вдруг он резко рванулся назад и грузно осел в студеную воду.

Второй случай сжатия судна во льдах показал, что при данной обстановке немыслимо двигаться вперед. Поэтому до 12 часов дня отстаивались в большой полынье, пока северо-западный ветер не переменился на легкий южный, начавший раздвигать сплоченные ледяные поля.

Снова заработали машины. «Седов» повернул свой нос к долгожданной кромке. Теперь лед был легче вчерашнего, но все же твердый, многогодовалый, количеством в семь баллов. Мы идем медленно — две-три мили в час, лавируя между белыми пловучими островами, пробираясь от полыньи к разводью и наоборот. Сейчас наше направление — на юго-восток,

но при первой возможности, при первой встрече более или менее проходимых каналов мы повернем прямо на восток, непосредственно к Земле Северной.

Долгое время, до захода в тяжелые льды, мы не встречали медведей, даже соскучились по ним. Объясняется это тем, что вследствие морозов покрылись льдом полыньи, в которых любят купаться тюлени. От недостатка воздуха к кромке льда ушла мелкая рыбешка — сайка. За сайкой к кромке бросился морской зверь, а за ним и медведи. Лишь сегодня, попав в разведенные ветрами ледяные поля, мы наткнулись на плывущих в воде медвежиху с двумя большими медвежатами.

Вот уже десятые сутки, как нас покинуло солнце. «Седов» пробирается в сплошном разливе тумана. Идет густой липкий снег, сменяющийся осенней изморосью. До сих пор еще идем не по курсу, а на юго-восток. Теперь на нашем пути может встретиться остров Уединения, но мы должны торопиться, и О. Ю. Шмидт наотрез отказался сделать высадку на этом острове, заявив, что в крайнем случае можно будет сойти на берег при возвращении в Архангельск.

Только теперь выяснилось, какой «подарочек» нам привез «Сибиряков»: большинство членов экспедиции и команды, весь североземельский отряд переболели гриппом, а сегодня занемог и сам капитан — жар, озноб и головная боль. Но упорство Владимира Ивановича не сломить и болезни. Надев на себя теплую шубу, непромокаемый плащ, меховую шапку, он попрежнему торчит на капитанском мостике.

Последние три дня идем курсом к югу. Всякая возможность пробраться на восток, непосредственно к Северной Земле, исключается. Кругом — бесконечные многолетние ледяные поля и молодой, июньский, но чрезвычайно крепкий ледок. Уже чувствуется, что кромка где-то недалеко от нас, но до сих пор еще форсируем огромные ледяные барьеры.

Мы идем к сибирским берегам. Все чаще и чаще стали попадаться ледяные толстые глыбы грязнобурого цвета. Разобьет «Седов» такую льдину, и на поверхность выбрасывается струя желтой мути. По мнению наших специалистов, эти льды — видимо, береговой припай. Где-то совсем близко материк, а мы еще не можем выйти из кромки.

Все события здесь летят с какой-то безумной быстротой. Новая Земля, а тем более Земля Франца-Иосифа кажутся такими далекими, а ведь не прошло еще и девяти суток, как мы покинули Русскую Гавань.

Наконец-то добрались до кромки. Идем полным ходом.

Черный форштевень жадно лижут белые гребни разрезаемых волн. Капитан предполагает в случае благоприятных условий под утро, не доходя до архипелага Норденшельда, между ним и островом Уединения взять курс на север, ибо если пойдем теперешним направлением, то натолкнемся на Таймырский полуостров.

До сего времени «Седов» выбирался из сплошных ледяных полей, разрисовывая на белоснежной скатерти бесконечные зигзаги. По мнению В. Ю. Визе, мы забрались так далеко на север лишь потому, что теплое течение гольфштрема отогнало льды за вновь открытую Землю Визе, на север, создав своеобразный ледяной мешок. Доказательством этому служит то обстоятельство, что, как только мы взяли курс на восток, к Северной Земле, немедленно встретили непроходимый лед. Теперь нам предстоит обогнуть ледяной затор и попытаться чистой водой, с юга, проникнуть к Земле. Снова появились пернатые гости — кайры, чайки и чистики

— Скоро земля,— успокаивает О. Ю. Шмидт: — птицы — верные предвестники недалекой земли.

Близкая арктическая зима свежим морозным дыханием уже дает о себе знать: резкий, свистящий ветер, с острыми иглами молниеносно крутящихся снежинок. На носу судна и капитанском мостике невозможно стоять: захватывает дыхание. Сейчас сила ветра — 9 баллов из 12 возможных. Волны угрюмые, черные, с белыми барашками на гребнях. Утром начало покачивать. В особенности это ощутительно на кратковременных остановках для промера глубины. Если б при таком ветре мы были в Баренцовом море, то пришлось бы перенести основательный шторм.

На небе — свинцовые облака. Солнце лишь на короткие моменты выглядывает из тяжелых, как бы надутых ветром туч. Утром вахтенный штурман заметил на горизонте тонкую кайму земли с двумя бухточками. Мы вначале подумали, что перед нами — острова архипелага Норденшельда, но когда выглянуло солнце, благодаря которому удалось определиться, то выяснилось, что архипелаг находится от нас на расстоянии не менее ста миль. Таким образом стало совершенно ясно, что это какой-то новый, неизвестный островок, но еще не Земля Северная.

Ночью капитан переменил курс, и «Седов» направил свой нос на северо-восток. Если и дальше все будет итти благополучно, то завтра мы сможем увидеть и далекие берега земли, которая когда-то носила имя кровавого царя — Николая Второго.

Наш клуб и столовая, кают-компания, — замечательный барометр настроений, успехов и переживаний. Не нужно итти наверх разглядывать обстановку, в которой находится в данное время «Седов», — стоит лишь посмотреть на лица участников экспедиции, расположившихся на мягких диванах столовой. Когда ледокол застрял во льдах, когда машины стояли, разговоры велись о зимовке, количестве взятых продуктов и одежде. Но как только вышли из льдов, тема разговоров резко переменилась. Все вдруг заинтересовались Северной Землей, ее геологическим строением, происхождением и т. д.

К полудню штурман опять увидел новый остров, который мы назвали именем лучшего ледового капитана — В. И. Воронина. Не останавливаясь, прошли мимо него. Впереди ясно назревают события. Ну, на сегодня довольно—у нас два ценных открытия, два новых, неизвестных миру острова.

Земля северная

23 августа, в час дня, на горизонте появился длинный черный берег какой-то земли.

— Вот она наконец-то, Земля Северная,— с радостной широкой улыбкой заявил В. И. Воронин.

Громкое «ура» было ответом на его слова.

Широкой длинной извилистой лентой раскинулась Земля. В плотной туманной мгле берега кажутся покрытыми гигантскими куполообразными глетчерами, широкими белоснежными руслами ледников. Разбивая многолетние поля, дикий хаос нагроможденных торосов, идет «Седов» к показавшейся вдали черной кайме скал. С капитанского мостика ясно видны отвесы обрывистых, ниспадающих в море гор и птичий базар с кружащимися над ним маленькими точками неугомонных обитателей.

На ледоколе страстные споры — как далеко простирается земля и не принимаем ли мы мираж за длинную цепь глетчеров. Темные скалы гор отчетливо видны, но захлебнувшиеся в тумане ледники сильно смущают членов экспедиции. Поздно вечером, когда огненное солнце низко спустилось к торосам, стало ясно, что большинство глетчеров благодаря рефракции оказались миражами.

Вот чудится, в голубом тумане, где-то вдалеке виднеется черный пунктир — точки скал, вкрапленных в лед. Впечат-

ление подлинной земли, застывшей в тяжелых объятиях ледников. То он пропадает и черные точки оказываются отражением чистой воды, белые же пятна — пловучими полями льда, или же на горизонте за торосистым полем виднеется тихий пруд, спокойная заводь, подернутая легким облачком дымки. Так стелется туман в ясный морозный вечер, над озером где-нибудь под Москвой. За прудом — тонкие стволы стройного леса, блики деревьев, отражающихся в зеркале воды. На момент забываешь об Арктике и мысленно переносишься туда, далеко, где солнце и тепло. Но мираж пропадает. Деревья оказываются отвесом расчерченных морщинами трещин ледников, а тихая заводь — обыкновенным туманом. Этот зрительный обман буквально заставляет не верить своим собственным глазам, которые убеждены в противоположном.

Кругом сплошные ледяные поля. Через несколько дней здесь все замерзнет, сомкнется в одно целое, и тогда уже нам не выбраться к чистой воде.

И действительно, время не ждет. Уже конец короткого арктического лета. Надо высаживать на берег колонистов. Жестокая полярная ночь заморозками, свежим дыханием ветра и первым молодым льдом, крепко сковавшим разрозненные полыньи, настойчиво дает о себе знать.

Но куда?..

Тщетно бродит «Седов» вдоль извилистых берегов Земли, выбирая место, удобное для выгрузки. Но тяжелый торосистый лед забил все проходы. Перевозить на санях стройматериалы и трехгодичный запас продовольствия за несколько километров к берегу — безрассудная мысль. Безумная, изнурительная работа отняла бы добрых пару месяцев.

Утром неожиданно раздвинулся туман, и нашим взорам предстала настоящая Северная Земля с огромными утесами черных гор; мы же находились около мелких островов архипелага. В тот вечер на «Седове» было тихо, как перед грозой. Наше положение было отчаянным: привезли зимовщиков, а куда их высаживать — неизвестно. Кругом гигантские ледяные поля, закрывшие подход судну к берегам.

Вот где была тяжелая, неразрешимая задача для руководства! Колонисты должны быть доставлены на берег. Продовольствие должно быть выгружено и радиостанция отстроена.

Но где? Где бы найти узкую лазейку во льдах, хотя бы щелочку к берегу?

Решение этого сложнейшего вопроса должно быть произве-

дено в боевом порядке: дни пребывания «Седова» во льдах Земли Северной — дни считанные. В капитанской каюте уже давно идет заседание нашего «ревкома»—руководящей тройки и капитана. Там, видимо, никак не могут притти к определенному решению, от которого зависит выполнение задания правительства. Оттуда ползут вниз, в кают-компанию, слухи, мгновенно меняющие, как ветер волну, настроение участников экспедиции.

— Ребята, слышали, Рудольф Лазаревич заявил, что безнадежно искать подхода к земле и что ничего не остается, как итти к Сибири, к Таймырскому полуострову, и там высаживать зимовщиков, с тем чтобы они сами добирались зимой по льдам к Земле Северной.

Растерянный, побледневший Г. А. Ушаков носится снизу вверх, влетает в капитанскую каюту с одним и тем же наболевшим вопросом:

— Ну как, решили?

— Нет, еще не решили...

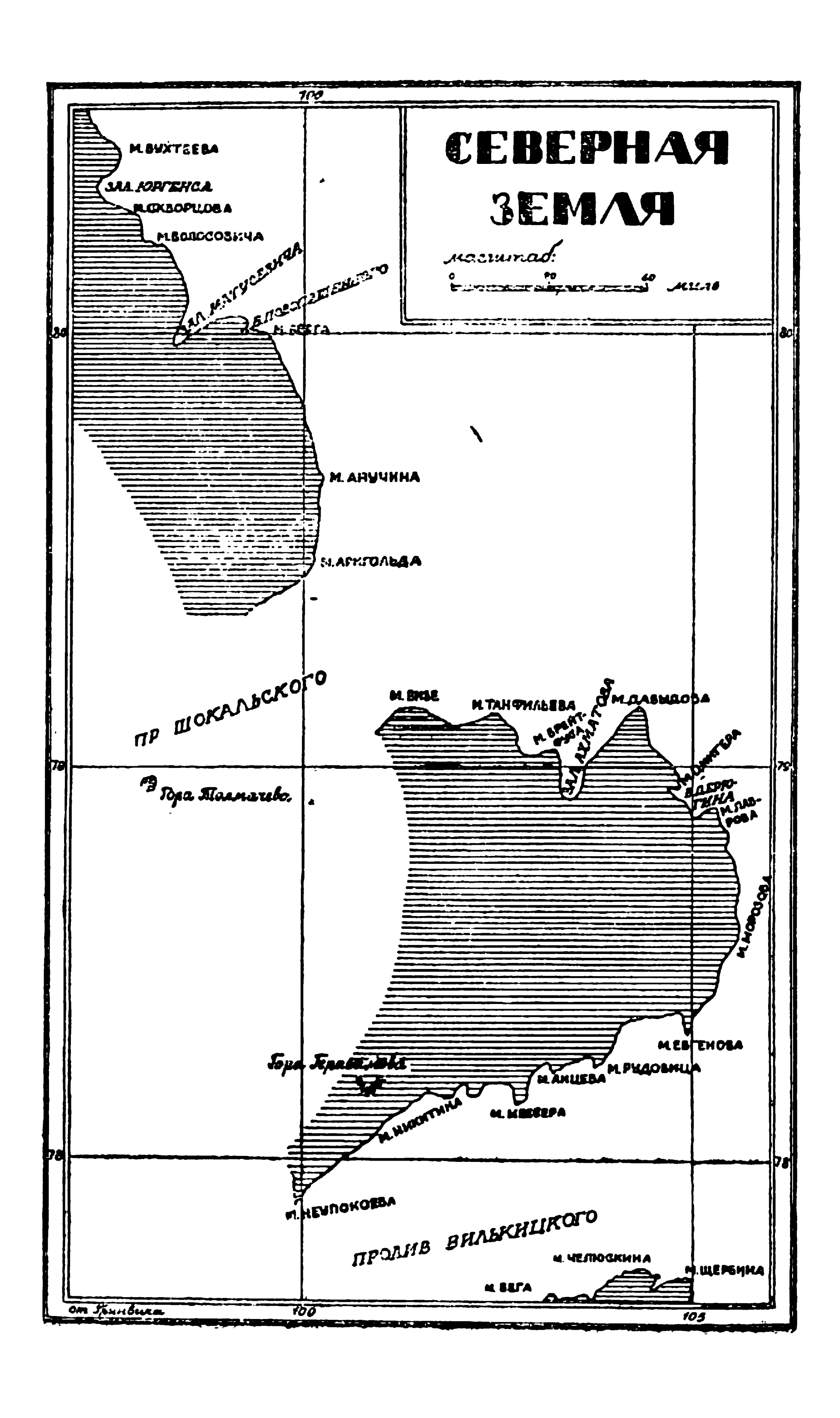
Часы тянутся нудно и продолжительно. Спать никто не идет: у всех до предела возбуждены нервы. Неужели вернемся, не выполнив самого главного?

Лишь в полночь с радостью узнали решение: итти искать, найти во что бы то ни стало удобный подход к земле, взяв за основу предложение Г. А. Ушакова, что далеко к востоку, за выдающимся в море мысом, может быть свободная вода.

Наши ожидания полностью оправдались. По какой-то необъяснимой случайности в ледяной пустыне, среди сплошных ледяных полей, сохранилась спокойная бухточка. Дно оказалось глубоким, и «Седов» легко подошел и остановился метрах в трехстах от берега.

Производить выгрузку здесь было великолепно: широкий мыс служил хорошим препятствием волнам. Мы съездили на берег и осмотрели огромный плоский остров. С общего согласия постройку решили воздвигать около высокого ржавого холма. Там, на горке, у выхода в море — установить радиомачту, а внизу, у подножья, на каменистом наносе отложений — строить жилой дом и сарай для продуктов.

Четкой, ритмичной дробью, торопясь, затараторил моторный катерок. Зарываясь в мелкую волну, с приподнятым кверху носом, быстро полетел он к берегу, таща на канате нагруженный доверху бесчисленными ящиками консервов, мешками муки, обмундированием и углем широкий, вместительный карбас. Прорезав вековую девственную тишину, с берега донесся размноженный эхом первый звенящий удар то-

СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ
масштаб
0
20
40
миля
М. ВУХТЕЕВА
ЗАЛ. ЮРГЕНСА
М. СКВОРЦОВА
М. ВОЛОСОВИЧА
М. АНУЧИНА
ПР ШОКАЛЬСКОГО
Гора Толмачева
М. ВИЗЕ
М. ТАНФИЛЬЕВА
М. ДАВЫДОВА
ЗАЛ. АХМАТОВА
М. ЛАВРОВА
М. МОРОЗОВА
М. ЕВГЕНОВА
М. РУДОВИЦА
М. НИКИТИНА
М. НЕУПОКОЕВА
ПРОЛИВ ВИЛЬКИЦКОГО
М. ЧЕЛЮСКИНА
М. ЩЕРБИНА
М. ВЕГА
100
105
78
80

пора. Северная Земля—таинственное пятно Арктики—стала советской.

Сколько усилий, средств и жизней стоило людям, чтобы преодолеть непроходимые льды, чтобы всего один раз увидеть восточный ее берег! Западная же сторона всегда оставалась мировой загадкой. Как велика эта земля, куда тянется, где границы — вопросы, которые старались разрешить лучшие, испытанные мировые полярные исследователи. Покойный Нансен на «Фраме», наконец Нобиле во время последнего трагического полета дирижабля «Италия» искали неизвестные берега, но все попытки приоткрыть эту завесу оказывались бесплодными. В течение многих десятилетий Северная Земля была неприступна. И впервые в истории завоевания Арктики эту задачу удалось разрешить экспедиции Советского союза. С невероятными трудностями, при отчаянном напряжении команды, с риском застрять во льдах и быть раздавленным в щепы, донес ледокол «Седов» к далеким неприветливым берегам красное знамя Республики.

Четверым отважным исследователям поручило правительство стереть белое пятно, исследовать новую территорию и занести ее на карту. Для этого строится радиостанция, торопятся люди с разгрузкой, нетерпеливо стучат топоры в ловких руках шенкурских плотников. Время для производства работ — самое ничтожное. Уже наступает полярная зима со студеными ветрами, снегом и вьюгами. На работы мобилизованы все — команда, научные сотрудники.

На высоком холме, где предполагается установить радиомачту, упорно врезаются пешни в веками промерзший грунт, в вечную мерзлоту. Застывшие на диком ветру люди настойчиво раскалывают куски льда, склеившего в непроницаемую массу мелкие камни. Пешня с трудом вонзается в застывший грунт, отбивая лишь небольшие кусочки.

Внизу, у подножья холма, в течение двух дней выросли свежий сруб—первое жилище человека на Северной Земле— и легкий фанерный амбар для трехгодичного запаса продуктов. Работа кипела в бурном водовороте. Время пребывания «Седова» в этих водах буквально исчисляется часами. В любой момент может надвинуться и крепко застыть непроницаемая ледяная стена, и тогда путь отступления «Седову» будет отрезан.

Архипелаг им. С. С. Каменева, как мы назвали место первой колонии на Земле Северной, расположен на 79°25′ сев. широты и 91°05′ вост. долготы. Новая страница завоевания беспредельных просторов Арктики открыта.

К вечеру задул страшнейший ветряга. Небо нахмурилось, заходили свинцовые облака. На поверхности мрачного, потемневшего моря быстро забегали белые барашки. Северный ветер мгновенно угнал весь лед на юг.

Капитан забеспокоился.

— Я боюсь, не переменился бы ветер на южный,— сказал он.— Тогда будет плохо, ибо все льды он бросит на нас, и «Седову» придется прикончить разгрузку и спешно сматываться в океан.

Перевозка лесоматериалов на берег стала отчаянно тяжелой. Сильные волны с яростью трепали маленькие шлюпки и с ожесточением перевертывали их. Но, несмотря на это, матросы не бросили работы, ибо поставили себе задачу к 1 сентября закончить разгрузку. К шлюпке на расстоянии двух метров как-то подплыл любопытный морж. Его стукнули по толстому черепу веслом, но оно переломилось пополам, а зверь спокойно ушел под воду.

Густой пушистый снег. Вся палуба ледокола, берег, первые постройки покрылись белой пеленой. Проф. Савич убивается: снежный покров скрыл последние остатки растительности. В Арктике зима продолжается восемь месяцев — с сентября по апрель, затем три месяца — весна, август — лето; осень же продолжается всего два-пять дней, фактически же лето резко переходит в зиму.

В сильнейший ураганный ветер работают люди. Окончательно застывшие плотники все же сутками не слезают с лесов, успев за это время установить стены домов.

С молниеносной быстротой, в течение двух суток, закончена разгрузка. Последними свезли сорок тонн черного ньюкэстльского угля. Дом уже почти закончен постройкой. Три быка мрачно пережевывают смерзшееся сено, обдуваемое снежной пылью.

— Ведь только подумайте,— говорит В. И. Воронин,— просто чудо, как среди бесконечных ледяных полей нам удалось отыскать кусочек свободной воды у самого берега, причем лед вот уже несколько дней не подходит к острову и дает нам возможность разгрузиться и закончить строительные работы. Везет нам в этом году!..

Сегодня проф. Исаченко сделал интереснейшее открытие: в воздухе и почве архипелага С. С. Каменева он не обнаружил ни одной бактерии, несмотря на то, что три раза ставил питательную среду, куда бактерии обязательно должны были бы попасть. Таким образом эта земля — чуть ли не единственная в мире с идеальным состоянием воздуха.

— Сюда бы климат потеплее да солнышко,—говорит проф. Исаченко, — и Северная Земля была бы великолепным курортом, забила бы мировые альпийские горные пансионы, где бактерии, несмотря на значительную высоту местности, все же имеются.

По моей просьбе проф. Исаченко написал мне в дневник:

«Каждая пылинка, разносимая ветром по воздуху, представляет собою целый мир, населенный живыми существами. Чем чище и прозрачнее воздух, тем меньше в нем микроорганизмов, тем беднее «аэропланктон». Поэтому-то горный воздух почти и не содержит бактерий. Воздух архипелага С. С. Каменева совершенно лишен зародышей бактерий и плесневых грибков. Даже при ветре пылинки и снежинки, попадающие в приборы для исследования чистоты воздуха, оказывались совершенно лишенными зародышей каких бы то ни было микроорганизмов. Дальнейшие исследования покажут, содержатся ли вообще микроорганизмы в почве, если так можно назвать измельченную горную породу, покрывающую местами скалистые берега архипелага, или же их и здесь не имеется и все процессы протекают без участия биологических факторов».

Всем составом экспедиции мы отправились на остров водружать радиомачту. Делали это неумело, по-интеллигентски. Инженер Е. Я. Илляшевич предложил поднимать толстое, тяжелое бревно с помощью обыкновенных крючьев — багров, которыми в минуты опасности мы расталкивали льды вокруг судна. В результате, как и следовало ожидать, мачта упала. Тогда придумали другой способ — установить ее при помощи деревянных лестниц—подпорок. Но едва мачта поднялась на 45 градусов, как лестницы под огромной тяжестью переломились, и она грохнулась на землю, едва не раздавив неопытную рабочую силу. Все были страшно расстроены — руки опустились. Казалось, что нет никакого способа установить мачту, без которой немыслим пуск радиостанции. Лишь оператор Новицкий в профессиональном восторге, радостно потирая руки, шептал:

— Вот спасибо, что уронили...

Только поздно вечером инж. Илляшевич, призвав на помощь старшего штурмана, Ю. Н. Хлебникова, и нескольких матросов, соорудив стрелу, легко установил мачту.

Печь в доме почти отделана, крыша зашита досками, сарай обит толем. Работы осталось пустяк, всего на несколько часов. Ветер быстро сменил свое направление на северо-восточное, отчего мы в нервном ожидании прихода больших льдов. Завтра, видимо, удираем домой. Зимовщики спешно заканчивают свои сборы для переезда на остров.

ИХ ЧЕТВЕРО...

Их четверо — крепких неутомимых людей, остающихся на долгую, двухлетнюю, тяжелую зимовку на Земле Северной.

В узком помещении каюты, заваленной картами, книгами, научными приборами и домашним инвентарем, широкоплечий смуглый крепыш, начальник Земли Северной Г. А. Ушаков, поблескивая круглыми роговыми очками, вспоминает свою интереснейшую, яркую событиями жизнь:

— Родился я в 1901 году на Дальнем Востоке, у устья реки Сунгари, в семье амурского казака. Окончив сельскую школу, с трудом пробрался в Хабаровск учиться дальше, при чем сделать это мне пришлось тайком от родителей.

В ситцевой рубашонке, опоясанный веровкой, в синих холщевых штанишках и олочах (китайская обувь), я попал в училище, как ворона на бал. Кругом меня были дети местных заправил — купцов и аристократов — в новеньких форменных кителях. Здесь я впервые с особенной остротой почувствовал ту классовую пропасть, которая отделяла меня от них. Надо мною издевались, тянули за рубаху и называли «мужицкой свиньей». С первых же дней революции я ушел сначала в красную гвардию, а затем, во время интервенции, партизанил в Уссурийском крае в отряде Тетерина-Петрова. В 1921 году, сменив винтовку на книгу, я поступил в Дальневосточный университет, во Владивостоке. Во время меркуловского переворота я вступил в нелегальную большевистскую организацию. Мы выпускали листовки, прокламации и вели большую агитационную работу. В 1922 году, когда усилилась слежка и увеличились кровавые расправы с коммунистами, вся наша ячейка, и я вместе с ней, ушла в Анучинский партизанский район. Вернулись обратно во Владивосток вместе с Красной армией. Первое время я работал избачом в деревне, затем — преподавателем в школах и наконец — агентом Госторга.

Вот с этого-то момента и начал я мечтать об Арктике. В 1926 году я получил назначение ехать начальником острова Врангеля. Со мною отправились 61 человек колонистов с семьями. На острове прожил бессменно три года, построил жилища, организовал самоедов, добыл много ценной пушнины, собрал гербарий (который сейчас обрабатывает академик Комаров), большую коллекцию птиц, насекомых, материал по этнографии эскимосов, режиму льдов и условиям плавания в районе острова. В 1929 году меня снял пароход «Литке».

За проведенную работу я был награжден ЦИКом СССР орденом Трудового знамени.

Короткие экспедиции, походы в Арктику — это лишь небольшие уколы, которые не могут разрешить важнейших задач изучения далекого Севера. Только постоянная научная методическая работа во время зимовок даст ощутительные результаты. Только тогда можно твердо сказать, что Арктика завоевана.

— А теперь,— закончил Г. А. Ушаков,— чего же нам еще недостает? Продовольствия — хватит двухлетнего запаса, энергии — достаточно, а работу — ну, конечно выполним.

Человек исключительной работоспособности, спокойный, уравновешенный, он настоящий тип советского полярника, с редкой настойчивостью выбившийся из серой крестьянской среды и добившийся в любимой им области обширных познаний, выдвинувших его в славные ряды ударников Арктики.

Ближайший помощник Г. А. Ушакова по научной части— геолог Н. Н. Урванцев получил большую известность многолетними исследованиями Таймырского полуострова.

Окончив горное отделение Технологического института, в 1919 году он отправился в низовье реки Енисея для изучения каменноугольных месторождений в связи с практическим осуществлением Северного морского пути. В течение 1920—22 годов он руководил горноразведочными работами на открытом им знаменитом Норильском каменноугольном месторождении. Летом в составе партии в пять человек на рыбачьей лодке он исследовал неизученную реку Пясину, впадающую в Ледовитый океан.

По пути ему удалось найти почту от погибших сотрудников экспедиции Амундсена в 1918 году. Большая часть писем была разграблена медведями, но три больших пакета из водонепроницаемой материи, адресованных Институту магнетизма Карнеджи (Вашингтон) и брату Амундсена, хорошо сохранились. В 50 километрах от этой находки он обнаружил брошенное спальное меховое одеяло, лыжи и палки, свидетельствовавшие о том, что человек шел из последних сил, бросая все лишнее. Наконец на крутом сглаженном каменистом склоне, всего только в полутора километрах от радиостанции Диксон, он нашел скелет норвежца. Повидимому, тот поскользнулся, получил временное сотрясение мозга, от которого потерял сознание, и, будучи совершенно истощенным, вскоре замерз.

За эту экспедицию и находку Н. Н. Урванцев был награж-

ден Географическим обществом золотой медалью им. Пржевальского и золотыми часами от норвежского правительства.

В том же году он открыл в Норильском районе, в устье реки Енисея, богатейшие полиметаллические месторождения руд с содержанием платины, после чего был назначен старшим инженер-геологом Геолкома СССР и ученым секретарем Института цветных металлов. В 1928—29 году Урванцев проделал огромный, длиной более 8 000 километров, маршрут на лошадях. оленях и шлюпке в Хантайском и Таймырском районах, где обнаружил ряд новых полиметаллических месторождений, а на Таймырском полуострове — громадный угольно-рудный бассейн.

— Очевидно, Земля Северная,—говорит Н. Н. Урванцев,— является частью Таймырского полуострова, которая отделилась от него в сравнительно недавнее время (в послеледниковый, четвертичный период). Как известно, этот полуостров— богатейший по своим минеральным богатствам на всем крайнем Севере. Там одного каменного угля, по самым скромным подсчетам, более четырех миллиардов пудов. Таким образом вытекает, что колоссальные богатства могут таиться также и в занесенных снегом недрах Северной Земли. Вот эту-то важнейшую задачу мне и придется разрешить.

Мы с Ушаковым взяли два года как минимальный срок. Если потребует от нас Республика, мы с великой радостью останемся и еще дольше, но задание выполним. В этом я твердо уверен.

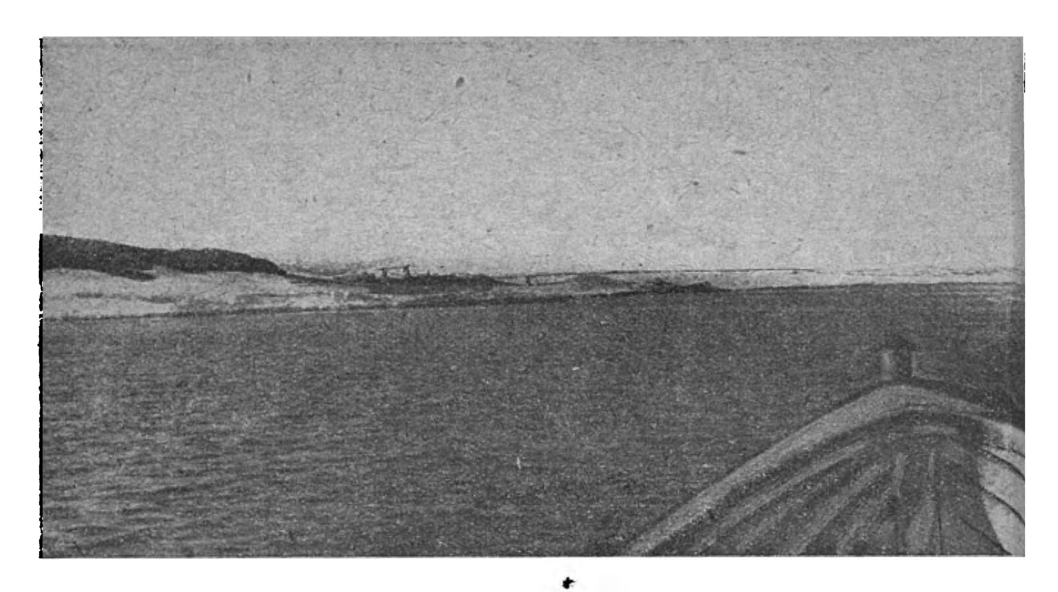
Эти слова произнесены просто и искренне.

— Покидая ледокол,—продолжает он,—я подал заявление о принятии меня в ряды ВКП(б). Я надеюсь, что большевик Г. А. Ушаков сумеет меня политически воспитать и помочь сделаться активным борцом за социализм.

Третий колонист Земли Северной—22-летний комсомолец, радист Вася Ходов, бывший председатель Ленинградской секции коротких волн — будет тем связующим звеном, которое соединит североземельский отряд с материком. Он уже договорился с ребятами в Ленинграде, чтобы они его слушали и установили регулярную связь. На новой рации установлены бензиновый мотор в 2,5 л. с., типа Дуглас, динамо в 1,5 киловатта и новейший передатчик, с постоянным возбуждением, стабилизацией и т. д. Работать он предполагает три раза в сутки по два часа и в течение этого времени для опытов будет переходить на разные длины волн — от 20 до 70 метров. Этим путем он думает подыскать наиболее выгодную волну и время для постоянной работы. На крыше

„Седов“ зажат льдами. Матросы распихивают глыбы, напирающие на ледокол

Двухгодичный запас продовольствия, оставленный колонистам Земли Северной

Остров С. С. Каменева—место колонии на Земле Северной

Первое потомство на Земле Северной—щенки ездовых собак

дома будет установлен пропеллер, с помощью которого приводится в действие динамомашина.

— Самая сложная у меня задача,— говорит Вася,— это научить Ушакова и Урванцева азбуке Морзе и умению обращаться с радиоаппаратом. Для них это совершенно необходимо, так как во время больших исследовательских экскурсий на санях будет устанавливаться походная рация для связи с основной базой. За это они обещали научить меня обращению с метеорологическими приборами, ибо во время экскурсий метеообслуживание будет возложено на меня. Остаться на два года среди льдов меня не страшит. Работа интереснейшая, да и люди подобрались хорошие. Если проживем дружно, то и результатов добьемся больших. А шансов на сплоченную семью у нас много.

Наконец последний член колонии — зверобой С. П. Журавлев, в течение 25 лет промышлявший на Новой Земле,— великолепный охотник, блестящий стрелок, с большим практическим знанием зимовки на крайнем Севере.

— Мне что,— бравируя, говорит он,— я привыкший. Мне хоть у чорта на рогах зимовать...

Вся четверка исключительно спаяна товарищеской дисциплиной, горячо убеждена, что добьется хороших результатов в своей труднейшей работе. И этому невольно веришь. Люди, тесно связанные со всей советской общественностью, с таким колоссальным запасом бодрости, стальными нервами, заряженные подъемом социалистического строительства, впервые в мире с огромным энтузиазмом берущиеся за тяжелейшую задачу, поставленную перед ними партией и правительством Советского союза, и работающие под их руководством, не могут не довести дела до конца.

За двухлетнюю зимовку необходимо выяснить размеры, произвести засъемку неизвестной земли, наладить геологическую разведку, гидрометеорологические и аэрологические наблюдения, организовать сбор материалов по фауне и флоре, а также выяснить возможность колонизации и организации промыслов.

В первое время по уходе «Седова» североземельский отряд примется за приведение в порядок запасов продовольствия, установку научных приборов, за подготовку к предстоящим санным экспедициям. По окончании полярной ночи, весной, Ушаков и Урванцев, в целях производства маршрутной съемки, отправятся в продолжительный поход, сроком на четыре месяца, на санях и собаках, с расчетом пройти не менее 1 200 километров. В виду того, что сразу не удастся

забрать все необходимые запасы продуктов, придется еще осенью в полярные сумерки, при свете луны создать на пути следования промежуточные продовольственные базы, для чего будет организовано несколько дальних поездок.

На промышленника Журавлева возлагается вспомогательная работа — сопровождать основную экспедицию в начале пути, встретить ее и находиться в постоянном контакте с радиостанцией, где будет работать радист Ходов.

Во второй год зимовки предполагается второй грандиозный маршрут и два пересечения Земли Северной, а в лунные дни полярной ночи — совершить ряд поездок расстоянием до 250 километров от жилья.

Новым колонистам выстроен прекрасный дом 6 × 6 метров, состоящий из жилой комнаты и кухни. В целях экономии места устроены подвесные кровати, одна над другой, складные стол и стулья. На берег перевезена обширная библиотека и ветряной двигатель для электрического освещения. Продуктами колонисты обеспечены на 30 месяцев. Здесь мука, разные крупы, сахар, сушеное молоко и овощи, в качестве противоцынготных средств — лук, чеснок, а на время дальних экскурсий — специальное концентрированное питание (пеммикан), доставленное из Дании, галеты, а также шоколад, обыкновенный и мясной.

Полярная одежда приспособлена к жестоким арктическим морозам. Здесь совики, шапки с двухсторонним мехом и густой опушкой, через которую едва видно лицо, пимы, валенки, теплое белье и т. д. Помимо этого, зимовщикам переданы лыжи, норвежские нарты, гренландская упряжь для собак, моторный бот, оружие, 10 000 штук патронов, капканы, кино-фотоаппаратура, сорок тонн угля, а также большое количество научных приборов для метеорологических, астрономических наблюдений и топографической съемки.

Советское правительство не пожалело средств для того, чтобы предоставить возможно лучшие условия для зимовки четырем своим передовым гражданам, отважным исследователям, воодушевленным задачами великого строительства.

по дороге к теплу, к солнцу...

Был пасмурный холодный арктический день. Хмурые седые облака, словно нерасчесанная борода, клочьями блуждали по темному небосклону, совершенно закрыв тусклое, негреющее светило.

В этот неприветливый день мы покидали наших друзей — колонистов Земли Северной. На берег съехалась вся экспе-

диция и команда. Даже повар, забыв на время свой ансамбль бесконечных кастрюль и сковородок, жмет руку тем, что заживо хоронят себя в ледяной пустыне.

Заботливым хозяйским глазом в последний раз окидывает О. Ю. Шмидт новые постройки, чистенький, терпко пахнущий амбар, груду угля, штабели дров и острые мордочки уже свыкшихся с новой обстановкой самоедских лаек. Все в порядке. Все сделано для того, чтобы предоставить максимум удобств четырем скромным, незаметным героям во время двухлетней зимовки во льдах.

В стороне от постройки, привязанные к штабелям дров, под злополучной, неизвестно для чего захваченной искусственной пальмой Новицкого нудно мычат коровы. Любимец судового повара — ездовая лайка Мишка, положив ему лапы на грудь, жалобно, по-человечьи воет в фартук. Все собаки еще до сих пор грязны, ибо предпочитают спать не в сенях дома, а на куче угля.

Маленький короткий митинг, без красивых речей и лишнего пафоса. Несколько душевных, простых, теплых слов, пожеланий — и на Земле Северной открылось первое советское поселение, новая правительственная радиостанция.

Вернулись на ледокол к последнему общему чаю. О. Ю. Шмидт передает Г. А. Ушакову мандат на право управления архипелагом Земли Северной.

Правительственный комиссар
Земли Франца-Иосифа
и
Земли Северной.
№ 102.

МАНДАТ

Георгий Алексеевич УШАКОВ назначается начальником Северной Земли и всех прилегающих к ней островов, со всеми правами, присвоенными местным административным органам советской власти.

Г. А. Ушакову предоставляется, в соответствии с законами СССР и с местными особенностями, регулировать охоту и промысла на вверенной ему территории, ввоз и вывоз всяких товаров, а также устанавливать правила въезда, выезда и пребывания на Северной Земле и островах иностранных граждан.

Правительственный комиссар Земли Франца-Иосифа
и Земли Северной *О. Шмидт.*

Все сидят молча, разговор не вяжется.

Ушаков и Урванцев внешне совершенно спокойны: ни один мускул не дрогнет. На лицах — натянутая, окаменелая ма-

ска. Лишь изредка бросают они друг другу острый, пронизывающий участливый взгляд, точно пытаясь спросить: «Ну как, друг, успокоишься, перенесешь?»

Промышленник Журавлев, как обычно, весел. Он привык ежегодно бросать семью, детей и зимовать в одиночестве. У молодого радиста Васи Ходова насупились брови и нервно подергивается уголок губ.

Проф. Исаченко, пытаясь рассеять тяжелую атмосферу, хоть на минуту отвлечь мрачные мысли, с деланной живостью, пересиливая себя, сообщает:

— Ваш остров будет знаменит тем, что здесь, впервые в мире, в воздухе и в земле совершенно нет бактерий и плесневых грибков.

Это интересное сообщение, сделавшееся бы раньше богатой темой горячих обсуждений, сегодня не имеет заслуженного успеха, не производит впечатления.

Ко мне быстро подходит Г. А. Ушаков и передает исписанный карандашом лист бумаги.

— Передай, пожалуйста, по радио на материк.

В этот день в туманную даль полетела следующая радиограмма:

«Москва, «Известия».

Флаг, рдеющий над Кремлем, взвился и над таинственной Северной Землей, до сих пор остававшейся белым пятном на географических картах. Горжусь доверием советского правительства и трудящихся СССР и обещаю быть вместе с товарищами достойным этого доверия. Сквозь льды, снега, туманы и полярные метели будем продвигать все дальше и дальше к северу серп и молот на алом поле.

Северная Земля будет исследована, задания будут выполнены.

Начальник североземельского отряда ***Георгий Ушаков*»**.

Третий гудок. Пора торопиться. Резким, нервным движением поднимается Г. А. Ушаков, окидывает всех быстрым взглядом своих черных глаз и решительно протягивает О. Ю. Шмидту обветренную, загорелую руку. Наш милый капитан прижимает его к груди, трогательно расцеловывает, словно оставляет на зимовку своих горячо любимых детей.

Внизу, у трапа, затрещала моторка. Все уже в лодке. Последним осторожно спускается с банкой зеленого растеньица в руках побледневший Урванцев.

«Седов» дает тихий ход, и медленно в тумане поплыла и скрылась моторка с крошечными, машущими руками фигурками.

Мы снова среди льдов и вековых торосов. Но на этот раз стоит спокойная солнечная погода. Далеко к северу тянется длинная полоса свободной, чистой воды.

— Может быть, пройти дальше к северу, чтобы проследить дальнейшее простирание архипелага Земли Северной, побывать в водах, не посещенных до этого времени ни одним судном в мире, и провести ряд научных работ?

Но это предложение встречает резкий отпор со стороны капитана.

— Отто Юльевич,— решительно заявляет он,— задание правительства мы выполнили с честью — сменили зимовщиков Земли Франца-Иосифа, построили дом и оставили первых колонистов на Земле Северной. Зачем же еще рисковать идти к северу? Ведь сейчас нам дорог каждый час, каждая минута: зима уже на носу. В любой момент сомкнутся поля, и тогда мы наверняка застрянем на зимовку и тем самым сорвем блестящий финал всего похода.

Доводы капитана как будто бы убедительны. Но уговорить О. Ю. Шмидта повернуть ледокол назад в тот момент, когда представилась счастливая возможность пробраться в неведомую область, увидеть то, что не удалось никому из полярных исследователей, не так-то легко.

— Раз сводка погоды показывает, что еще один день в нашем распоряжении, то этот день мы должны, мы обязаны использовать, — говорит он. — Зачем рисковать? А разве весь наш поход в Арктику — не отчаянный риск? Ведь вас, Владимир Иванович, этот риск в свое время не остановил от участия в экспедиции? Так в чем же дело? Рискнем еще раз, нам это не впервые....

И мы рискнули: мы направились к северу. Капитан забрался на мостик, и его властный угрюмый голос твердо, как всегда, раздавался в непоколебимом ледяном безмолвии: все сомнения были позади.

Весь день, впервые за всю экспедицию, ледокол шел по прямой стреле, не изменяя направления. Кругом—ни льдинки, ровная поверхность воды с чуть волнистым профилем. Глядишь на море и забываешь о том, что со всех сторон, далеко за горизонтом, должны быть тяжелые ледяные поля, сквозь которые придется еще пробиваться «Седову». Мы, видимо, попали в гигантскую полынью. Дувшие за последнее время северо-восточные ветры отогнали кромку льда далеко на запад и юг.

Лишь к вечеру стали появляться небольшие разрозненные поля, между которыми «Седов» спокойно лавировал. В че-

тыре часа ночи, когда ледокол достиг 81° сев. широты, В. И. Воронин, спускаясь с капитанского мостика, сообщил, что сквозь сильный туман видна длинная белая опухоль огромного глетчера, увеличенная в своих размерах благодаря рефракции. Когда подошли ближе, все сомнения отпали: перед нами был мощный ледник, покрывающий один из островов Северной Земли. За это говорили и глубины, достигавшие всего лишь 53 метров. Даже Вилькицкий, открывший эту землю, не предполагал, что она так далеко может простираться на север. Этот новый остров был назван именем руководителя экспедиции — О. Ю. Шмидта.

Мы решили на берег не высаживаться, ибо это задержало бы нас на полсуток. К тому же подход к земле был загорожен плотным многолетним ледяным полем. Поэтому, закончив научные наблюдения, мы окончательно повернули к югу.

Итак, продвижение «Седова» на север закончено. Теперь мы идем назад, к Архангельску, выбирая новые, неизвестные пути, делая по дороге многочисленные остановки для научных целей. В трюмах еще имеется 25-суточный запас угля, дающий возможность не торопясь вести важнейшие наблюдения в неизвестных водах.

Получили радиограмму от новых колонистов Земли Франца-Иосифа, в которой они сообщают, что всходы в парниках великолепные, температура в теплицах плюс 25° и что они скоро надеются иметь свою зелень.

2 сентября «Седов» опять залез в тяжелый лед, настолько тяжелый, что В. И. Воронин, безнадежно махнув рукой, заявил старшему штурману:

— Кончено. Надо пробираться к колонистам Земли Северной на зимовку....

Кругом было жуткое ледяное поле. «Седов» отходил назад и безрезультатно бросался на лед. Но, облегченный от груза, он уже не мог достаточно упорно бороться.

Солнца совершенно не видно, но облака — красного, кровяного цвета. Даже вода, и та стала багровой. Во множестве плавают нерпы и гренландские тюлени.

Ночью произошло интереснейшее событие: «Седов» прошел через то место, где на картах всего мира указано местоположение острова Уединения, не заметив ни малейшего намека на землю. Где этот безлюдный остров, теперь даже сказать трудно, — во всяком случае не там, где он отмечен в морских лоциях. Таким образом предполагавшаяся целая экскурсия не могла состояться за отсутствием объекта

для исследования. Видимо, на нашу долю выпала задача не только открывать, но и «закрывать» острова. Лишь много позднее, в Ленинграде, при сверке определений координат оказалось, что наши исчисления были не верны и «Седов» прошел не через остров Уединения, а несколько восточнее его — миль на шестьдесят.

Утром «Седов» выдержал последнюю борьбу с ледяными полями, по мере продвижения ледокола становившимися все реже и реже. К трем часам дня навстречу нам попадались лишь жалкие, обглоданные волнами осколки торосов, а к вечеру ледокол вышел в чистую воду. Нам пришлось наблюдать исключительную по красоте картину. Под ударами волн мертвой зыби огромные ледяные поля превратились в мелко битый лед, в ледяной гравий, так называемую «шугу». Под управлением невидимого дирижера лед танцует причудливый, строго ритмичный, замечательно эффектный танец. Огромное ледяное месиво кипит, варится в гигантском котле. Блестящая дорога яркого солнца скользит по клокочущему вулкану, до боли в глазах отражаясь в миллионах снежных кристаллов.

Едва вышли из кромки, как облегченный, истративший большую часть запасов угля ледокол начало качать. Поднялся ветер силою в 8 баллов. За время похода и долгого пребывания во льдах от этого совершенно отвыкли. Как-то странно чувствовать опять живой, колеблющийся пол под ногами и шатающиеся стенки кают.

Мы, видимо, попали в период осенних штормов. Вот уже два дня, как беспрерывная нудная, оставляющая какую-то тяжесть в голове качка не прекращается. Особенных волн и не видишь, но облегченный ледокол обессиленно болтается во все стороны.

— Мертвая зыбь в океане, — говорят старые моряки.

На последнем совещании руководящей тройки было решено зайти в Русскую Гавань, чтобы закончить топографическую съемку бухты, имеющей огромное значение для стоянки плавающих в северных водах судов.

Вот уже полсуток, сбросив пар, дожидаясь прояснения погоды, мы дрейфуем около берегов Новой Земли. Сильный туман и мелкий снег не дают возможности ориентироваться и безопасно, мимо отмелей, войти в Русскую Гавань. Грязные, мрачные карские воды сменились изумительной темной лазурью Баренцова моря. Во время похода уже два раза по часу приходилось переставлять часы вперед. Теперь постепенно возвращаемся к обычной жизни. Стрелка — лучший

показатель близости материка — уже перешла на час назад. В серой дымке тумана после долгомесячного перерыва увидели неясные контуры небольшого парохода. Это, видимо, был один из промышляющих в этом районе зверобоев Ленгосторга.

У нас недостаток пресной воды. Вот уже несколько дней, как мы пьем какую-то ржавую бурду, противную и подсоленную, которую даже трудно назвать водой. Чай, суп — все подсоленное, а когда умываешься, желтая ржавь противно лезет в рот и щиплет глаза.

Начальник Земли Франца-Иосифа И. М. Иванов по радио сообщил, что новые зимовщики уже приступили к изучению своей обширной территории. Ими была совершена большая экскурсия на моторном боте к острову Нансена и острову Кетлиц, где они нашли в большом количестве оленьи рога — доказательство существования на архипелаге еще до сих пор нигде нами не обнаруженных животных.

Рано утром рассеялся туман, что дало возможность «Седову» подойти к берегам Новой Земли. Бросили якорь в исторической, благодаря нашей недавней встрече с ледоколом «Сибиряковым», бухте Русской Гавани.

Мы немедленно приступили к изыскательным работам и топографической съемке бухты — великолепной стоянки для судов. Р. Л. Самойлович уже успел обнаружить изломанный дикими ветрами крест—знак астрономического пункта, установленного Г. Я. Седовым в 1913 году. По распоряжению В. И. Воронина плотники сооружают на высоком скалистом острове птичьего базара деревянный опознавательный знак, прекрасно видимый с открытого океана.

На рассвете О. Ю. Шмидт, инженер Е. Я. Илляшевич, Л. Муханов и я с целью производства маршрутной съемки отправились в большую двухдневную экскурсию с ночевкой в глубь Новой Земли, с восхождением на наиболее высокие, выдающиеся над окружающей местностью обрывистые вершины. С собою забрали легкую походную парусиновую палатку, меховые двуспальные мешки, примус, консервы, галеты и т. д.

Нашей целью было достигнуть водораздела, попытаться с вершины горного хребта увидеть противоположный берег Новой Земли и «ледяной погреб», как называют Карское море. Но едва мы достигли водораздела, как нас застигла жестокая снежная буря, с сильнейшим штормовым ветром, совершенно закрывшая горизонт, не дававшая возможности видеть в двадцати шагах впереди идущего товарища.

После 57-часовой почти беспрерывной ходьбы, совершенно обессилев, мы вернулись на ледокол, где нас с нетерпением ждали товарищи.

На следующее же утро «Седов» вышел из Русской Гавани, взяв направление непосредственно на Архангельск. Итак, арктическая экспедиция блестяще закончена. Теперь в обратный путь, скорее домой. Седовская машина, обыкновенно делавшая до 10 миль в час, теперь неожиданно почувствовала резвость, выгоняя более 11,5 мили.

— Старая лошадка в конюшню спешит, — смеются кочегары, — наработалась вдоволь. Подумай только, сколько она ледяных полей вспахала!

«Мудрая» метеорология предсказывает спокойную погоду, но уже сейчас в трюме от качки с грохотом летят ящики с коллекциями экспедиции. В моей каюте опрокинуло прибитый к стене стол. Тяжело переваливаясь с бока на бок, зарываясь носом в волну, клубя густым черным дымом, оставляя за собою широкий вспененный след, несется «Седов» наперекор стихиям по дороге к теплу, к югу.

Редкую, исключительную картину удалось нам наблюдать. Вахтенный штурман сообщил, что у носа ледокола появилась стая касаток — огромных морских зверей из семейства дельфинов. Действительно, около десяти громадных касаток, следуя за ледоколом, весело играли, кувыркались у самой поверхности воды, часто выпрыгивая в воздух. Словно гигантские черно-белые полосатые торпеды, энергично бороздили они разбушевавшийся океан, искусно владея своим упругим, эластичным телом. Они, кажется, были единственными существами, кому в тот момент была по душе непогода и сильный шторм. Они были в своей родной стихии и, не обращая внимания на «Седова», неуемно резвились в волнах, как дети на ласковом солнце.

Убить их с ледокола конечно не представляло никакого труда. Это, собственно, и нужно было бы сделать, ибо касатки Ледовитого океана — совершенно не известный науке и неизученный зверь. Но сильный шторм все равно не позволил бы спустить шлюпку за тушей: ее неминуемо разбило бы о борт. Единственно, что успели сделать, — это запечатлеть на кинопленку столь редчайшие кадры.

Подгоняемый попутным ветром, несется «Седов» к своей конечной цели — Архангельску. Скрывавшееся в течение нескольких суток солнце не давало возможности определить ледоколу свое местоположение. Каково же было наше изумление, когда мы ранее предполагаемого срока увидели мер-

пающие огоньки маяка Святого Носа, расположенного у входа в Белое море!

Наступили первые темные звездные ночи, такие, как мы их оставили перед началом похода. Бледной светлозеленой струей света вспыхивали первые огни северного сияния. На палубу легли яркие пятна электрических ламп. И впервые «Седов» расцветил себя красно-зелеными световыми сигналами.

На спардеке в темноте медленным шагом прохаживался О. Ю. Шмидт. У трубы на корточках сидели матросы и пели что-то весьма грустное. Почему же грустное? Ведь впереди — радость приезда и встреч. Ведь «Седов» вырвался из крепких объятий льда. О зимовке ведь все уж забыли и думать.

А пели грустное потому, что прощались с Арктикой, с ее никогда незабываемыми девственными красотами, с бесконечными ледяными полями и тончайшими узорами айсбергов. Пели грустное потому, что за этот короткий срок полюбили суровый, жестокий Север своеобразной любовью, любовью, которая проснется при первом же вопросе: «А кто из вас, товарищи, хочет плыть в Арктику?» Семьдесят пять больных доставлял «Седов» в Архангельск, больных особо упорной и навязчивой болезнью — Севером.

Из года в год, всю жизнь человека будет тянуть в Арктику, в экспедицию, хоть не надолго.

Последнюю ночь шел «Седов» вдоль безлюдных плоских берегов Кольского полуострова. Миновал Сосновецкий маяк и зеленую кайму хвои острова Моржовец. Мы на широком проторенном торговом тракте. Навстречу, пыхтя и отдуваясь, шли загруженные доверху иностранные лесовозы.

Вышло яркое праздничное солнце. Кокетливо спряталось за белое облачко и опять взглянуло на маленький пловучий островок Советов. Быстро стало теплеть. Люди скидывали тяжелые меховые авиационные шубы, фуфайки и непромокаемые сапоги. И в первый раз за всю экспедицию к последнему завтраку вышли бритые, причесанные и в белых воротниках.

По палубе бьют ледяные потоки воды, поливаемые из пожарного шланга: это «Седов» наводит на себя красоту.

Пловучий маяк у входа в Двину, узкая кривая улица дельты, военный порт, судоремонтный завод, лесные склады, рабочие районы Маймаксы, Кузнечихи, Соломбалы — все мимо, мимо...

Впереди на пристани — черные точки тысяч встречающих.

С берега чем-то машут, кричат, несутся звуки оркестра. «Седов» отвечает хрипом гудка. Последняя судорога замирающих машин, и вниз летит вызывающе-громкая команда:

— Стоп!

Поход ледокола «Седов» в страну ледяного безмолвия — закончен. Молодая республика пролетариата вписала новую блестящую страницу в историю завоевания Севера.

Мы присутствовали на историческом событии «гибели Арктики». Арктики таинственности, Арктики романтики, фантастики и приключений уже не существует.

Есть гигантская, еще мало исследованная область, куда уже проникли и где закрепились большевики, вооруженные новейшими достижениями науки и техники.

научные работники о результатах похода „седова“

Начальник экспедиции проф. О. Ю. Шмидт

Правительственная арктическая экспедиция, как и прошлогодняя, блестящим примером показала глубокое внимание советского правительства к изучению и развитию нашего далекого Севера.

За несколько лет советской властью сделано больше, чем царской за все время. Создание в прошлом году самой северной в мире научной радиостанции на Земле Франца-Иосифа имело мировое научное значение и в то же время на деле закрепило за нами эту территорию. Одновременно то же дело на востоке выполнено станцией на острове Врангеля.

В этом году возведен венец свода наших станций, опоясывающих полюс,—построена станция на Северной Земле, не доступной ранее, посредине, между островом Врангеля и Землей Франца-Иосифа. Сеть этих станций, вместе с рациями на Новой Земле и Ляховских островах, даст теперь твердую основу для предсказаний погоды на материке, обслуживания сельского хозяйства и в то же время будет служить опорой для всестороннего исследования приполярных земель и морей. Мы положили начало советскому зверобойному промыслу в морях, ранее вовсе не посещавшихся. Наблюдения станций надо льдом немного облегчат работу Карской экспедиции, значение которой с каждым годом растет, связывая Сибирь с заграничными рынками. Вообще северное плавание облегчено многочисленными промерами глубин, исследованиями течений (которые мы произвели в большей части моря впервые), равно как и установлением удобных гаваней.

Главная цель экспедиции этого года — расширение станции на Земле Франца-Иосифа и смена зимовщиков, с одной стороны, и достижение Северной Земли, постройка там станции и оставление зимовщиков — с другой. Обе задачи удалось выполнить, несмотря на огромные трудности. На ряду с этим выполнены и другие работы, которые имеют немаловажное значение.

Северную часть Карского моря, доселе пустую на картах, мы населили шестью открытыми нами отдельными островами и группами островов, в том числе Землей Визе, решающей теоретически и практически важную проблему направления движения льдов и дрейфа судов. Кроме упомянутых измерений глубин, произведены подробные, давшие интереснейшие результаты исследования состава воды, ее населения, животного и растительного, а также дна.

Опровергнув скептицизм многих, успех наших экспедиций по-новому ставит вопрос о технике полярных исследований. Раньше предпочитали небольшие деревянные суда яйцевидной конструкции («Фрам», «Мод»), которые храбро замерзали во льдах и во время длительного плавания и зимовья героически работали в тяжелых условиях. Теперь видно, что современный ледокол, управляемый опытным капитаном и ледовым специалистом, имея на борту разносторонних ученых, связанный по радио с сетью северных метеорологических станций, может в два месяца, без зимовки, сделать больше иной длительно зимующей экспедиции.

Однако дело далеко не только в технике. Огромное значение имеет еще крепкое руководство, тесная связь со всей советской общественностью через прессу и радио, мощная моральная поддержка с ее стороны, энтузиазм всех участников, не допускающих мысли о неисполнении задания своего советского правительства.

Проф. В. Ю. Визе

Одной из главных задач арктической экспедиции являлось исследование северной части Карского моря, представлявшей собою белое пятно на карте.

До нашей экспедиции не были известны ни восточные границы этого моря, ни глубины, ни гидрометрический режим. Только корабль «Св. Анна» во время ледового дрейфа в 1913 году произвел в северо-западной части этого водоема несколько измерений глубины. Многочисленные произведенные нами измерения глубины показали, что северная часть Карского моря полностью лежит на материковой отмели. Глубины колеблются здесь от 100 до 150 метров, уменьшаясь по направлению к сибирскому берегу. Дно моря — неровное, образует впадины и возвышения. Часть последних выходит на поверхность моря, как, например, открытая нами Земля Визе.

В северной части Карского моря экспедицией были сделаны четыре гидрологических разреза из 25 станций. На каждой станции измеряли температуру воды; на различных глубинах брались пробы, которые гидрохимиком экспедиции А. Ф. Лактионовым исследовались и частью еще будут исследоваться на содержание хлора, кислорода, фосфатов и т. д. Дальнейшая обработка этого богатого материала позволит вывести заключение о течениях в научном отношении впервые открытого моря, а также об условиях органической жизни в арктических водах.

Обнаруженные в северной части Карского моря ледовые условия оказались истекшим летом весьма благоприятными, полностью подтвердив данный мною еще весной прогноз ледовитости.

Северную часть Карского моря посетил в 1928 году на дирижабле «Италия» Нобиле. Сравнение результатов его экспедиции с результатами, добытыми «Седовым», показывает, какие ничтожные возможности для научной работы дают воздушные арктические экспедиции. Даже такие задачи, как обнаружение суши, сплошь и рядом являются неосуществимыми с воздушного корабля. Нобиле пролетел совсем близко от Земли Визе и острова С. С. Каменева, но не видел их вовсе.

Работами экспедиции «Седова» разрешен ряд вопросов, которые нам ставила Арктика. В одно только лето разрешить все вопросы конечно нельзя. Но начатую нами работу будут продолжать оставшиеся на зимовку на Северной Земле Г. А. Ушаков и Н. Н. Урванцев.

Проф. Р. Л. Самойлович

Программа нашей экспедиции была столь обширна, что трудно было думать, удастся ли нам ее выполнить в течение одного навигационного периода. Однако нам удалось не только полностью осуществить поставленную перед нами цель, но и выполнить ряд весьма важных дополнительных работ.

Причина заключается в твердой воле всех участников выполнить во что бы то ни стало задание правительства, в дружной работе всех, любви к делу и наконец в пользовании активным кораблем-ледоколом. На нем мы прошли более пяти тысяч миль, нередко при весьма тяжелых условиях, и только ледокол мог дать нам возможность посетить в одно лето Землю Франца-Иосифа, Новую Землю и Северную Землю, при чем плавание сопровождалось крайне важными географическими открытиями. Наша давнишняя мечта воплотилась в жизнь: мы не только установили западное побережье Северной Земли, но оставили там на зимовку четырех наших лучших товарищей. На мою долю выпала великая радость участвовать не только в общем руководстве экспедицией, но и вести геологические

исследования, а также изучение придонных отложений, которые извлекались специально построенным в Институте Севера прибором.

Геологические данные крайне интересны хотя бы по одному тому, что они собраны на вновь открытых землях и островах. Удалось пополнить наши знания по геологии Земли Франца-Иосифа, установить строение Земли Визе, собрать материал на Северной Земле. Во время плавания я собрал в 25 точках придонные отложения, расположенные в самых северных широтах, которые не посещало ни одно судно до нас. Анализ этих проб даст возможность судить о колебаниях суши и моря в отдаленные эпохи, об изменении климата и пр.

Геологические работы сопровождались топографической съемкой местности, произведенной геодезистом Войцеховским. Он же определял астрономические пункты. Таким образом мы сможем дать карты посещенных мест.

Словом, я могу сказать, что экспедиция этого года была одной из самых интересных, в которых я участвовал когда-либо. Будем надеяться, что в дальнейшем нам удастся продолжить наши работы с таким же успехом.

Проф. Исаченко

Советская арктическая экспедиция этого года дала богатейшие научные результаты.

Во время похода были произведены разносторонние биологические наблюдения, собран обильный ценнейший материал о таких отдаленных областях Арктики, которые до сих пор не были посещены человеком. Северная часть Карского моря — это необходимо особенно подчеркнуть — впервые была подвергнута разностороннему исследованию, при чем собран обширный материал по планктону (работа т. Ретовского). Удалось добыть мелкие растительные и животные организмы, встречающиеся в море с поверхности до дна. Благодаря тому, что одновременно со сборами организмов велись наблюдения за температурой, соленостью и реакцией воды (работа А. Ф. Лактионова и В. Ю. Визе), представляется возможность вывести заключение об условиях, влияющих на распределение организмов в этом море. Были собраны диатомовые водоросли, покрывающие полярные льды желтыми и коричневыми пятнами и способствующие их таянию вследствие свойственной им теплопоглощаемости.

Драгирование морского дна (работа П. Г. Горбунова) выявило богатую донную фауну Карского моря (морские звезды, лилии, голотурии и т. д.). Особенно интересна находка осьминога и сепии, из которой добывается краска. Количество организмов на дне таково, что драга приносила их десятками килограммов.

Выяснено распространение на север и восток до Северной Земли

различных видов рыб; некоторые из них встречались в громадном количестве, например полярная треска.

Наблюдения за птицами (работа Н. Г. Горбунова), например кайрами, гагами, чистиками, чайками и т. д., образующими во многих местах громадные птичьи базары, выяснили их видовой состав и географическое распространение, дали богатый музейный материал. Установлено, что возле берегов Северной Земли можно рассчитывать найти в больших количествах не только нерп, морских зайцев, но и моржей, которые до сих пор никем не были тревожимы и легко к себе подпускают.

Ботанические сборы (работа профессоров Савича и Исаченко) выявили обеднение суши растениями в направлении к востоку, и если на Земле Франца-Иосифа зарегистрировано до 30 видов цветковых растений (среди них есть новые виды, не указанные еще для этой земли), а на Земле Визе — 12 видов, то на острове С. С. Каменева растительность еще беднее. Флора лишайников и мхов, обследованная проф. Савичем, довольно обильна — насчитывает многие десятки видов. Низкая температура и сильные ветры выработали у растений особые биологические приспособления, характерные для полярных растений и выраженные чрезвычайно резко. Весь собранный гербарий поступит для обработки в Главный ленинградский ботанический сад.

Микробиологические исследования (работа проф. Исаченко) воздуха дали ясное доказательство отсутствия в нем бактерий. Пробы морской воды с различных глубин, на различных широтах показали, что бактериальная жизнь и вызываемые ею процессы сосредоточены главным образом в придонной воде и грунтах, тогда как верхние слои воды почти лишены бактерий. Выявлено положительное влияние гольфштрема на бактерии и собраны в большом количестве железные конкреции, образованные ими.

Надо сказать, что сейчас, когда все внимание членов экспедиции было обращено главным образом на сбор материала, еще преждевременно делать окончательные широкие обобщения. Но все же и сейчас видно, что труды экспедиции вольют в науку совершенно новые факты, позволят сделать новые выводы, которые составят крупнейшие научные достижения, выполненные благодаря руководству и всемерному содействию советского правительства.

как живет и работает советская колония на земле франца-иосифа

(По радиотелеграфу)

18 АВГУСТА. Все проливы между островами Земли Франца-Иосифа свободны от льда. «Седов» торопился оставить нас для достижения Северной Земли, и начатые постройки на станции остались

недоконченными, груз лежит на берегу. Мы не унываем — общими силами, работая по 12-15 часов в сутки, разбираем, укладываем по кладовым грузы, достраиваем начатые постройки. К сегодняшнему дню собственными силами заново отстроили скотный двор на десять голов, отремонтировали все лодки, выкрасили окна и двери; начинаем ремонтировать жилой дом.

Развертываем научную работу; предполагаем на собаках устроить небольшую — на другой конец острова — экскурсию для изучения ледникового покрова.

Для добычи кормежки нашим 45 ездовым собакам охотимся и довольно успешно. По сегодняшний день убили четырех медведей, несколько морских зайцев и четырех нерп.

Регулярная жизнь начинает налаживаться. На далеком архипелаге островов мы не одни — сегодня в Британском канале показался большой промысловый бот, очевидно норвежский. Мы пошли к нему, но сильный туман и снег в пути заставили нас вернуться обратно.

И. Иванов

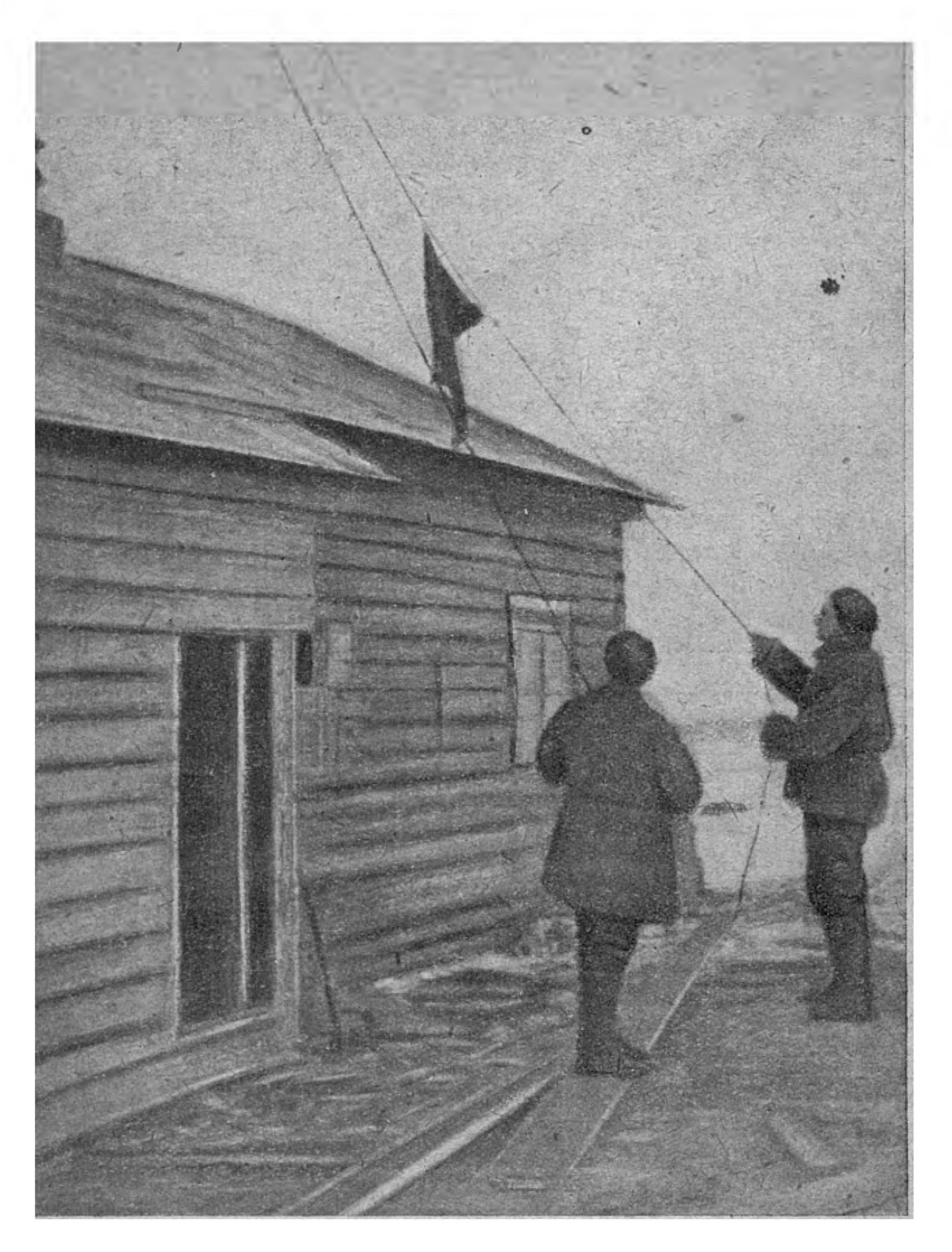
14 СЕНТЯБРЯ. По окончании разбора грузов жизнь станции вошла в нормальную колею. 14 августа закончили постройку оранжереи. Вечером сделан первый посев салата, редиски, репы, петрушки, лука, декоративных растений. 25 августа все посевы дали превосходные всходы. 10 сентября лук достиг роста 25 сантиметров. Хорошо растут привезенные из Ленинграда и Архангельска пальмы, гвоздика, маргаритки, земляника и настурции. Всего в оранжерее 35 различных растений. Температура оранжереи не опускается ниже 12 градусов. На улице в это время бывает мороз в 7 градусов, метель и снег. Приятно сидеть в теплой оранжерее и вдыхать аромат цветущих растений, напоминающих о далеком юге.

Налаживается работа. Производятся ежедневные наблюдения над температурой, приливами моря, температурой почвы на различных глубинах. Биологом Демме собрано много различных видов животных и растений на суше и на море. На-днях я совершил большую экскурсию на шлюпке на остров Кетлиц, к северу от станции. Всего пройдено 85 километров. Произвели обследование этого острова, достигнув его северной оконечности. Обратно пришлось тащить шлюпку по сплошному торосу льда на протяжении 10 километров. Со мною в экскурсии были механик Плосконосов, завхоз Данилов и промышленник-самоед Хатанзейский.

На станции чувствуют себя все хорошо. Непрерывный полярный день кончился. 2 сентября зашло солнце, чтобы снова показаться через несколько месяцев. Вчера я в первый раз зажег лампу. Радиостанция работает хорошо. Готовимся к полярной ночи, пилим дрова.

Подъем радиомачты на острове С. С. Каменева

Экскурсия в глубь Северной Земли

Подъем флага и открытие колонии на Земле Северной.
Стоят: Урванцев и Ушаков

Неутомимый радист Йойлев проводит электрическое освещение. Большую помощь в работе станции оказывают промышленники Кузнецов и Хатанзейский.

И. Иванов

12 НОЯБРЯ. Последней большой экскурсией на двух самоедских упряжках собак на южный берег острова Гуккора закончились осенние полевые работы. Сейчас наступила глубокая полярная ночь. Переходное время к ней было сопряжено с большими возмущениями атмосферы. Сильный ураган нанес высокие сугробы. В этот период работе радиостанции сильно мешали атмосферные явления; связь на коротких волнах с Маточкиным Шаром была неустойчива, но перебоев больших не было.

Кругом бродят медведи, которых убиваем почти на крыльце. Тихие бархатные ночи освещаются северным сиянием самой причудливой, разнообразной формы и цвета. Тишина таких ночей нарушается только лаем 45 собак да пением петуха на чердаке, который, несмотря на беспрерывную ночь, поет всегда в одно и то же время. Одна из наших трех кур вывела цыплят. Два часа в день горит электричество, четыре часа — керосиновая лампа. Сотрудники занялись чтением и разработкой собранных материалов.

Пролетарский праздник Октябрьской революции провели хорошо; все помещение разукрасили разноцветными материями и флагами. Приносим сердечную благодарность всем приславшим нам приветствия.

И. Иванов

29 НОЯБРЯ. Полярная ночь становится с каждым днем все темнее и темнее и заставляет всех сидеть дома. Развернулась работа по подготовке к весенним экскурсиям. Работы очень много, хватает всем — плотникам, столярам, радисту и механику. Делаются легкие походные лодки, переделываются сани, шьется специальная полярная одежда и обувь из звериных шкур.

Работы так много, что время бежит быстро, незаметно. Вечером сотрудники занимаются чтением, научными работами, самообразованием.

И. Иванов

23 ДЕКАБРЯ. Сейчас, в разгар полярной ночи, переживаем самое темное время. Только далеко-далеко в мировом эфире мерцают яркие звезды или вдруг пролетит метеор, рассекая атмосферу яркой полосой света.

Гулять почти невозможно. Дом обложило громадными снежными сугробами; снег забивает окна и двери, и их ежедневно приходится откапывать. По ступенькам, сделанным в снегу, с фонарем в руках,

выбираемся на верх снежных сугробов, чтобы сходить в кладовую или в сарай за топливом. Особых холодов пока не было. Самые сильные морозы не превышают 28 градусов. Часто дует юго-восточный ветер, принося значительное потепление. Но иногда поднимается резкий ветер с севера и пронизывает холодом весь дом. В такое время температура в комнатах опускается ниже нуля — топка безрезультатна.

Влияния полярной ночи на сотрудников, на их здоровье, по наблюдению нашего врача Кутляева, пока не замечается. Несмотря ни на какую погоду, работы станции идут регулярно и бесперебойно. В обычное время метеоролог Голубенков, с маленьким фонариком, почти незаметным в темноте полярной ночи, направляется на метеорологическую площадку для записи температуры воздуха, почвы и для измерения осадков, силы ветра и влажности. С таким же незаметным фонариком гидролог Мухин ежечасно ходит к установленному на льду прибору, качающемуся при приливе и отливе моря. Мухину помогают Демме и Кутляев. Через каждые 15 минут выходит вахтенный сотрудник — наблюдать северное сияние. В этом месяце оно достигло необычайной силы.

Маленькие фонарики не в силах победить темноту полярной ночи, и сотрудникам часто, особенно в пургу, приходится блуждать, отыскивая дом.

В доме также идет работа. В лаборатории весело тикают хронометры и самопишущие приборы; в коридоре промышленник Кузнецов и завхоз Данилов изготовляют походные лодки, гнут полозья для саней. На кухне гремит кастрюлями повар Постнов. Занят и промышленник Хатанзейский — он выделывает звериные шкуры, а когда надоест, — играет на гармошке. Время идет быстро и незаметно.

И. Иванов

•

25 МАРТА. Несмотря на сильные морозы, Арктика начинает оживать: прилетели птицы — чистики и полярные люрики. Морозное солнце светит целый день, а с 12 апреля круглые сутки будет освещать наш архипелаг.

С наступлением дня развернулись научные работы вне дома. Сотрудники научно-исследовательской станции Земли Франца-Иосифа объявили себя ударниками. Одна ударная группа, в которую вошли Иванов, Кузнецов и Хатанзейский, 16 марта отправилась на собаках к Земле Георга. Биолог Демме предполагает поселиться в палатке у скалы Рубини-Рок для наблюдений за птичьим базаром. Остальные ударники выполняют плановые работы на станции.

Не кончилась еще зимовка, а уже группа зимовщиков — радист Иойлев, врач Кутляев, механик Плосконосов и завхоз Данилов, услышав по радио из Москвы доклад проф. Самойловича о предполагаемом

походе ледокола «Красин» в будущем году к северному полюсу, подала заявления с просьбой принять их в число участников этого похода.

Врач Кутляев

Работа ударного форпоста на Северной Земле

(По радиотелеграфу)

26 СЕНТЯБРЯ. Скоро уже месяц, как на островах Сергея Каменева, сойдя с ледокола «Седов», остались четыре человека. Мои спутники — смелые люди, испытанные полярники, дружные товарищи. Имеем 42 собаки, трехлетний запас продовольствия и снабжения. Наша задача — исследовать западный берег Северной Земли. На него до сих пор не ступала нога человека. В ясные дни видим таинственные гигантские скалы, покрытые глетчерами и снегом. Зная обиженную природой Чукотку, остров Врангеля, блестящую красавицу Землю Франца-Иосифа, плачущую туманами Новую Землю, мы поражаемся суровости Северной Земли. Редко на несколько часов покажется солнце; небо всегда серо-свинцовое; только ночью, обычно на севере, видим узкую, словно ножом прорезанную щель, окрашенную багровой зарей.

Дни убывают. Скоро солнце скроется на долгие четыре месяца и наступит полярная, по-эскимоски — «большая» ночь. Луна и полярные сияния будут единственными источниками света; поэтому торопимся использовать светлое время и пройти по льду северней, чтобы обследовать ближайший район и устроить депо продовольствия для будущих работ.

Для работы требовалось много рабочих рук. Имелось четыре пары. Было трудно, но справились. Тренируем собак, заготовляем мясо, бьем тюленей. Медведи долго избегали соседства с нами. Наконец, в один день, на триста метров от дома прошло пять штук. Они сильно увеличили запас мяса в кладовой. Охоте мешают беспрерывные ветры. Все здоровы, бодры, ловим радио, живем одной жизнью с трудящимися Союза.

Георгий Ушаков

15 ОКТЯБРЯ. 1 октября, вместе с двумя товарищами, Урванцевым и Журавлевым, на трех санях, с 37 собаками, мы вышли на Северную Землю. В наши задачи входило достижение земли, устройство продовольственного депо и топографическая съемка. В тот же день экспедиция, обогнув северо-запад островов С. С. Каменева, вышла в покрытый льдом пролив, отделяющий Северную Землю. Тяжело нагруженные сани, плохое состояние снежного покрова затрудняли движение. В 14 часов начался встречный северо-восточный ветер со снегом. Скоро забушевала метель, и все потонуло в снежном вихре.

Экспедиция вступила в ревущую белую пустыню; движение продолжалось с большим трудом. На 17-м километре, на льду, разбили бивуак. К утру похоронило под снегом собак, сани и занесло половину палаток.

На следующий день, с утра, продолжали путь во встречной метели, продвигаясь по одному километру в час. К десяти часам метель кончилась, и на горизонте появились берега земли. После часового отдыха собак экспедиция продолжала путь. В поздние сумерки, в 16 часов, различили неизвестный берег, идущий параллельно пути с северо-востока, потом оказавшийся большим островом. К вечеру на пути оставался кровавый след изрезанных фирном собачьих лап. Люди работали наравне с животными.

На третий день пути дорога улучшилась. С каждым часом, с каждым пройденным километром мы приближались к берегам земли, к которой когда-то с юга на собаках стремился победитель полюсов — Амундсен, а с запада — дирижабль Нобиле. Вечером на 15-м километре пути экспедиция вступила на берег Северной Земли, занесенный снегом, из которого, словно обуглившиеся пни, показывались отдельные глыбы ржаво-красных песчаников. Берег быстро повышался, переходя в горную гряду. Полярным сиянием и метелью приветствовала Северная Земля первых людей.

5 октября экспедиция продвинулась на высокий мыс, получивший название мыса «Серпа и Молота», в честь поднятого на нем в этот день советского флага. Обследовав мыс, а также произведя съемку лежавшей к востоку от последнего бухты, названной «Советской», экспедиция через два дня двинулась к северу. Убедившись в нахождении большой земли, уходящей на север, экспедиция повернула на юг. Миновав депо, построенное у мыса Серпа и Молота, экспедиция продвинулась по берегу на сорок километров южнее места первого выхода, пройдя таким образом больше ста километров берега земли. Погода ухудшалась с каждым днем. Наша одежда и спальные мешки оледенели. Поэтому на десятый день экспедиция двинулась обратно. Поздно ночью, пройдя за день 65 километров в густом тумане, сокращавшем горизонт до двухсот метров, экспедиция вернулась в залитую электрическим светом главную базу на островах Каменева, где оставался один радист Ходов.

Всего за десять дней пройдено триста километров; по всему пути произведена съемка. На Северной собраны материалы по геологии, флоре (найдено пятнадцать цветковых, мхи, лишайники), фауне (усмотрены луночки и следы медведей, песцов, леммингов).

Сейчас погода ухудшается; дни быстро идут на убыль, и солнце видим исключительно редко и низко над горизонтом. Работа экспедиции сосредоточивается на главной базе. Исследование Северной возобновится с первыми признаками света после полярной ночи.

Георгий Ушаков

29 НОЯБРЯ. 21 октября последний раз видели солнце. Снова оно покажется через четыре месяца. Наступила «большая» ночь. Круглые сутки горит электричество. Только хронометры сообщают о наступлении утра, зовут на работу, приглашают к обеду и сообщают о наступлении ночи.

Сильнее всего чувствовалась оторванность от всего мира в годовщину Октябрьской революции. Хотелось по привычке быть в колоннах трудящихся, слышать шелест знамен, музыку и песни.

Регулярно ведутся научные работы. В настоящее время проводятся метеорологические, астрономические и магнитные наблюдения. В последние дни построен специальный домик — обсерватория. Температура с конца октября до первых чисел ноября упала до 30 градусов ниже нуля. Однако с пятого ноября до последних дней упорные ветры южных румбов принесли сильное потепление. Температура подымалась до нуля и колебалась между 5 и 15 градусами. Море сплошь покрыто льдом и вздыбилось хаосом непроходимых торосов. Арктика кажется мертвой; только вой ветра нарушает тишину. Все живое скрылось еще в конце сентября — улетели розовые и белые полярные чайки, исчезли тюлени.

25 ноября убит последний медведь. Запасов мяса хватит по январь; в феврале собак переведем на пеммикан; в марте надеемся снова начать охоту. Одной из основных задач в полярную ночь ставим — сохранение здоровья и работоспособности членов экспедиции к будущим санным экскурсиям на Северную Землю.

Твердое расписание дня и хорошее питание дают право надеяться на хороший исход полярной ночи. На ясном небе часами горит полярное сияние. Это наше зрелище. Из других развлечений надо отметить голоса «из-за полярного круга» — радиоконцерты и радиогазеты. К сожалению, условия слышимости в октябре и ноябре исключительно плохие. 5 ноября, ночью, во время метели сорвало антенну и электропроводку. В результате, при разрядке аккумулятора, станция десять дней бездействовала. В настоящее время повреждения исправлены. Мощность станции увеличена вдвое.

Георгий Ушаков

22 ФЕВРАЛЯ. В ближайшие дни покажется солнце. Уже 130 дней не тушили в помещении света. В первый и последний месяцы полярной ночи в хорошую погоду видели зарю. Промежуточные два месяца провели в полной темноте. Часто из-за темноты и бурной погоды невозможны были даже прогулки. В хорошую погоду прогулки совершались при свете фонаря. Отмеченная нами минимальная температура — минус 57 градусов. Самая высокая — минус 7. Точно кадры кинематографа, проходили суровые ночи, полярные сияния, в периоды которых отдыхало солнце. Получалась зарядка на очередной

период темноты. Последние месяцы метелями занесло дом. Теперь входим в него через снежный туннель.

Несмотря на тяжелые условия, четырехмесячная ночь проведена благополучно во всех отношениях. Регулярно велись метеорологические и магнитные наблюдения. Несмотря на темноту, промышляем песцов, убили нескольких медведей. Один из медведей пришел к психометрическим будкам, второй — вплотную к дому, третий — к ящикам с продовольствием в 40 метрах от дома. Ночью, частично в полной темноте, частично при свете луны, в морозы ниже 40 градусов сделали две посадки по Северной Земле с запасом продовольствия для весенних работ. Последние три недели заброске продовольствия на намеченные пункты мешают плохое состояние снежного покрова и метели.

В дальнейшем предполагаю выдвинуть одно продовольственное депо на 81-м градусе, другое — в восточную сторону северного залива Матусевича. Работы по съемке неизвестных берегов и исследованиям начнутся в начале апреля.

Георгий Ушаков

9 МАРТА. С наступающей весной намочен обход маршрутной съемкой, геологическими и другими работами северной части Северной Земли, лежащей предположительно между 79-м и 81-м градусами сев. широты. Общее протяжение намеченного маршрута ориентировочно определено в 1 000 километров. Прохождение его потребует 60 суток. Но ограниченность людей и собак, вес походного и научного снаряжения дают возможность иметь запас продовольствия только на 30 суток. Поэтому сейчас проводится подготовительная работа по заброске продуктов и устройству вспомогательных депо. Нахождение главной базы экспедиции в 60 километрах от Северной Земли сильно осложняет работу.

Для переброски грузов на Северную Землю необходимо будет сделать семь-восемь рейсов с общим протяжением свыше 1 000 километров. На Северной Земле грузы сосредоточиваются на мысе Серп и Молот, откуда будут продвинуты дальше на север и на восточную сторону Земли, для чего потребуется пройти еще 700 километров. От результатов этих вспомогательных работ зависит успех главного задания экспедиции — нанесения на карту и обследования неизвестных берегов.

Первая поездка на трех упряжках, о которой подробно сообщалось, носившая больше разведочный характер, была наиболее легкой. Дальнейшие рейсы на Северную Землю делаем на двух усиленных упряжках при средней нагрузке на каждую собаку в 30 килограммов. О какой-либо регулярности таких рейсов можно только мечтать. Полярной ночью часто мешали темнота и ветры. А с появлением света, в феврале, не выпускали в поездку метели, сменившиеся сильным

потеплением и снегопадом, делавшим невозможным продвижение на собаках с грузом.

Во вторую поездку вышел 4 декабря при 25-градусном морозе с надеждой использовать свет луны. Первый перегон в 30 километров продвигался по сверкающим снежным полям. Затем луна скрылась за облаками, и большая часть пути была проделана в полной темноте, буквально ощупью. Темнота иногда сгущалась настолько, что нельзя было в упряжке отличить одну собаку от другой. На третий день мороз усилился до 36 градусов, с резким ветром. На обратном пути недалеко от главной базы нас захватила метель. Несколько собак, отказавшихся работать, было погружено в сани, чем увеличили груз, уменьшили силу упряжек и замедлили движение. Поездка все же окончилась благополучно.

Третий рейс на Землю Северную был сделан 28—30 января при морозах ниже 40 градусов. Хорошее состояние снежного покрова позволило в этот рейс проделать весь путь — 165 километров — в 48 часов, несмотря на то, что в темноте одна упряжка часто теряла другую и тратилось время на поиски.

Четвертый рейс, при очень неблагоприятном состоянии снежного покрова, проделал в трое суток — 22—26 февраля. На этот раз сильный мороз сопровождал партию в продолжение всего пути. При выходе из базы термометр показывал 37 градусов. Ночью температура поднялась до 40 градусов, а на второй день мороз достиг 47 градусов. На третий день пути наметилось некоторое потепление. Термометр и в этот день не падал ниже 42 градусов; однако пронизывающий северный ветер делал этот мороз более жестоким, чем в предыдущий день. Вследствие продвижения по льду и в виду полного отсутствия топлива на Северной Земле походные печи изъяты из обихода; поэтому в палатке на несколько градусов теплее только в момент приготовления пищи на примусе. Остальное время температура сравнивается с температурой наружного воздуха; тогда стеариновая свеча выгорает только в середине, образуя пустотелый цилиндр, масло приобретает плотность льда и хрустит на зубах, спальные мешки из теплого оленьего меха перестают греть; к утру пропитываясь инеем, меховые одежды замерзают и делают мучительным надевание их. Мороз часто делает невозможным ночной отдых людей и собак. Боязнь потерять собак часто заставляет продолжать путь вслед за небольшой передышкой. Большая потеря времени в феврале лишила возможности своевременно перебросить грузы на Северную Землю и создала исключительно острое положение в плане устройства вспомогательных депо, угрожая срывом большой санной экспедиции. Это лишило возможности в дальнейшем выжидать благоприятную погоду. Поэтому в пятый рейс на Северную Землю вышел 2 марта при начавшейся метели, усилившейся в пути. Затихнув на несколько часов, метель на следующий день ударила с новой си-

лой и сопровождала вплоть до возвращения на базу. Сколько-либо значительных улучшений работы в ближайшей месяц ожидать нельзя. Этот месяц предполагаю закончить устройством продовольственных депо. На Северную Землю выхожу 7 марта. В этот рейс надеюсь продвинуть часть грузов на 200 километров к северу от главной базы экспедиции.

Георгий Ушаков

15 АПРЕЛЯ. Все подготовительные работы к большой санной экспедиции закончены. За последний месяц для заброски продовольствия сделано две поездки общим протяжением свыше 800 километров. В первую поездку вышел 6 марта, поставив задачей выдвинуть продовольственное депо на 200 километров вдоль берега Земли, к северу от главной базы.

9 марта миновал главное продовольственное депо на мысе Серпа и Молота и на следующий день — крайнюю точку, достигнутую в октябре минувшего года. 11 марта к западу от Земли открыто три новых острова. В ночь на 12 марта началась сильная метель, державшая нас в палатке трое суток. С окончанием метели землю накрыл густой туман. Продвигаясь по проливу в тумане, с большими усилиями удалось подойти к одному из вновь открытых островов. На этом участке пути 90 процентов всей площади занимают айсберги, часто высотой до 25 метров.

Остров, к которому приблизились, оказался покрытым глетчерами, движущимися в сторону пролива и заполнившими последний ледяными горами. До позднего вечера, несмотря на вновь начавшуюся метель, продолжали путь по опасному льду. На следующий день в густом тумане пробились сквозь узкую полоску сравнительно ровного льда в непосредственной близости к берегу. Последнюю гряду айсбергов, шириной всего лишь в 200 метров, переваливали три часа.

17 марта в половине 81-го градуса сев. широты открыт высокий скалистый мыс, получивший имя «Клима Ворошилова». Отсюда берег, в пределах видимости, заворачивает к юго-востоку, что дает повод предполагать, что мыс Ворошилова является крайней северной точкой Северной Земли. Мыс окружен мелкими островами. Дальше, к северо-западу, виден ряд островов, которые тянутся сплошной грядой до 81-го градуса.

Устроив на большом острове, в 7 километрах севернее мыса Ворошилова, депо с полумесячным запасом собачьего корма, 18 марта мы вышли в обратный путь. Несмотря на то, что топливо и продовольствие экономили, его оставалось всего на двое суток, а до главной базы отделяло расстояние в 200 километров. Термометр показывал 30 градусов мороза. Однако установившаяся 17 марта хорошая, ясная погода позволила миновать кашу ледяных гор, срезать мысы

и бухты и в двое суток покрыть все расстояние, для прохождения которого вперед, с грузом, потребовалось 12 суток.

Через несколько дней, на обратном пути, в этом районе люрики встречались уже целыми стайками.

Вечером 11 апреля, после прохождения залива Матусевича и пересечения мыса Ниллен-Бера, был достигнут мыс Берга, где найден астрономический пункт — остаток флагштока гидрографической экспедиции 1913 года, открывшей Землю. Бамбуковая мачта флагштока оказалась сломанной медведями, а знак астрономического пункта — изгрызен. В районе встречено много леммингов и песцовых следов. Здесь устроено последнее депо для запаса собачьего корма, топлива и продовольствия.

12 апреля со встречной метелью вышли в обратный путь, однако смогли продвинуться только до начала фиорда. Движение по гладкому, усеянному трещинами льду глетчера оказалось невозможным. Только через сутки метель стихла, и мы получили возможность продолжать путь, но, продвинувшись на 50 километров, в начале подъема через перевал попали в новую, более сильную метель. Только пройдя перевал, нашли место, где можно было укрыться от метели.

На главную базу вернулись 17 апреля, убив накануне медведицу и поймав живьем медвежонка. Оставшиеся на главной базе тт. Урванцев и Ходов провели работу по развеске и упаковке продовольственных рационов для предстоящей экспедиции. Урванцевым произведена кропотливая работа по проверке научных инструментов и нанесению на карту осеннего маршрута. Сейчас дается передышка собакам и ремонтируется снаряжение.

22 апреля выехали в санную экспедицию по съемке и исследованию Северной Земли. Стоит солнечная мягкая погода; термометр показывает около 30 градусов; светит незаходящее солнце. На основании материалов, полученных в период устройства вспомогательных депо, путь экспедиции рассчитан на охват максимально большего района. Экспедиция выходит из главной базы на мыс Серпа и Молота, где, взяв продовольствие в депо и пополнив запасы, пойдет вдоль берегов Земли на северо-восток, оставляя к западу от пути все острова, примыкающие к Земле.

Обогнув северную оконечность Земли, экспедиция предполагает замкнуть свою съемку на мысе и в бухте Ева съемкой гидрографической экспедиции, после чего, оставляя уже известный восточный берег, экспедиция пойдет на северо-запад для описания известных островов, которые, очевидно, тянутся грядой до 81-го градуса сев. широты.

Обогнув их, экспедиция пройдет западной стороной на остров и замкнет маршрут на мысе Серпа и Молота. Исходя из этого маршрута и возможности продолжать работу на собаках, экспедиция, не заходя на главную базу, выйдет во второй маршрут, задачей кото-

рого будет проникнуть к неисследованному заливу Шокальского для засъемки западного берега Земли, к северу от 79-го градуса.

Для этого предполагается пересечь под 80-м градусом Землю и выйти на мыс Берга, пройти восточным берегом Землю и залив Шокальского. После съемки его на широте снова пересечь Землю западным берегом, через который и вернуться на исходный пункт маршрута, а затем — на главную базу острова Сергея Каменева и по последнему на многочисленную группу мелких островов, протянувшихся вплотную к Северной Земле. Как наиболее доступный и близкий район эти острова останутся для последующих работ экспедиции.

Для намеченных работ экспедиция имеет на Северной Земле трехмесячный запас собачьего корма, топлива, продовольствия, а также необходимое снаряжение для охоты. Дальше предстоит закидка продовольственного депо на восточную сторону Земли для измученных тяжелой дорогой к мысу Ворошилова собак, которые требуют продолжительного отдыха. Пеммикан, которым кормили собак, оказался недостаточно питательным. К счастью, к западу от островов Каменева вскрылись льды и несколько дней были большие полыньи, что привлекло белых медведей. Убито три зверя, которыми быстро восстановили собак.

Это позволило 22 апреля выйти в новый поход. Задачей похода было пересечение Земли при выходе на восточный берег мыса Арнольда или залива Матусевича, в зависимости от условий рельефа Земли. Ночью снова был достигнут западный берег Земли в 30 километрах южнее мыса Серпа и Молота. В тот же день начато пересечение Земли. На 20-м километре при подъеме поднялась сильная встречная метель, продолжавшаяся полтора суток. Далее в течение трех суток движение совершалось в тумане. На месте пересечения оказалось плоскогорье с наивысшими точками в 400 метров.

Перевал был совершен на высоте 350 метров. В 20 километрах восточнее вершины перевала было обнаружено верховье реки, текущей в направлении на северо-восток. Было принято решение исследовать русло реки. Спуск в русло вследствие необычайной крутизны и высоты берегов был произведен на цепях. Вскоре река привела нас к узкому ущелью глубиной около 100 метров. Разведка выяснила возможность его прохождения. Пробив ущелье, река, получив новый приток, образовала пресноводное озеро шириной около 3 километров, вытянутое на протяжении 8 километров.

Миновав озеро, мы вышли на глетчер, запрудивший русло реки и послуживший причиной образования озера. Ось глетчера уже здесь лежит в глубоком фиорде, на котором заметно действие приливов. Отсюда глетчер получает новые ледяные потоки и, заполняя весь фиорд, тянется свыше чем на 30 километров, выходя в залив Matу-

севича. Последний вместе с фиордом врезается в глубь земли приблизительно на 60 километров. Перед выходом в залив Матусевича фиорд пролезает в горную складку, образуя скалы высотой более 300 метров.

Здесь нами были встречены первые в этом году птицы — люрики, чистики и чайки. Найдены все признаки птичьего базара. На главной базе останется радист Ходов, который будет поддерживать связь с материком и вести срочные метеорологические наблюдения, передавать сводки в бюро погоды. Следующая корреспонденция — после возвращения из похода.

Георгий Ушаков

31 МАЯ. Пройдя в течение 36 суток 800 километров, 29 мая экспедиция успешно закончила первый намеченный планом маршрут. Открыт новый пролив, отделяющий от средней части Землю Северную. Последняя представляет собой большой остров, покрытый большей частью глетчерным льдом. Оконечность Земли, получившая название мыса Молотова, достигнута 16 мая на широте 81°16′ и долготе 95°37′.

Вплотную у мыса Молотова экспедиция встретила открытую воду с редкими плавающими льдинами. К северу открытая вода уходила до пределов видимости.

Последующими наблюдениями установлено, что вскрытые льдины в момент прохождения экспедиции окружали всю северную часть Земли. На оставшемся широком неподвижном береговом припае, который подходил то почти вплотную к мысам, то к восточной стороне Земли, до половины 81-го градуса, найдены птичьи базары, что заставляет исключить предположение о случайности вскрытия льдов в этом районе в текущем году.

На всем пройденном пути произведена маршрутная съемка до сего времени не известных берегов. Съемка закреплена семью астрономическими пунктами. Выявлена чрезвычайно сложная геология Земли, собраны ценные материалы. Единственной помехой во время похода была погода. Сильная облачность, часто налетавшие продолжительные густые туманы иногда останавливали работы на несколько суток. Спускаясь к юго-западным берегам Земли, экспедиция приблизилась на 50 километров к главной базе на островах Каменева. Решено было посетить остававшегося здесь товарища.

После двухдневного отдыха собак и некоторого ремонта снаряжения, 1 июля экспедиция снова выходит в путь для выполнения второго по плану маршрута, который должен от главной базы пересечь Землю, выйти на мыс Берга и залив Шокальского и снова перейти на западный берег Земли. Таяние снега еще не началось, и экспедиция надеется до наступления этого периода закончить пересечение Земли.

Георгий Ушаков

26 ИЮЛЯ. Южный маршрут закончен благополучно. Начавшаяся 20 июля распутица сделала его чрезвычайно суровым.

Обследование продолжалось 50 дней. Экспедиция прошла 700 километров и определила пять астрономических и магнитных пунктов. Внесен ряд исправлений в съемку гидрографической экспедиции на восточном берегу.

Вместо залива Шокальского открыт пролив, имеющий в самом узком месте ширину в 20 километров. По ряду признаков глубина его достаточна для прохода судов.

Весь пройденный берег обследован также геологически. Открыты признаки месторождения золота, олова, меди. Взяты пробы.

Всего на Северной Земле сделано 1 500 километров маршрутной съемки, охватывающей площадь в 25 тысяч квадратных километров. Осмотрено около 200 обнажений, собрано 400 образцов пород. Собраны материалы по оледенению Земли, режиму льдов, гербарии и т. п. Всего экспедицией обследовано 70 процентов Северной Земли. На будущий сезон осталось 30 процентов, падающих на южную часть Северной Земли.

Такая работа могла быть выполнена благодаря дружному сотрудничеству всех членов экспедиции. Особенную ценность приобретают работы экспедиции благодаря участию т. Урванцева, с которым мною был совершен последний поход. В ближайшее время приступаем к подготовке следующей зимовки. Все бодры и здоровы. Шлем сердечный привет.

Георгий Ушаков

Радиограмма т. Каменева т. Ушакову

В ответ С. С. Каменев отправил на Северную Землю т. Ушакову следующую радиограмму:

> «С исключительным интересом прочел сообщение о проделанной работе. Совершенное экспедицией обследование поистине легендарно. Преодоление неслыханных трудностей говорит положительно о сверхгероичности зимовщиков. Такие дела могут творить только товарищи, рожденные и воспитанные великим Октябрем и воодушевленные задачами нашего великого социалистического строительства».

3 АВГУСТА. План полевых работ экспедиции в текущем году выполнен полностью. Неблагоприятная погода в феврале, задержавшая работы по устройству вспомогательных продовольственных депо, на целые полмесяца задержала и начало нового маршрута вокруг северной части Земли и поставила перед необходимостью провести

второй маршрут в период распутицы, начала вскрытия льдов с сопутствующими ему трудностями.

Во второй маршрут экспедиция вышла 1 июня, в 12 дней пересекла Землю и достигла продовольственного депо на мысе Берга. В предвидении распутицы, желая увеличить ресурсы экспедиции, отсюда мною откомандирован на главную базу один спутник с восемью собаками.

После окончания астрономических наблюдений, 14 июня, в сопровождении Урванцева, руководящего научной работой экспедиции, я вышел к восточному берегу Земли, по направлению к заливу Шокальского. На имевшихся двух санях с 20 собаками мы могли поднять, кроме экспедиционного научного снаряжения, только месячный запас продовольствия и 20-дневный запас собачьего корма.

После двух переходов, 15 июня был достигнут мыс Анучина, где экспедиция задержалась на сутки для астрономических наблюдений. Результаты съемки между мысом Берга и мысом Анучина, за исключением мелких деталей, совпали с имеющейся съемкой гидрографической экспедиции. Дальше пошли крупные расхождения. С южной стороны мыса Анучина найден неглубокий залив, начиная с которого берег идет почти в прямом направлении на юг.

17 июля мы убедились, что мыса Арнгольда в действительности не существует; за таковой, очевидно, был принят один из группы мелких островов, лежащих вдоль берега к югу от мыса Анучина. Хорошо видимый южный берег залива Шокальского с выступающим мысом Визе шел почти параллельно нашему пути. Совершенно ровный лед и легкий мороз, остановивший начавшееся таяние снега, создали исключительно благоприятные условия путешествия. 17 июня пройдено, заснято и обследовано 54 километра, а в следующий день — 30 километров.

В конце второго перехода на горизонте были замечены морские торосистые льды. Таким образом вместо залива экспедицией открыт широкий пролив. После определения нового астрономического пункта мы убедились в отсутствии нанесенной на карту горы Толмачева. В этом месте мы нашли ледниковый щит, занимающий всю южную часть центрального острова Земли, без всяких признаков отдельных вершин или гор.

19 июня убили трех медведей, пополнивших запасы экспедиции. 20-го началась распутица. Температура поднялась до 5 градусов тепла. С этого дня путь стал одинаково мучительным и для людей и для собак. Переходы в 5 километров, требовавшие затем продолжительного отдыха собак, стали считаться достижением. Маленький караван буквально тонул в снегу, в котором с каждым днем скапливалось все больше воды. Снег отказывался держать сани, собак и даже лыжи. Часто приходилось один участок проходить несколько

раз, сбрасывая груз, пробивая дорогу и возвращаясь обратно. 25 июня тронулись все реки. Движение по берегу стало невозможным. В море лежали непроходимые торосы с глубокими озерами или еще более глубоким снегом. Единственно возможной дорогой оказалась узкая полоса прибрежных ровных льдов, залитых водой.

День за днем экспедиция шла в ледяной воде, часто на протяжении десятка километров не встречая льдины, на которой можно было бы дать отдохнуть и согреться замерзающим собакам.

30 июня экспедиция была близка к катастрофе. Пересекая один из многочисленных мелких заливов, караван проходил вблизи кромки торосистых льдов, оставляя ближе к берегу льды, где скопилось слишком много воды. Неожиданно подувший с берега резкий ветер погнал воду, прижал ее к стене торосистых льдов. В течение 15 минут уровень воды поднялся до половины человеческого роста. Всплывшие сани погнало ветром; плавающие собаки начали захлебываться. С трудом удалось повернуть упряжки против ветра, оттянуть их на более мелкое место, затем выйти на прибрежный лед, с которого вода совершенно исчезла. Продолжавшийся ветер на следующий день прижал воду к одному из мысов, лежащих на пути экспедиции. Дорогу к берегу отрезал большой поток; попытка перейти его выше по течению не дала результатов. Экспедиция попала в целую сеть непрерывающихся глубоких потоков и принуждена была вернуться на побережье и ожидать перемены ветра.

В течение пяти суток туман, снег, сменяя друг друга, держали нас на одном месте, лишая возможности определить астрономический пункт. Расходовалось продовольствие и топливо, собачьего корма осталось на пять суток, от главной базы нас разделяло расстояние в 150 километров. Состояние дороги позволило проходить максимум 10 километров в сутки. Перспектива была — или, прекратив работу, гнать форсированным маршем ослабевших собак на главную базу, или, продолжая работу, начать кормить собак собаками, или наконец итти и тащить сани самим.

Решение подсказала сама Арктика. 6 июля на льду был замечен медведь. После продолжительной погони по озерам накопившейся воды между торосами зверь был убит и вывезен на берег. Через несколько часов по следам крови пришел к лагерю и был убит второй медведь. На следующий день к лагерю подошли три новых медведя, в которых нужды уже не было. Располагая мясом, экспедиция могла ожидать необходимых условий для работы и провела в лагере четверо суток. Десять астрономических наблюдений были закончены. На следующий день с восьмидневным запасом корма пошли дальше.

На следующем переходе дорога еще более ухудшилась. Вновь — трещины, полыньи, сплошная вода, снова ледяной барьер. Собаки

начали отказываться работать; к концу перехода несколько из них лежало в санях; у многих на разбитых лапах стали обнажаться кости. На протяжении многих километров не было ни клочка обнаженного льда для бивуака. Сильный ветер пронизывал совершенно мокрые одежды. Наконец был достигнут залив Сталина, лежащий к югу от мыса Серпа и Молота. На северо-западе узкой лентой показались острова Каменева. Выход на берег отрезала полынья; поэтому лагерь разбили на льдине, отколовшейся от глетчера и окруженной трещиной. Путь к заливу также оказался отрезанным скопившейся здесь благодаря ветру сплошной водой.

14 июля перенесли груз, сани и собак через трещину и поднялись на ледниковый щит, по которому прошли на совершенно обнаженный от снега берег. Здесь в каждые сани по очереди впрягали всех способных работать собак, впрягались сами и тащили по голой земле, переправляясь через реки, а затем возвращались за следующими санями. Проходя таким образом 20 километров, мы продвигались в действительности на 5 километров.

После перемены ветра вода очистила льды залива Сталина. Построив ледяной мост через трещину, снова вышли на лед и пересекли залив.

В течение двух суток непрерывно шел сильный дождь. 18 июля на полуострове Парижской коммуны сомкнули маршрут последней точкой, нанесенной на карту осенью прошлого года. На льду появились трещины и полыньи, через которые за отсутствием лодки уже нельзя было переправиться. Две собаки подохли от истощения, пять вместе с передовиком лежали в санях, остальные, отдавая последние силы, начали падать в воде. Корм кончился; отдали остатки сливочного масла и шоколада; сами питались одним рисом, который приходил к концу. На пятидесятый день пути, 20 июля, главная база была достигнута. Маршрут, протянувшийся на 700 километров, окончен. Несмотря на неблагоприятные условия, работы проведены полностью.

В конце августа истекает год пребывания экспедиции на Северной Земле. Результаты работ экспедиции следующие. Пройдено на собаках, включая подготовительные работы, свыше 3 тысяч километров, проведено 1 500 километров маршрутной съемки, охватывающей площадь около 25 тысяч квадратных километров и опирающейся на 13 астрономических и магнитных пунктов. При астрономических наблюдениях долготы определялись по радио. Принимались ритмические сигналы станций Науэн, Рэгби и Бордо. Походный радиоприемник с питающимися батареями и всеми принадлежностями, весом в 28 килограммов, составлял нагрузку одной собаки. Метод, впервые примененный в условиях экспедиции в высоких широтах, блестяще выдержал испытание. Экспедицией выяснены простирание Земли к северу, ее общая конфигурация, площадь, рельеф

и геоморфология. Главную массу Земли составляют три больших островах, получившие наименование: центральный — остров «Октябрьской революции»; южный, отделенный от центрального проливом Шокальского, — остров «Большевик»; северный, отделенный проливом Красной армии, — остров «Комсомолец».

К ним примыкает ряд мелких островов, собранных большей частью в небольшие группы. Самую значительную из последних представляют острова Сергея Каменева. Пролив Красной армии залит многолетним льдом, айсбергами; выходы его закрыты мелкими островами. Второй открытый экспедицией пролив — Шокальского — в самом узком месте имеет ширину в 20 километров. По всем данным, пролив часто вскрывается от льдов и проходим для судов. В момент прохождения экспедиции пролив на всем протяжении был заполнен однолетним льдом, а на южном выходе — льдом, образовавшимся за вторую половину зимы.

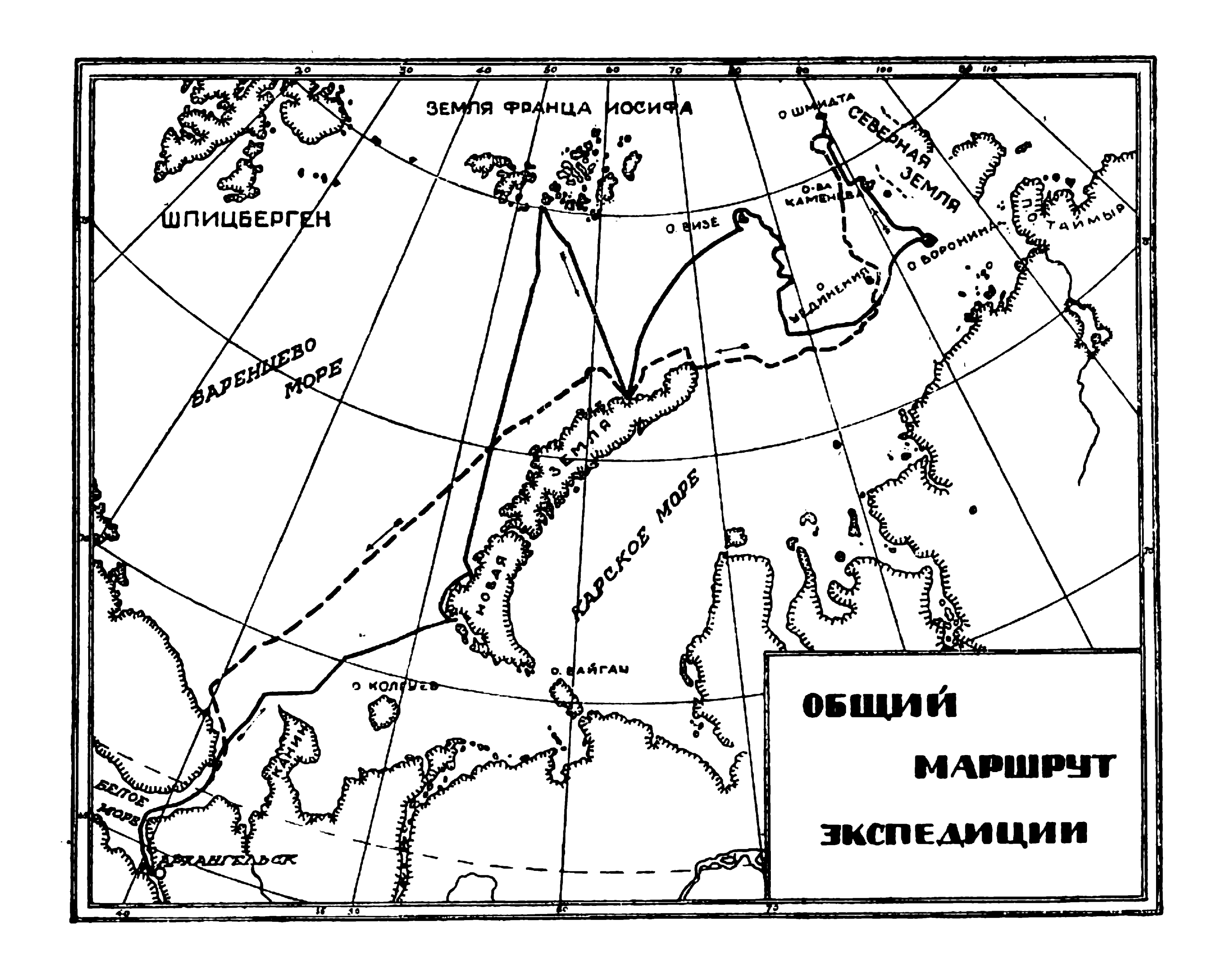
Выяснено в основном геологическое строение Земли, представляющей древнюю складчатую страну весьма сложного строения, с опрокинутыми, местами разорванными и надвинутыми друг на друга свитами. Собраны материалы, доказывающие опускание страны в четвертичную эпоху, затем новое поднятие, по целому ряду разломов определяющее в основном современное очертание Земли. Признаки продолжающегося поднятия в настоящее время обнаружены во многих местах.

Экспедицией обследован геологически весь пройденный берег, на протяжении которого осмотрено около 200 обнажений, собрано несколько сот образцов горных пород, открыты признаки ряда рудных месторождений. При пересечении Земли получены данные для полного геологического разреза. Собран ряд материалов по оледенению Земли, по режиму окружающих ее льдов, а также материалы по флоре, фауне, в частности по промысловому зверю (белый медведь, песец, морской заяц, нерпа). Метеорологические наблюдения и передача сводок ведутся непрерывно.

Общий результат работы — обследовано и заснято 70 процентов всей Земли.

Высаживаясь у острова Каменева, экспедиция имела 41 ездовую собаку; к началу полевых работ количество собак сократилось до 31; в период полевых работ потеряли еще шесть собак. Оставшиеся собаки требуют продолжительного отдыха. Работы экспедиции сосредоточиваются на главной базе. Начинается подготовка к следующей зимовке, для которой экспедиция располагает достаточными запасами продовольствия и топлива. Корм собакам будет добываться охотой. Основной зверь, дающий мясо,— белый медведь; много нерпы, имеется морской заяц.

Георгий Ушаков

ОБЩИЙ
МАРШРУТ
ЭКСПЕДИЦИИ
ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА
ШПИЦБЕРГЕН
СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ
о. Шмидта
о-ва Каменева
о. Визе
о. Воронина
о. Уединения
п-ов Таймыр
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
КАРСКОЕ МОРЕ
о. Вайгач
о. Колгуев
КАНИН
БЕЛОЕ МОРЕ
АРХАНГЕЛЬСК

ЭКСПЕДИЦИЯ
НА „СЕДОВЕ"
Soviet
Expedition
1930